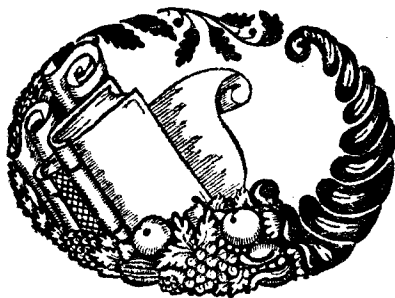

МЕЖДУНАРОДНАЯ

ПОЛИТИКА

ск
**МІРОВОЕ
ХОЗЯЙСТВО**

ДВУХМЕСЯЧЬНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

№ 4

1 9 1 8

ПЕТРОГРАДЪ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. 1 Мая 1918 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
1. Армянскій вопросъ и германскіе планы.—Н. Адонцъ	3
2. Возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями.—Прив.-доц. Е. Флейшицъ	18
3. Проблемы международной торговой политики.—Проф. І. М. Кулишера .	41
4. Первый международный договоръ Россійской Федеративной Респу- блики.—Андрея Сабанина	52
5. Брестскій договоръ и русскіе интересы въ Персін.—К. Гринвальдъ . .	56
6. Хроника.	
Политическое обозрѣніе	65
Мирный договоръ между Четвернымъ Союзомъ и Украинскою Народною Республикою. — Дополнительный протоколъ относительно украинско-польской границы. — Декларация конференціи державъ согласія о Брестскомъ мирѣ. — Дипломатическая переписка въ связи съ выполненіемъ Брестскаго договора.	
Экономическое обозрѣніе	79
Государственное регулированіе экспорта капиталовъ въ Англии.	
Литературное обозрѣніе	85
Ю. В. Ключниковъ. Интернаціонализмъ. — М. Я. Лазерсонъ. Къ международной постановкѣ еврейскаго вопроса. — Ю. Каменевъ. Борьба за миръ. — С. Мстиславскій. Брестскіе переговоры. — F. Nau- mann. Was wird aus Polen? — W. v. Wannisch. Österreich — Ungarn nach den Kriege.	

Книга начата печатаніемъ 15 апрѣля 1918 г.

Редакція открыта для справокъ и личныхъ объясненій по средамъ и субботамъ
отъ 2 до 4 часовъ дня.

Типографія Инк. воен. акад. Птг. Суворовскій пр., 32-б.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА *и* МІРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Выходитъ при ближайшемъ участіи: проф. М. В. БЕРНАЦКАГО, В. В. ВОДОВОЗОВА, М. Л. ГОШИЛЛЕРА, прив.-доц. С. О. ЗАГОРСКАГО, П. П. МАСЛОВА, проф. бар. Б. Э. НОЛЬДЕ и проф. Е. В. ТАРЛЕ.

ДВУХМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

№ 4

1 9 1 8

ПЕТРОГРАДЪ

ПЕТРОГРАДЪ.

Тип. Ник. воен. акад. Суворовскій пр., 32-в.

Армянскій вопросъ и германскіе планы.

Съ ратификаціей мирнаго договора съ Германіей армянскій вопросъ какъ будто уходитъ изъ рукъ Россіи. Но было бы ошибочно думать, что онъ снимается съ очереди: онъ вступаетъ въ новую фазу.

Россія, парализованная въ активной дѣятельности, хотя бы временно, сходить съ арены міровой политики, сходить въ самый острый и отвѣтственный моментъ исторіи; тѣмъ самымъ она отстраняется и отъ концерта державъ по передне-азиатскимъ вопросамъ, гдѣ еще недавно голосъ ея звучалъ столь внушительно.

Армянскій вопросъ служилъ для Россіи тѣмъ рычагомъ, опираясь на который она въ удобный для себя моментъ вмѣшивалась въ великодержавную игру интересовъ и соревнованийъ вокругъ Турціи. Преслѣдуя свои цѣли, Россія оказалась неспособной выработать и усвоить опредѣленную болѣе или менѣе устойчивую точку зрѣнія на ввѣренный ей исторіей вопросъ, при томъ такую, которая сочетала бы интересы имперіи съ чаяніями армянскаго народа, подготовивъ этимъ разрѣшеніе вопроса въ историческомъ руслѣ его развитія. Между тѣмъ, минутныя вѣянія, настроенія и личные взгляды руководителей иностранной политики имѣли рѣшающее значеніе въ вопросѣ, который по своему значенію требовалъ широкаго кругозора для постановки и рѣшенія на прочномъ основаніи. Въ такихъ условіяхъ отъ Россіи трудно было ожидать искомаго разрѣшенія армянской тяжбы. Въ русскомъ пониманіи и трактовкѣ армянскаго вопроса недоставало самаго существеннаго, а именно, сознанія его важности; и потому понятно, что въ должный моментъ она могла бы и отречься отъ него. Это и случилось, правда, въ связи съ трагическимъ

кризисомъ, переживаемымъ Россіей, но, по существу, это могло случиться и независимо отъ данной ситуаціи.

Россія выговорила реформы для Арменіи въ 1878 г., но не настаивала на проведеніи ихъ. Берлинскія статьи, вслѣдствіе равнодушія Россіи, предполагаемой защитницы армянъ, обратилась въ источникъ новыхъ бѣдствій. Турки, точно издѣваясь надъ затѣей Европы, ввели реформы по своему: они реформировали разбой и безчинства—образовали полки изъ курдовъ и разставили ихъ въ армянскихъ центрахъ для охраны жизни и имущества армянъ... Русскіе не протестовали. Военные агенты посвятили много статей этому турецкому „казначеству“ и успокоились, когда убѣдились, что оно, какъ боевая сила, не опасно Россіи.

Но что армянская кровь лилась безмѣрно и безпрестанно, и временами загорались кровавые пожары, какъ въ 1894 г., объ этомъ тѣ же агенты мало заботились.

Попытки русскихъ армянъ помочь своимъ сородичамъ по ту сторону Аракса не только не встрѣчали сочувствія со стороны русскаго правительства, но подавлялись съ непонятной жестокостью. Въ армянскихъ выступленіяхъ въ Турціи русскіе усматривали, прежде всего, революціонные акты и считали своимъ долгомъ подавлять ихъ. Въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ тянулась безпрерывная вереница армянъ, покидавшихъ свои пепелища, чтобы искать спасенія подъ чужимъ небомъ. Земли, дома и все имущество ихъ доставались курдамъ и туркамъ при содѣйствіи турецкихъ властей, которыя смотрѣли на выселеніе и изгнаніе армянъ, какъ на радикальное средство постепенно обратить Арменію въ Курдистанъ и такимъ образомъ развязаться съ армянскимъ вотросомъ.

Русскіе консулы и военные агенты, въ позѣ смиренныхъ зрителей, молчали и въ своихъ конфиденціальныхъ посланіяхъ констатировали столь трагическій для армянъ процессъ превращенія Арменіи въ Курдистанъ съ объективизмомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. Когда же выдвигался вопросъ объ армянскихъ реформахъ, они готовы были удостовѣрить заявленіе турецкихъ властей, что въ армянскихъ вилайетахъ армяне составляютъ ничтожный процентъ населенія.

Наканунѣ войны русская дипломатія искупила свои прошлые грѣхи, впервые выступивъ въ армянскомъ вопросѣ стойко,

безъ традиціоннаго шатанія и колебанія, и заговорила голо-
сомъ, достойнымъ державы, заступающей за права на-
рода, беззавѣтно ей преданнаго. Но и тутъ армянамъ не по-
везло.

Разразилась міровая война. Армяне горько поплатились
за свое тяготѣніе и симпатіи къ Россіи. Втянутая въ войну
Турція, въ отместку за успѣхъ русской дипломатіи въ
армянскомъ вопросѣ, выразившійся въ назначеніи инспекто-
ровъ въ Арменіи по соглашенію державъ отъ 26 января 1914 г.,
подняла такое гоненіе на армянъ, что заставила забыть всѣ
ужасы, ранѣе вѣками выпадавшіе имъ на долю. Армянское
населеніе въ предѣлахъ армянскихъ провинцій и по всей
Малой Азіи частью было вырѣзано, частью насильственно
вырвано изъ своихъ мѣстъ и угнано въ пустынные степи
Сиріи и Месопотаміи на произволь судьбы, гдѣ оно и понынѣ
томится въ физическихъ лишеніяхъ и въ нравственныхъ стра-
даніяхъ.

Русскія войска могли бы, безспорно, уменьшить бѣдствія
народа, но, къ сожалѣнію, по мѣрѣ успѣха русскаго оружія
измѣнялось отношеніе властей къ армянамъ и къ Арменіи.
Медленнымъ продвиженіемъ и быстрыми отступленіями они
лишь доканали разгромъ страны. Когда же, наконецъ, пона-
добилось безъ большихъ усилій занять значительную часть
Арменіи, то русскія власти стали преслѣдовать по отношенію
къ остаткамъ армянъ такую политику, которая не только не
отвѣчала вѣковымъ чаяніямъ народа, но и ничѣмъ не отли-
чалась отъ турецкаго режима и турецкаго правопониманія.
Армянское крестьянство было ошеломлено дѣйствіями органовъ
„великаго христіанскаго царя“, на котораго оно столѣтіями
молилось. А вѣдь нетрудно было понять, что страна, подверг-
шаяся ужасамъ войны въ большей степени, чѣмъ Сербія и
Бельгія, заслуживала иной участи, иного отношенія.

Россія опомнилась, наконецъ, но, увы, поздно,—опомнилась
лишь въ вечерній часъ своей великодержавной жизни. Армяне
услышали долгожданный голосъ, который долженъ былъ раз-
даться одновременно съ грохотомъ пушекъ на границѣ
Турціи.

Декретъ совѣтской власти о самоопредѣленіи армянъ
могъ вызвать у армянъ лишь вздохъ облегченія, поскольку
онъ является въ ихъ мнѣніи актомъ исключительно мораль-

наго порядка, лишеннымъ всякаго политическаго значенія. Никакихъ чувствъ восторга въ ихъ сердцахъ по поводу декретнаго опредѣленія ихъ судьбы нельзя было и ожидать, ибо армяне знали лучше, чѣмъ авторы декретовъ, что политическіе вопросы въ нынѣшней обстановкѣ рѣшаются не путемъ благого, но немощнаго, волеизъявленія, а только давленіемъ желѣзной руки на ратномъ полѣ. Издать декретъ и въ то же время отозвать войска съ фронта, значить одной рукой дать, другой—отнять. Декретъ, это—последняя и жалкая подачка нищему, чтобы отвязаться отъ него.

И вотъ, одинокіе, безъ помощи откуда бы то ни было, съ лоскуткомъ бумаги въ рукахъ отъ великаго своего покровителя, армяне стоятъ въ тяжеломъ раздумьи передъ грозно поднятымъ надъ ихъ головой мечомъ врага. Куда же направить шаги въ окружающемъ ихъ безпросвѣтномъ мракѣ?

Даромъ прошли вѣковыя старанія, надежды на могущественнаго сосѣда. Армянскій вопросъ возвращается вновь къ первоначальному состоянію, армяне вновь у разбитаго корыта. Имперія падишаха, еще вчера трепетавшая передъ грознымъ царемъ, вдохнувъ въ свой гнилой трупъ заемный духъ, глумится надъ новой Россіей и надъ ея освободительными порывами.

Въ то время, какъ міровая демократія въ рѣчахъ государственныхъ дѣятелей и въ резолюціяхъ социалистическихъ организацій требуетъ отказа Турціи отъ Арменіи, Турція не только не намѣревается отречься отъ Арменіи, вырванной изъ ея рукъ силой оружія, но претендуетъ еще на аннексію областей, давно отошедшихъ отъ нея,—Карса, Ардагана, Батума. Государство, которое еле дышетъ на порогѣ развала и держится только благодаря конкуренціи державъ,—это бездыханное тѣло вдругъ становится изъ жалкаго объекта претенціознымъ субъектомъ захватной политики.

Новая поза Турціи не можетъ быть оправдана ея физической силой,—ибо она разбита на всѣхъ фронтахъ,—ни соображеніями о преимуществахъ турецкой культуры, всему міру извѣстной. Ее окрыляютъ исключительно оружіе побѣдоноснаго соратника, расчеты на Германію. Это видно и изъ аргументаціи, которой пытаются обосновать отторженіе названныхъ округовъ,—аргументаціи, поучительной для переживаемаго момента и, въ особенности, для російскихъ дѣятелей.

Намъ говорятъ, что „изъ Константинополя и изъ этихъ областей проникали въ Берлинъ умоляющія просьбы мѣстнаго магометанскаго населенія о помощи противъ нынѣшнихъ дѣйствій, которымъ оно подвергалось отъ воинскихъ частей, русскихъ или выдававшихъ себя за таковыя. Населеніе это настойчиво просило турецкое и берлинское правительства, чтобы ему была дана возможность вновь присоединиться къ Турціи“. И вотъ, во исполненіе воли населенія, признается нужнымъ, чтобы „названные округа были очищены русскими войсками и населенію была предоставлена возможность, согласно объявленному русскимъ правительствомъ принципу самоопредѣленія, высказаться самому по поводу своей будущей судьбы“, при томъ въ согласіи съ сосѣдними государствами (?), „въ особенности съ Турціей“.

Апелляція къ праву самоопредѣленія назидательна, повторяемъ, какъ яркій примѣръ того, какое зло можно творить изъ самыхъ благородныхъ принциповъ.

Дѣло, конечно, не въ томъ, что жалобы мусульманъ названныхъ округовъ скорѣе сочинены въ Константинополѣ,—ибо кому неизвѣстно, что русскую власть во всемъ можно подозрѣвать, но только не въ плохомъ отношеніи къ мусульманамъ, не только русско-подданнымъ, но и турецкимъ. Недавнія воззванія русскихъ генераловъ на кавказскомъ фронтѣ по адресу уходящихъ изъ занятыхъ областей турокъ, демонстративные разстрѣлы невинныхъ армянъ въ угоду туркамъ, достаточны сами по себѣ для того, чтобы въ этомъ отношеніи убѣдились даже въ Константинополѣ и въ Берлинѣ.

Мы оставляемъ въ сторонѣ и вопросъ о томъ, что въ отторгаемыхъ округахъ турки вовсе не составляютъ такого количества сильнаго элемента, чтобы результатъ самоопредѣленія въ пользу Турціи считать предрѣшеннымъ, какъ полагаютъ турецкіе дипломаты. По всеобщей переписи 1897 года—единственной надежной статистикѣ—въ Карсскомъ округѣ населеніе состоитъ изъ 134.142 чел., изъ коихъ 20.376 русскихъ, 14.805 грековъ, 46.715 армянъ, 46.870 мусульманъ (большей частью курдовъ). Значитъ, мусульмане составляютъ лишь треть населенія. Въ Батумской области главный слой населенія—сто тысячъ аджарцевъ; они, правда, по религіи мусульмане, по языку и происхожденію—грузины. Врядъ-ли есть основаніе навязывать имъ турецкую оріентацію.

съ жаждой захватовъ, считались съ армянскимъ горемъ по своему. Всѣ онѣ—Франція, Англія, Россія, Германія—и каждая, въ свою очередь, появлялись на армянскомъ небосклонѣ печальной тѣнью какого-то злого генія, который завлекалъ армянъ обѣщаніями на высоты смѣлыхъ надеждъ съ тѣмъ, чтобы потомъ оттуда низвергнуть ихъ въ пучину отчаянія и гибели. Каждая изъ этихъ державъ заступалась за армянъ, порой и искренне, но въ результатѣ каждая невольно выжимала изъ нихъ очередную дозу слезъ, выпускала очередную струю крови...

Франція, мать свободы новаго времени, въ эпоху своего могущества вела себя въ Турціи такъ, что армяне вынуждены были порою защищаться противъ нея. Въ 1878 году Арменія была бы освобождена, если бы не забота Англіи о цѣлостности Оттоманской имперіи. Въ 1894 году погубилъ армянское дѣло своей политикой русскій—князь Лобановъ-Ростовскій.

Наконецъ, сейчасъ, когда въ вихрѣ міровой схватки народились новые принципы въ строительствѣ судебъ угнетенныхъ народовъ,—принципъ самоопредѣленія, который далъ бы армянамъ возможность выйти изъ лабиринта своего существованія съ развязанными руками для устроенія собственной судьбы,—въ это самое время мы застаемъ у выхода этого лабиринта Германію.

Неужели армянскому вопросу суждено вновь застрять на очередномъ мечѣ, на этотъ разъ — мечѣ Германіи? Гдѣ же справедливость, о которой германскій канцлеръ говорилъ, какъ о должной основѣ мірового порядка? Почему армянамъ отказываютъ въ правѣ самоопредѣленія, признаваемомъ—по крайней мѣрѣ, на словахъ—тѣмъ же канцлеромъ, какъ новый регуляторъ междунаціональныхъ отношеній?

Самоопредѣленіе армянъ, поскольку оно касается невозможности сожителства съ Турціей, давно состоялось. Тому свидѣтели—залитая кровью Арменія, сплошь усѣянная трупами женщинъ и дѣтей, бѣженская цѣпь живыхъ, стоны гибнущихъ въ степяхъ Месопотаміи и призраки умерщвленныхъ, взывающихъ къ небу, къ совѣсти человѣчества. Такъ за что же Германія грозитъ вновь загнать армянъ въ лабиринтъ, вколотить новый гвоздь въ ихъ гробъ?

Передъ Германіей на обще-европейскомъ дипломатическомъ столѣ лежитъ поблекшая отъ давности хартія армян-

ской свободы. Подъ этой хартіей имѣется подпись Германіи. Хартія не заключаетъ въ себѣ ничего другого, какъ минимумъ велѣній бодрствующей совѣсти. Во имя этихъ велѣній Германія, созидательница великой культуры, должна укротить свою зарвавшуюся союзницу, должна заступиться за справедливость. Требованіе о возвращеніи Турціи потерянныхъ ею въ бою армянскихъ провинцій цѣной сотни тысячъ жертвъ и жажда расширить площадь произвола и безправія отторженіемъ новыхъ земель должны быть отвергнуты, какъ вызовъ и надругательство надъ отовсюду льющимися армянскими слезами.

Судъ исторіи, долженствующій наступить когда-нибудь, не сможетъ простить германской имперіи, что она повела турецкія полчища на беззащитную страну, дымящуюся еще кровью мучениковъ.

Позоръ—удѣлъ всѣхъ побѣдъ Германіи, если она станетъ на путь мщенія маленькому народу за то, что въ борьбѣ за свое существованіе онъ оказался въ лагерѣ ея соперниковъ. Въ коалиціонномъ состязаніи за грандіозныя достиженія мірового масштаба привлечь къ отвѣту и расчету маленькой народъ—значитъ совершать величайшее преступленіе. И было бы за что отвѣчать! Изъ всѣхъ народовъ, вовлеченныхъ въ водоворотъ войны, единственно армянскій народъ борется за то, что составляетъ элементарное право человѣка,—за физическое существованіе въ буквальномъ смыслѣ слова. И борется онъ, имѣя на это всѣ основанія. Ни одинъ изъ подвластныхъ Турціи народовъ не расходовалъ столько силъ, сколько армяне, не понесъ столько жертвъ, сколько армяне, въ стремленіи создать мало-мальски сносный *modus vivendi*, найти приемлемую базу для мирнаго сожителства съ Турціей.

Всѣ средства исчерпаны. И путь оздоровленія всего государственнаго механизма коренными реформами, и частичное преобразование армянскихъ вилайетовъ—все оказалось безуспѣшно.

Остается только отстраниться отъ турецкаго омута въ какой угодно формѣ самоопредѣленія.

Армянскій вопросъ, правильно понятый, не стоитъ преградой никому и ни въ чемъ. Въ постановкѣ, даваемой самими армянами, онъ уживается съ интересами любой изъ соперничающихъ державъ, поскольку интересы эти требуютъ прежде

всего водворенія въ Арменіи правового строя, основы всякой соціальной жизни.

Политическая надстройка съ уклономъ въ ту или другую сторону не является очереднымъ вопросомъ, могущимъ встревожить армянъ. Они вперяли взоръ свой въ Россію не въ силу фатальной склонности своей къ сѣверу или мистическаго сродства душъ. Русскій свѣтъ былъ и остается единственной лампадой, мерцающей одиноко среди окружающей армянъ мусульманской ночи. Если наступитъ счастливый день, когда забрезжитъ новый свѣтъ съ триумфальнымъ шествіемъ европейской культуры съ юга, со стороны Сиріи или Месопотаміи, въ лицѣ западныхъ государствъ, то Арменія, естественно, перестанетъ озираться кругомъ съ мольбой о помощи, а сосредоточитъ всю свою энергію только на себѣ, на залѣченіи своихъ ранъ, на возстановленіи своихъ развалинъ.

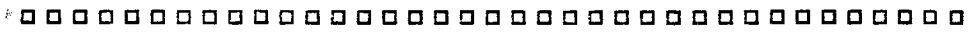
Для Арменіи, бѣдной и темной, было бы большой роскошью препирательство о сравнительныхъ преимуществахъ европейскихъ культуръ: для нея, бьющейся въ конвульсіяхъ, одинаково спасительна любая культурная опека, обезпечивающая твердый правопорядокъ,—русская-ли, англійская, французская или германская.

Русская ориентація, исторически сложившаяся, а потому очень правильная, не привела къ разрѣшенію армянскаго вопроса. Германскія побѣды заставили Россію отказаться отъ Арменіи и грозятъ перевернуть традиціонныя перспективы не только насчетъ Арменіи, но и судьбы всего Закавказья.

Тревога дня для армянъ—что сулитъ сверкающій надъ Арменіей новый мечъ?

Германія, какъ и другія державы Европы, заинтересованная въ Турціи, смотрѣла на Арменію и армянскій вопросъ, какъ на лишнюю гирию въ чашѣ русскихъ вѣсовъ. Отсюда и вытекали равнодушіе и противодѣйствіе, хотя бы пассивное, дѣлу армянскихъ реформъ, обнаружившееся въ особенности недавно по поводу соглашенія 26 января 1914 года.

Подозрѣніе со стороны европейцевъ въ неуклонныхъ руссофильскихъ тенденціяхъ армянъ имѣетъ за собой полное основаніе. Какъ политическое явленіе, тяготѣніе армянъ къ Россіи—фактъ, не подлежащій спору. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что это тяготѣніе можетъ быть поставлено въ основу развитія Арменіи или что оно можетъ быть признано факторомъ,

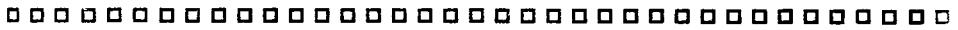
предрѣшающимъ постоянное вращеніе Арменіи въ орбитѣ русскаго вліянія. Пути развитія Арменіи менѣе всего зависимы отъ воли армянъ, какъ бы сильно она ни была скована. Каждая страна нити своего дальнѣйшаго развитія заключаетъ прежде всего въ себѣ, въ своей отъ естества данной структурѣ, въ объективныхъ условіяхъ географической среды.

Арменія по природной своей конструкціи обращена на югъ, въ орографическомъ отношеніи это—нагорная крыша со скатомъ на югъ, куда струятся ея воды, живительные нервы страны. Что армянское нагорье тяготеетъ къ югу, къ Средиземному морю—фактъ, доказанный исторіей, создавшей армянскую Киликію.

Какъ бы ни сложилась судьба Арменіи, несомнѣнно, что въ послѣднемъ результатѣ она станетъ достояніемъ того государственнаго вліянія, которое охватитъ ее съ юга. Русский патріотъ, желая сохранить Арменію въ сферѣ русской государственности, вполне правильно долженъ былъ ратовать за изоляцію ея отъ береговъ Средиземнаго моря, при невозможности такъ далеко распространить отечественное вліяніе безъ опасности столкнуться у Александретты съ соперниками.

Свободная Арменія, поставленная въ нормальныя условія жизни и развитія, потянется съ своими политическими и иными стремленіями туда, куда ее увлечетъ экономическая тяга страны вслѣдъ за физическимъ, отъ воли армянъ независящимъ, ниспаданіемъ страны къ югу. Съ отвѣтвленіемъ Багдадской дороги въ сторону армянскаго плато, судьба страны во всѣхъ отношеніяхъ и проявленіяхъ будетъ регулироваться въ связи и въ непосредственной зависимости отъ этого пути, долженствующаго стать главной артеріей хозяйственной жизни всей Передней Азіи.

Кому достанется необозримый югъ Турціи отъ Средиземнаго моря до Персидскаго залива, — отвѣтъ на это дастъ исходъ небывалаго состязанія претендентовъ. Пока что, Германія водворяется въ турецкихъ владѣніяхъ, отъ Босфора до Закавказья, на правахъ полновластнаго хозяина. Въ такомъ выгодномъ положеніи не находилась еще ни одна держава изъ числа тѣхъ, которыя признавали необходимость кореннаго преобразования государственнаго аппарата оттомановъ. Какіе планы таить въ себѣ германская политика по отно-

шенію къ своей столь богатой добычѣ? Отъ этого зависитъ судьба Арменіи.

Со взятіемъ Одессы и попытками дальнѣйшаго продвиженія въ направленіи къ Ростову, требованіе объ отчужденіи Батума представляется въ новомъ свѣтѣ и болѣе германскаго, чѣмъ турецкаго происхожденія. Германія покуда старается довершить изоляцію Россіи отъ морей, въ данномъ случаѣ, отъ Чернаго моря. Широко задуманные завоевательные замыслы Германіи не могутъ остановиться передъ соблазномъ создать вторую своего рода Багдадскую линію,—открыть параллельный ей путь сообщенія отъ Берлина на Одессу, Батумъ, Баку и далѣе... съ угрозой на Индію. Планъ этотъ тѣмъ вѣроятнѣе, что новая линія могла бы замѣститъ потерю Багдадской въ случаѣ, если съ утвержденіемъ Англии и Франціи на сиро-месопотамскомъ югѣ Турціи рухнуть германскіе расчеты на Багдадскую дорогу.

У предусмотрительной Германіи, несомнѣнно, имѣется готовый проектъ устройства не только Арменіи, но и всѣхъ земель, вмѣстѣ съ Арменіей попадающихъ въ ея руки, въ ея распоряженіе.

Въ чемъ заключается проектъ,—нѣмецкая дипломатія пока не сообщаетъ. О существѣ его можно составить себѣ нѣкоторое представленіе по брошюрѣ, вышедшей въ 1916 году въ Цюрихѣ въ серіи изданій германской пропаганды, т. н. „Orient Publisching Company“.

Брошюра озаглавлена „Грузія и война“ (Georgia and War, by * * *). Авторомъ ея выставляется грузинъ; если только онъ не фиктивное лицо, то, вѣроятно, изъ числа тѣхъ, кои еще не доросли до пониманія и уваженія основъ добрососѣдскихъ отношеній и извѣстной честности политической мысли.

Въ этомъ произведеніи предвосхищено отторженіе Карса—обстоятельство, указывающее на германскую инспирацію, какъ на источникъ. Вслѣдствіе этого, книжка пріобрѣтаетъ нѣкоторое политическое значеніе, достойное вниманія именно теперь, когда судьба Кавказа поставлена на карту.

Исходнымъ пунктомъ сужденій автора служитъ положеніе Грузіи подъ русскимъ владычествомъ. Грузинскій народъ обманутъ и раздавленъ русскимъ правительствомъ. Договоръ 1783 г. на памяти у грузинъ. Событія, приведшія къ освобожденію Грузіи отъ мусульманскаго ига, поскольку повинны

въ нихъ сами грузины, авторъ готовъ предать забвенію въ сознаніи политической ошибки своихъ предковъ. Забыто грузинскимъ народомъ старое, и оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить помѣхой къ заключенію дружбы съ персами и турками во имя достиженія общаго блага. Авторъ хочетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что друзья его изъ персовъ и турокъ поймутъ его, ибо онъ собирается говорить съ ними искренне, согласно старой грузинской поговоркѣ: „человѣкъ друзьямъ говоритъ правду въ лицо, а врагамъ за ихъ спиной“. Съ такимъ мужествомъ авторъ приступаетъ къ изложенію своего политическаго credo.

Міровая война сулитъ политическое освобожденіе всѣмъ малымъ народностямъ. Въ частности, русско-турецкая война представляетъ для Грузіи удобный моментъ стряхнуть русскую власть и вернуть себѣ потерянную сто лѣтъ назадъ независимость. Грузины понимаютъ всю важность момента и протягиваютъ руку Турціи и ея могущественнымъ союзницамъ, Германіи и Австро-Венгріи, дабы низвергнуть Россію, эту страшную силу, которая держитъ въ рабствѣ не только покоренные народы, но и самихъ русскихъ. У автора есть вѣра, что всѣ народности Кавказа сплотятся для изгнанія русскихъ.

Однако, для того, чтобы турки не повторили ошибки русскихъ и, отвоевавъ Кавказъ, не включили его въ число оттоманскихъ провинцій, необходимо заранѣе условиться на счетъ будущаго строя кавказскихъ земель.

Разумѣется, нельзя отказать Турціи въ ея желаніи отобрать кое-что, и авторъ разрѣшаетъ ей частичную аннексию прилегающихъ земель въ воздаяніе за веденную ею войну. Но остальная и большая часть кавказской территоріи должна образовать свободную федерацію—единственно возможное разрѣшеніе кавказской проблемы.

Входящія въ федерацію народности сводятся къ четыремъ группамъ: грузины, горцы, татары и армяне. Авторъ останавливается на характеристикѣ каждой изъ этихъ группъ, при чемъ блещетъ такой безшабашной развязностью, которая присуща развѣ только безответственнымъ анонимнымъ авторамъ.

Обрисовавъ, далѣе, политическое состояніе Кавказа, авторъ высказываетъ увѣренность, что туркамъ очень легко отвоевать Кавказъ, развѣ главные народы, грузины и татары, станутъ

на ихъ сторону. Русское владычество не можетъ продержаться, если эти народы подымутъ возстаніе. Турція, пожавъ готовые плоды, не должна увлечься примѣромъ русскаго управленія. Прочность господства Турціи можетъ считаться обезпеченной лишь при условіи автономіи Кавказа на основѣ политической федераціи.

Авторъ беретъ на себя трудъ набросать картину будущаго строя Кавказскаго края. Въ случаѣ побѣдоноснаго исхода войны:

1) части Карсской области и Эриванской губерніи отходятъ къ Турціи, какъ земли, населенныя турками;

2) Закавказье получаетъ государственную автономію, подобно Швейцаріи, при чемъ ея неприкосновенность гарантируется державами на вѣчныя времена;

3) Грузія воскресаетъ, какъ государство, въ своихъ историческихъ границахъ отъ Абхазіи до Трапезунда, а съ востока—до Закатальскаго округа включительно. Армяне, желающіе остаться въ Грузіи, какъ граждане, будутъ обезпечены въ своихъ правахъ касательно церкви, языка и культуры;

4) татарамъ и армянамъ предоставляется право образовать смѣшанные кантоны при содѣйствіи посредниковъ изъ сосѣдей или европейцевъ;

5) горцы съ Дагестаномъ въ центрѣ также получаютъ автономный строй.

Проектъ политическаго возрожденія Кавказскаго края заботливо иллюстрированъ авторомъ на особой картѣ, приложенной къ книжкѣ.

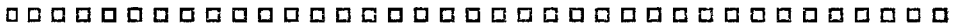
Появленіе брошюры съ такимъ проектомъ въ самый разгаръ міровой войны весьма показательно, и показательно не въ отношеніи умонастроенія грузинскаго народа. Что бы ни думали грузины о своемъ будущемъ, они очень далеки отъ мысли получить свободу изъ рукъ Турціи. Можетъ быть, въ брошюрѣ и отразилось въ нѣкоторой дозѣ настроеніе отдѣльныхъ слоевъ грузинскаго общества—во всякомъ случаѣ, ничтожныхъ слоевъ, ютившихся въ подпольяхъ газетъ плохой репутации, а не на открытой аренѣ смѣлой политической дѣятельности, гдѣ подвизаются лучшіе сыны Грузіи, ратующіе за честь страны, за ея оборону противъ вторженія турецкихъ полчищъ.

Проектъ показателенъ въ другомъ отношеніи. Онъ представляетъ большой интересъ, если на него смотрѣть, какъ на продуктъ германскаго внушенія. Врядъ ли можно сомнѣваться, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ планами Германіи. Съ самаго начала войны германскія власти по всему міру ведутъ широкую пропаганду для поднятія возможно болѣе оппозиціонныхъ силъ въ лагерьъ державъ согласія. Было бы удивительно, если бы вездѣсущая нѣмецкая рука не пыталась разжечь пожаръ въ средѣ кавказскихъ народностей, гдѣ накопилось столько горячаго матеріала. Понятно также, почему для выраженія нѣмецкой мысли избраны уста грузина—дѣйствительнаго или мнимаго, безкорыстнаго или наемнаго. Молва объ явшаніи грузинъ съ татарами раздувалась въ послѣдніе годы друзьями и недругами Кавказа такъ немолчно, что нѣмцы не были бы нѣмцами, если бы не воспользовались и этимъ козыремъ. Къ только что изложенному проекту, несомнѣнно, причастенъ германскій духъ.

Стоитъ только перенести на Германію все, что говорится въ проектѣ о Турціи, какъ объ освободительницѣ кавказскихъ народовъ, и тогда проектъ пріобрѣтаетъ силу важнаго политическаго документа, заставляющаго задуматься. Не есть ли это первоначальный набросокъ, грубый, еще необработанный абрисъ грандіознаго плана, созрѣвающаго въ тайникахъ германской *Weltpolitik*? Можетъ быть, дѣйствительно, Германіи не чужда идея создать на рубежѣ Турціи и Россіи рядъ мелкихъ государствъ на подобіе того, что предполагается на пограничной полосѣ между Германіей и Россіей?

Цѣлая серія спорныхъ проблемъ, вплетенныхъ въ сложную сѣть причинъ и цѣлей войны, могла бы разрѣшиться въ теченіе самой войны, не дожидаясь конца ея. Такимъ образомъ удалось бы постепенно отгѣснить территоріальные предѣлы общаго кровопролитія, ограничить путемъ частичнаго разрѣшенія сферу спорныхъ вопросовъ и тѣмъ облегчить и ускорить его ликвидацію. Если коалиція державъ согласія высказывается за автономное устройство Палестины, Сиріи, Месопотаміи, Арменіи, и Россія уже уступила Кавказу право самоопредѣленія, то Германіи, казалось, слѣдовало бы поступать въ томъ же духѣ и распространить принципъ автономіи не только на Карсъ и Батумъ, а на всю оспариваемую державами территорію турецкой окраины отъ армянскаго плоско-

горья до Богдавоскихъ степей. Подъ „сосѣдними государствами“, согласіе коихъ требуется при самоопредѣленіи отнимаемыхъ округовъ, надо ли понимать ближайшія къ нимъ изъ государствъ, имѣющихъ еще возникнуть съ благословленія Германіи?

Такое разрѣшеніе судебъ странъ, населенныхъ не турками, а чуждыми имъ по происхожденію и историческимъ завѣтамъ народностями, носителями старыхъ культурныхъ традицій, соотвѣтствовало бы стремленіямъ однихъ національностей и пробуждающемуся самосознанію другихъ и одновременно удовлетворило бы притязанія заинтересованныхъ державъ, при условіи размежеванія сферы политическаго или экономическаго ихъ вліянія, и, на худой конецъ, Турціи. Міръ привѣтствовалъ бы такой результатъ войны, какъ должное искупленіе пролитой крови. И обширныя страны отъ моря до моря, очаги древнихъ культуръ, возродились бы къ жизни, достойной ихъ прошлаго, и подъ лучами западной гражданственности выращивали бы новые плоды.

Но такъ ли думаютъ державы-конкуренты, или надо признать, что, когда онѣ говорятъ одно и то же, то это не значитъ одно и то же? Можетъ быть, рѣчь идетъ о старомъ спорѣ, чей мечъ будетъ висѣть надъ этими странами? Все не ясно, все еще покрыто туманомъ. Въ этомъ туманѣ Арменія видитъ лишь ясно очерченную фигуру германскаго Януса: одинъ ликъ шепчетъ освобожденіе угнетенныхъ народностей, а другой взираетъ спокойно на вторженіе, имъ же руководимое, турецкихъ громилъ въ раздавленную и униженную страну сиротъ и бѣженцевъ. Армянскій народъ онѣмѣлъ отъ неожиданностей, отъ капризовъ судьбы. Россія, путеводная звѣзда, исчезла съ горизонта, обманувъ всѣ надежды, покинувъ армянъ „на кострѣ, какъ траву или кустъ сухой“, а Германія, грозитъ ли она „храмы божіи круша, возносить знаменье луны“, какъ сокрушается въ отчаяніи армянскій поэтъ изъ глубины XIII вѣка?

Н. Адонцъ.

Возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями.

I.

Въ ряду экономическихъ и правовыхъ вопросовъ, поставленныхъ передъ европейскими государствами міровою войною, вопросу о возмѣщеніи населенію убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями, принадлежитъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. На безпримѣрномъ по протяженности фронтѣ гибнетъ множество частныхъ хозяйствъ, и множество другихъ лишается возможности нормальнаго функціонирования. Разрушенія несутъ каждой территоріи, становящейся театромъ военныхъ дѣйствій, не только армія непріятельская, но, по необходимости, и арміи отечественная и союзная. Огромные убытки причиняютъ населенію не только военныя дѣйствія въ собственномъ смыслѣ, но и дѣйствія подготовительныя—передвиженіе войскъ, мѣры обороны. Тяжкое имущественное бремя возлагаютъ на населеніе воюющихъ странъ реквизиціи для нуждъ армій, а въ оккупированныхъ мѣстностяхъ—и контрибуціи, налагаемыя непріятелемъ. Наконецъ, война влечетъ за собой и рядъ дѣйствій незаконнѣрныхъ, рядъ грабежей и насилій.

Спрашивается, кѣмъ и на какихъ правовыхъ основаніяхъ будутъ восстановлены разрушенныя или разоренныя войною хозяйства? Будутъ-ли и, если будутъ, то кѣмъ и въ какомъ порядкѣ, возмѣщены населенію убытки, причиненные военными дѣйствіями? Какія отношенія возникнутъ на почвѣ этого возмѣщенія между ведущими войну государствами и потерпѣвшими частными лицами?

Вопросъ о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями, не разъ возникалъ, конечно, въ практикѣ европейскихъ государствъ и до нынѣшней войны. Ибо—пусть эта война несетъ раз-

рушенія небывалыя,—значительный имущественный вред населенію воюющей страны—неизбѣжный спутникъ всякой войны. И государства не разъ приходили на помощь пострадавшему отъ войны населенію. Но это была именно *помощь* вспомошествованіе, и общіе предѣлы, и размѣръ котораго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлялись свободнымъ усмотрѣніемъ государственной власти. *Права* на возмѣщеніе вреда, причиненнаго военными дѣйствіями, государство за частными лицами не признавало. Обособляя свои экономическіе интересы отъ интересовъ частныхъ лицъ, понесшихъ убытки отъ военныхъ дѣйствій, государство не отказывало такимъ лицамъ въ пособіи, въ матеріальномъ содѣйствіи возстановленію разрушенныхъ или поврежденныхъ войною хозяйствъ. Но обязанности отвѣчать за такое разрушеніе или поврежденіе государство не несло. Государство благо-творило, а не платило по обязательству.

Такъ обставляло практически и формулировало теоретически вознагражденіе за убытки, причиненные войною, государство абсолю-тистское, на этой-же точкѣ зрѣнія осталось въ цѣломъ и законода-тельство великой французской революціи. Правда, Законодательное Собраніе говорило о томъ, что „въ войнѣ за свободу, независимость и конституцію французскаго государства, гдѣ каждый гражданинъ обязанъ жертвовать государству жизнью и всеѣмъ достояніемъ, госу-дарство должно въ свою очередь охранять гражданъ, отдающихъ себя на его защиту... Братство, объединяющее гражданъ единаго народа, обращаетъ всякій ущербъ, нанесенный индивиду, въ ущербъ, причи-ненный обществу въ цѣломъ“. Однако, практическимъ выводомъ изъ этихъ положеній было не право на возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ войною, а государственное пособіе потерпѣвшимъ (зак. 11 августа 1792 г.). Неудачной оказалась и первая попытка дѣйствительно послѣдова-тельнаго воплощенія новыхъ началъ, сдѣланная Конвентомъ. Законъ 27 февраля 1793 г., признавшій за каждымъ гражданиномъ право „на возмѣщеніе всеѣхъ убытковъ, понесенныхъ до или послѣ изданія этого закона, вслѣдствіе занятія непріателемъ французской терри-торіи или вслѣдствіе уничтоженія имущества либо рубки лѣса въ цѣляхъ обороны страны“, не получилъ практическаго примѣненія за недостаткомъ средствъ государственнаго казначейства ¹⁾, а 19 ван-демъера VI г. онъ былъ отмѣненъ новымъ закономъ, вернувшимся къ прежней точкѣ зрѣнія государственнаго вспомошествованія. Почти

¹⁾ Collet, La réparation des dommages causés par les invasions 1814—1815. Rev. Crit. de Législ. 1872, стр. 470; Jéze. La réparation intégrale des dommages causés pas les faits de guerre, Revue du Droit Public 1915, стр. 61.

неуклонную вѣрность этой точкѣ зрѣнія сохраняли европейскія госу- дарства и втеченіе всего XIX вѣка.

Обобщая рядъ законодательныхъ постановленій и судебную прак- тичу, сложившуюся послѣ занятія союзниками французской терри- торіи въ 1814—1815 г.г., императорскій декретъ 10 августа 1853 г. постановляетъ: никакое занятіе частной собственности или лишеніе пользованія ею, никакое уничтоженіе, истребленіе или иной вредъ имуществу, являющіеся слѣдствіемъ военныхъ дѣйствій или мѣръ обороны, принятыхъ, какъ военными властями во время осаднаго положенія, такъ и воинскими частями, дѣйствующими противъ непрі- ятеля, не даетъ права на возмѣщеніе убытковъ (ст. 39). Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ общимъ положеніемъ, не знаетъ права на воз- мѣщеніе убытковъ и законъ 6—12 сентября 1871 г. „о возложеніи на всю французскую націю военныхъ контрибуцій, реквизицій и всякаго рода убытковъ, причиненныхъ занятіемъ территоріи непріателемъ“. Правда, законъ этотъ не говоритъ, подобно декрету 1792 г., о „пособіи“ потерпѣвшимъ. По предложенію Тьера, этотъ терминъ былъ замѣненъ терминомъ „вознагражденіе“. Но внося свое предложеніе, Тьеръ не забылъ подчеркнуть, что „существованія собственно-обязательственнаго отношенія, основаннаго на причиненіи убытковъ войной, не допу- скаютъ основныя начала публичнаго права“¹⁾. Да и въ текстъ закона было включено указаніе на то, что онъ отнюдь не отступаетъ отъ началъ, установленныхъ декретомъ 1853 г. Понятно поэтому, что и общій размѣръ подлежащихъ возмѣщенію убытковъ былъ ограниченъ опредѣленной особо, въ законодательномъ же порядкѣ, суммой. Огра- ничивая возмѣщеніе ущерба отъ военныхъ дѣйствій „свободными средствами изъ суммъ военной контрибуціи, уплаченной Франціей“, не зналъ права на возмѣщеніе государствомъ убытковъ, причиненныхъ войной, и германскій законъ 14 июня 1871 г. „о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями и реквизиціями“. Не допускаетъ существованія такого права и одно изъ основныхъ положеній англій- скаго государственнаго права „The king can do no wrong“. И меньше всего можно было ожидать его признанія законодательствомъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ „восноблявшей просителямъ“ Россіи. Права на возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями, въ моментъ возникновенія нынѣшней войны не знало ни одно изъ вступившихъ въ войну государствъ.

Эта законодательная практика находила себѣ прочную опору и въ доктринѣ государственнаго права. Государство, дѣйствующее въ

¹⁾ Journal officiel, 1871 г., стр. 2453 сл.

качествѣ носителя верховной власти, государство—носитель суверенитета, за убытки, причиняемые его дѣйствіями, отвѣтственности не несетъ. Это положеніе долго пользовалось непререкаемымъ авторитетомъ. Какое-же, передъ лицомъ его, могло быть сомнѣніе въ томъ, что государство не отвѣчаетъ за убытки, причиненные войной,—войной, которая, наряду съ дипломатическими актами, есть наиболѣе полное, наиболѣе совершенное проявленіе суверенитета государственной власти, какъ таковой? Тѣ, кто не удовлетворялся общимъ началомъ безотвѣтственности государства—суверена, ссылались на ученіе объ устраняющихъ отвѣтственность государства т. н. „правительственныхъ“ или „политическихъ актахъ“ (*actes de gouvernement*), къ которымъ всѣ сторонники этого ученія относятъ въ первую очередь акты дипломатическіе и войну ¹⁾).

Наконецъ, многіе ученые—нерѣдко и среди представителей доктрины безотвѣтственности государства—суверена или ученія о „правительственныхъ актахъ“,—разсматривали войну, какъ стихійное бѣдствіе, „непреодолимую силу“, и ссылались на завѣщанное римскимъ правомъ правило: *res perit domino*—убытки, причиненные помимо чьей либо воли стихійными обстоятельствами, несетъ хозяинъ имущества ²⁾).

Изъ общаго начала, усвоеннаго законодательствами и обоснованнаго юридической наукой, законодательства всѣхъ странъ допускали, однако, и отдѣльныя изъятія. Важнѣйшимъ изъ нихъ является отвѣтственность государства за реквизиціи. Реквизиція не есть „военное дѣйствіе“ въ тѣсномъ значеніи слова. Реквизицію не всегда легко свести къ дѣйствію непреодолимой силы, нерѣдко она—актъ свободнаго выбора, усмотрѣнія со стороны военныхъ властей. Наконецъ, реквизиціей государство пользуется не исключительно въ условіяхъ войны. Оно по существу есть видъ принудительнаго отчужденія для государственной пользы. При реквизиціи государство обогащается, и значитъ, за реквизиціи должно отвѣчать ³⁾). Юристы, не усматривавшіе въ реквизиціи публично—правового акта экспроприаціи

¹⁾ Laferrière, *Juridiction administrative*, t. II, стр. 32, 34, 53; Hauriou, *Précis de droit administratif*, 8 изд., стр. 81.

²⁾ Berthélémy. *Traité de droit administratif*, 3 изд., стр. 108; Laferrière, *Juridiction administrative*, II, стр. 57; Teissier, *Responsabilité de la puissance publique*, №№ 113, 206; Moreau, *Droit administratif*, стр. 365; Maryer, *Deutsches Verwaltungsrecht*, 1896. Bd. II, стр. 365; такъ-же Colson въ засѣданіи *Société d'Economie Politique* 5/II 1915, *Journal des Economistes* 1915, XLV, стр. 72.

³⁾ *Rapport de la commission des dommages de guerre*, *Déb. Parl., Chambre des Députés*. Annexe au pr.—verb. de la séance 13/VI 1916. № 2345, стр. 10.

въ пользу государства, конструировали особую фигуру „принудительнаго договора купли—продажи“ и считали оплату государствомъ реквизируемаго имущества скорѣе уплатой покупной цѣны, чѣмъ возмѣщеніемъ убытковъ въ техническомъ значеніи¹⁾. Какъ бы то ни было, но обязательное вознагражденіе за реквизированное имущество европейскія государства знали уже до нынѣшней войны. А судебная практика Франціи, основываясь то на ученіи о веденіи чужихъ дѣлъ безъ порученія, то на ученіи о неосновательномъ обогащеніи, не разъ допускала регрессъ частныхъ лицъ къ общинѣ или департаменту и за доставленное непріятелю имущество, когда реквизиція производилась непріятелемъ съ общины или департамента въ цѣломъ²⁾. Наряду съ оплатой реквизицій, возмѣщеніе убытковъ признавалось различными законодательствами обязанностью государства въ случаяхъ уничтоженія имущества по распоряженію военныхъ властей, занятія частной недвижимости въ цѣляхъ обороны, установленія сервитутовъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ крѣпостямъ. Здѣсь практика также иногда допускала распространительное толкованіе закона, распространяла, на примѣръ, правила, установленныя для недвижимаго имущества, и на уничтоженіе или поврежденіе движимости³⁾. Но далѣе этихъ предѣловъ не могло-бы пойти самое либеральное толкованіе европейскихъ законодательствъ.

За вредъ, причиненный собственно военными дѣйствіями, за колоссальныя разрушенія, которыя несутъ сраженія, осады; воздушные налеты, за огромные убытки, причиняемые населенію эвакуаціей, „бѣженствомъ“, государство отвѣтственнымъ признано быть не могло.

Даже тамъ, гдѣ не было общей отрицательной нормы, подобной изложенному постановленію французскаго декрета, гдѣ практика рѣшила бы поколебать—въ этой наиболѣе безспорной области его дѣйствія—неписанный законъ о безотвѣтственности государства—суверена, и конструкцію войны—непреодолимой силы, даже и тамъ юридическое обоснованіе отвѣтственности государства представлялось бы весьма затруднительнымъ съ точки зрѣнія основныхъ началъ обязательственнаго права. Здѣсь нѣтъ обязательства квази-контракт-

1) Rapport стр. 11; въ русской литературѣ Бѣлякинъ, Война и госуд. вознагражд., стр. 44—45; contra Кельманъ, „Право“ 1916, стр. 2698.

2) Collet. De la réparation des dommages causés par les invasions, стр. 461—469; Henry, Droit à réparation pour réquisitions faites par l'ennemi, „Revue du Droit. Public“ 1915, стр. 68 сл.; см. также Dernburg, Bürgerliches Recht, т. II ч. 2, стр. 767 сл.

3) Collet, op. cit., стр. 455.

наго, ибо фикція публично-правового договора, которымъ государство обязалось бы передъ частными лицами не вести войны, явно несостоятельна. Всей своей сущностью, всѣми наиболѣе торжественными заявленіями государство признавало и признаетъ себя до сихъ поръ обязаннымъ не только защищаться силою оружія отъ нападений извнѣ, но и обращаться къ вооруженной силѣ всякій разъ, какъ этого требуютъ его матеріальные интересы или интересы его достоинства. Къ практически невозможнымъ послѣдствіямъ привела бы и констукція обязательства-изъ правонарушенія, съ необходимостью доказательства вины государства въ причиненіи вреда. Не можетъ быть рѣчи и объ обогащеніи государства за счетъ разрушенія или поврежденія его военными силами имущества подданныхъ. Наконецъ, за убытки, причиненные непріятельскими военными силами, государство не отвѣчаетъ уже потому, что они причинены не имъ. Во Франціи же всякое сомнѣніе устраняло ясное общее постановленіе закона, и въ первый періодъ нынѣшней войны въ судебной практикѣ Франціи были случаи отклоненія притязаній частныхъ лицъ о возмѣщеніи государствомъ убытковъ, причиненныхъ германскими воздушными налетами. „При нынѣшнемъ состояніи законодательства ни общины, ни государства не несутъ судебной отвѣтственности, когда убытки являются слѣдствіемъ военныхъ дѣйствій,“—вотъ несомнѣнно правильный мотивъ соотвѣствующихъ судебныхъ опредѣленій¹⁾.

Но если внутреннее право европейскихъ государствъ не позволяло, такимъ образомъ, говорить объ обязанности государства возмѣщать убытки, причиненные войною, то не содержатъ ли соотвѣствующихъ правилъ, поскольку дѣло идетъ объ убыткахъ, причиненныхъ непріятельской военной силою, соглашенія международныя? Положеніе о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны Гагской конвенціи 18 ноября 1907 г., нормируя „военную власть на территоріи непріятельскаго государства“, постановляетъ: честь и права семейныя, жизнь отдѣльныхъ лицъ и частная собственность, равно какъ и религіозныя убѣжденія и отправленіе обрядовъ вѣры должны быть уважаемы. Частная собственность не подлежитъ конфискаціи (ст. 46). Грабежъ безусловно воспрещается (ст. 47). Если непріятель взимаетъ въ занятой области установленные въ пользу государства налоги пошрины и денежные сборы, то онъ обязанъ дѣлать это, по возможности сообразуясь съ существующими правилами обложенія... (ст. 48). Взиманіе... сборовъ сверхъ упомянутыхъ... допускается только на нужды арміи или управления областью (ст. 49). Никакое общее взы-

¹⁾ Rapport de la commission des dommages de guerre, стр. 14.

сканіе, денежное или иное, не можетъ быть налагаемо на все население за злодѣянія единичныхъ лицъ, въ коихъ не можетъ быть усмотрѣно солидарной отвѣтственности населенія (ст. 50). Статьи же 51 и 52 нормируютъ взысканіе контрибуцій и реквизиціи, причемъ о послѣднихъ, въ частности, говорится: натуральные повинности должны быть по возможности оплачиваемы наличными деньгами; въ противномъ случаѣ онѣ удостовѣряются расписками, и уплата денежныхъ суммъ производится возможно скорѣе (ч. 3 ст. 52). Санкціей этихъ постановленій, какъ и всей конвенціи въ цѣломъ, служить ея ст. 3: воюющая сторона, которая нарушаетъ постановленія настоящаго положенія, должна будетъ возмѣстить убытки, если къ тому есть основаніе. Она отвѣтственна за всѣ дѣйствія, совершенныя лицами, входящими въ составъ ея военныхъ силъ. На сочетаніи изложенныхъ постановленій построена въ юридической литературѣ попытка обосновать право частныхъ лицъ на возмѣщеніе имъ непріателемъ двоякаго рода убытковъ: 1) убытковъ, причиненныхъ нарушеніемъ постановленій Гаагской конвенціи, охраняющихъ права частныхъ лицъ, вообще и 2) въ частности, убытковъ, причиненныхъ неоплаченными согласно постановленіямъ конвенціи реквизиціями¹⁾.

Однако, твердо установленное положеніе современнаго международнаго права гласитъ: всякое международное соглашеніе, — а значитъ и Гаагская конвенція о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, — нормируетъ отношенія между государствами. Непосредственно частнымъ лицамъ конвенція никакихъ правъ не даетъ²⁾. Убытки, о которыхъ говоритъ ст. 3 конвенціи, возмѣщаются не частнымъ лицамъ, а однимъ государствомъ другому. Обязательная выдача расписокъ при реквизиціяхъ обезпечиваетъ доказательство притязанію къ непріятельскому государству не частнаго лица, а государства, территория котораго быка занята военной силой непріятеля. Притязаніе же частнаго лица, основанное какъ на засвидѣтельствованной распискою непріятельской реквизиціи, такъ и на нарушеніяхъ охраняющихъ права частныхъ лицъ постановленій Гаагской конвенціи вообще, можетъ быть обращено только къ государству отечественному — постольку, поскольку внутреннее право отечественнаго государства такое притязаніе допускаетъ. Установленное конвенціей „право регресса“ къ непріятель-

1) Jacquelin. Le caractère individuel du droit à la réparation des dommages en régions envahies, Rev. Pol. 1917, стр. 297—303.

2) Листъ. Международное право, стр. 206—207; бар. Б. Э. Нольде, Законодательная санкція международныхъ договоровъ, „Право“ 1906 г., стр. 3563; Jèze, op. cit., стр. 10.

скому государству можетъ, въ качествѣ фактическаго условія, облегчить признаніе притязаній частныхъ лицъ ихъ отечественнымъ государствомъ; непосредственныхъ юридическихъ гарантій конвенція ихъ интересамъ не даетъ. Международное право отсылаетъ частныхъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ военныхъ дѣйствій, къ тому же—поскольку дѣло не идетъ о реквизиціяхъ—мало къ нимъ благосклонному праву внутреннему.

Такъ разрѣшался вопросъ о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями, ко дню возникновенія нынѣшней войны. Война потребовала его пересмотра.

II.

Территоріи воюющихъ государствъ пострадали отъ военныхъ дѣйствій въ далеко не одинаковой мѣрѣ.

Сравнительно немного пострадала отъ войны территорія Германіи. Вопросъ о возмѣщеніи населенію убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями, и не приобрѣлъ здѣсь исключительной остроты, и разрывъ съ усвоенными законодательствомъ традиціями не оказался необходимымъ для организациі возмѣщенія военныхъ убытковъ. Необходимо было лишь расширить понятіе убытковъ, причиненныхъ войною, по сравненію съ закономъ 14 іюня 1871 г. Этотъ послѣдній относилъ къ убыткамъ, причиненнымъ войною, убытки, причиненные обстрѣломъ мѣстностей или пожарами, зажженными для нуждъ военныхъ дѣйствій, а въ Эльзасѣ-Лотарингіи—и реквизиціями, произведенными по требованію германскихъ властей. Новый законъ 3 іюля 1916 г. объ оцѣнкѣ убытковъ, причиненныхъ войною, считаетъ такими убытками „прямые убытки недвижимому или движимому имуществу на территоріи имперіи¹⁾, причиненные: 1) военными дѣйствіями германской, союзныхъ или непріятельскихъ армій, 2) пожарами или инымъ истребленіемъ, кражами или грабежами въ мѣстностяхъ, занятыхъ или непосредственно угрожаемыхъ непріятелемъ во все время занятія или угрозы занятіемъ, развѣ бы было доказано, что причина и размѣръ убытка не стоятъ ни въ какой связи съ войною, и 3) бѣгствомъ или выводомъ населенія, либо вывозомъ его имущества изъ мѣстностей, занятыхъ или непосредственно угрожаемыхъ непріятелемъ. Для оцѣнки этихъ убытковъ учреждены мѣстныя и имперская комиссіи. Но „права на возмѣщеніе убытковъ,—говоритъ ст. 15 закона,—произведенная

¹⁾ На убытки, понесенные морскими судами въ предѣлахъ территоріальныхъ водъ имперіи, законъ не распространяется.

оцѣнка не даетъ“. Реквизиціи же остаются подчиненными закону 13 іюня 1873 г. Такимъ образомъ, расширивъ понятіе военныхъ убытковъ, въ правовой нормировкѣ ихъ возмѣщенія государствомъ Германія осталась пока на прежней точкѣ зрѣнія: право на оплату реквизируемаго имущества — *пособіе* государства въ возмѣщеніе остальныхъ убытковъ, причиненныхъ войной. Часть этихъ убытковъ въ восточной Пруссіи была покрыта предварительными пособіями на восстановление сельско-хозяйственныхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ предприятий; другую часть съ избыткомъ покрываютъ суммы, принесенныя Германіи Брестомъ.

Очень немного, по сравненію съ другими государствами, пострадала отъ войны и территорія Англіи. Сравнительная незначительность понесенныхъ здѣсь частными лицами убытковъ, съ одной стороны, весь своеобразный государственно-правовой укладъ Англіи, съ другой, создали здѣсь и своеобразное рѣшеніе вопроса о возмѣщеніи государствомъ убытковъ, причиненныхъ войной. Въ январѣ 1915 г. была учреждена комиссія для обслѣдованія убытковъ, причиненныхъ германскими воздушными налетами. Комиссія эта функционировала полгода и установила 10.297 случаевъ убытковъ имуществу, 27 случаевъ тѣлесныхъ поврежденій и 170 смертныхъ случаевъ. На возмѣщеніе всѣхъ убытковъ изъ суммъ государственнаго казначейства было отпущено 250 т. франковъ. Въ половинѣ же 1915 г. Англія ввела государственное страхованіе военнаго риска, и вопросъ объ отвѣтственности государства, какъ такового, отпалъ.

Совершенно иначе сложились условія войны для другихъ союзныхъ государствъ. Не говоря о разрушенной и разоренной непосильными контрибуціями Бельгіи, занятіе сѣверныхъ и восточныхъ департаментовъ Франціи и обширныхъ областей Россіи съ первыхъ дней означало не только рядъ уничтоженныхъ жизней въ средѣ невоюющаго населенія, не только разрушеніе отдѣльныхъ домовъ, фабрикъ и заводовъ, уничтоженіе полей и лѣсовъ, не только жесточайшій разгромъ частной собственности и частныхъ хозяйствъ, но и глубокое потрясеніе всего народнаго хозяйства каждой изъ этихъ странъ. Съ первыхъ дней стало ясно, что непосредственно за военной задачей освобожденія занятыхъ мѣстностей отъ непріятеля встанетъ другая, не менѣе существенная задача — хозяйственнаго восстановления освобожденныхъ областей. Занятые непріателемъ департаменты давали ежегодно около $\frac{1}{4}$ всего производимаго Франціей хлѣба, 24% кормовой свеклы и 87% сахарной, 68,8% всего добываемаго во Франціи угля и 90% желѣзной руды, 85,7% всего производи-

маго чугуна и 76% полуобработаннаго металлургическаго матеріала. Въ 1912 г. въ занятыхъ непріятелемъ мѣстностяхъ было сосредоточено около $\frac{1}{3}$ всего числа домовъ и промышленныхъ предіріятій страны, причемъ изъ всего числа 8859 фабрикъ и заводовъ, возникшихъ во Франціи за десятилѣтіе 1901—1910 г., на занятія мѣстности приходилось 5548, т. е. 60%. При ср-дней стоимости гектара земли въ 1240 фр., стоимость его въ занятыхъ департаментахъ достигала 1634—1809 фр. Наконецъ, въ семи изъ занятыхъ департаментовъ рождаемость населенія значительно превышала смертность ¹⁾. Разрушенія же, причиненныя непосредственно военными дѣйствіями, не говоря о другихъ убыткахъ, въ 754 общинахъ, очищенныхъ отъ непріятеля къ половинѣ 1916 г., выражались слѣдующими цифрами: въ 74 общинахъ число уничтоженныхъ строеній превышало 80%, въ 48 оно превышало 50%, въ 607 было нѣсколько ниже 50% и въ 25 не достигало 5% ²⁾. Понятно, такимъ образомъ, что, если будущее хозяйственное возрожденіе сохранившей лишь небольшую часть своей территоріи Бельгіи стало горячею заботою населенія разоренной страны, нашедшею себѣ живой откликъ также въ рядѣ общественныхъ начинаній въ союзныхъ странахъ, въ частности въ Англіи, и поддержанною и нѣкоторыми мѣропріятіями бельгійскаго правительства, то и для Франціи возмѣщеніе населенію убытковъ, причиненныхъ войною, стало „національнымъ дѣломъ не меньшей важности, чѣмъ самое освобожденіе территоріи, которому оно служить естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ“ ³⁾. Ибо „только возстановленіе нормальной хозяйственной жизни въ занятыхъ мѣстностяхъ позволить возстановить нормальную хозяйственную жизнь во Франціи вообще, только оно позволить Франціи освободить отъ Германіи свой внутренній рынокъ и вступить во всеоружіи въ ту, пусть не кровопролитную, но не менѣе беспощадную войну, которая послѣдуетъ за нынѣшней, войну экономическую, на рынокъ міровомъ ⁴⁾. И въ первые дни послѣ Марнской побѣды въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ кругахъ были произнесены слова, которыя должны были впослѣдствіи послужить основой вновь созданной системы возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ войной,—слова о равенствѣ и солидарности всѣхъ гражданъ передъ тяготами войны. Равные въ правахъ, граждане современ-

¹⁾ Rapport de la com. des dom. de guerre, стр. 30—34; данныя Stahl und Eisen 1915.

²⁾ Rapport de la com. des dommages de guerre, стр. 99.

³⁾ Fernand Faure, à propos de la com. sup. chargée de réviser les évaluations des dommages de guerre. Rev. Pol., 1915, стр. 199.

⁴⁾ Rapport de la com. des dommages de guerre, стр. 47—48.

наго государства должны быть равны и въ обязанностяхъ передъ государствомъ. Равные передъ воинской повинностью, они должны быть равны и передъ остальными тяготами войны. Чрезвычайный ущербъ, нанесенный войной однимъ изъ гражданъ, долженъ быть распределенъ между всѣми. Ибо ущербъ, нанесенный отдѣльнымъ лицамъ, нанесенъ всему солидарному въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ государству. Законодательнаго признанія права на возмѣщеніе государствомъ полностью всѣхъ убытковъ, понесенныхъ частными лицами отъ военныхъ дѣйствій, потребовали съѣздъ предсѣдателей 92 торговыхъ палатъ— „торговый парламентъ“, какъ его называли въ печати,—длинный рядъ торговыхъ и промышленныхъ организацій, парламентская группа представителей занятыхъ непріателемъ мѣстностей, рабочіе синдикаты этихъ мѣстностей, генеральная конфедерація труда, лига правъ человѣка и гражданина. Съ другой стороны, для правительства было ясно, что война потребуетъ огромныхъ матеріальныхъ жертвъ, огромнаго напряженія силъ и моральной выдержки населенія и въ будущемъ, и что ярко вспыхнувшее сознание солидарности индивида и государства должно быть закрѣплено положительнымъ актомъ государственной власти. „Прошлое съ его заблужденіями и славой, говорилъ Вивіани, вся совокупность невзгодъ и радостей... длинный рядъ связанныхъ между собой поколѣній, безропотно отвѣчающихъ одни за ошибки другихъ и пользующихся одни плодами трудовъ другихъ,—вотъ что создаетъ солидарность націи... Вотъ гдѣ колыбель права на возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ войной“ ¹⁾.

Благопріятная почва для признанія этого права была подготовлена и эволюціей государственно-правовыхъ идей въ концѣ XIX—началѣ XX вѣка. „Государство надъ правомъ“, государство, какъ такое, или въ „правительственныхъ актахъ“ безотвѣтственное передъ частными лицами, все чаще отвергалось и судебной практикой, и наукой, и даже законодательствами европейскихъ государствъ ²⁾. Ученіе о безотвѣтственности за акты власти,—говорилъ французскій Государственный Совѣтъ,—не соотвѣтствуетъ современному понятію права. Государство должно отвѣчать за чрезвычайный, исключительный ущербъ, причиняемый отдѣльнымъ лицамъ отправленіемъ публичныхъ службъ, иначе будетъ нарушено равенство публичныхъ обязанностей гражданъ. Государство, закономъ установившее возна-

¹⁾ Exposé des motifs du projet de loi sur la réparation des dommages causés par les faits de guerre. Rev. du droit publ., 1915, стр. 364.

²⁾ Гессенъ. Основы конституціоннаго права, стр. 47—48; Jèze. Op. cit. u Rev. du dr. publ., 1905, стр. 562; 1910, стр. 83.

граждение невинно-осужденныхъ (французскій законъ 8 июня 1895 г., германскій 20 мая 1898 г.), не можетъ уже безъ дальнѣйшихъ доказательствъ укрываться за недоказаннымъ и недоказуемымъ догматомъ безответственности государственной власти,—такъ учила новая наука государственнаго и административнаго права. А за нѣсколько лѣтъ до начала войны въ наукѣ было сдѣлано и непосредственно къ войнѣ относящееся предсказаніе: мы увѣрены, что и здѣсь—въ области дипломатическихъ актовъ и войны—въ близкомъ будущемъ будетъ признана отвѣтственность государства ¹⁾.

Неудивительно поэтому, что когда дѣйствительность поставила вопросъ объ этой отвѣтственности съ новой трагической остротой, преемники ученыхъ, отвергавшихъ обязанность государства къ возмѣщенію военныхъ убытковъ послѣ франко-прусской войны, выдвинули цѣлый рядъ доводовъ въ обоснованіе этой обязанности. Если государство несетъ отвѣтственность за чрезвычайный ущербъ, причиненный частнымъ лицамъ отправленіемъ публичныхъ службъ, оно должно отвѣчать и за убытки, причиненные войной, ибо война есть лишь отправленіе одной изъ этихъ службъ: службы государственной обороны. Если война разсматривается, какъ непреодолимая сила въ отношеніяхъ частныхъ лицъ, то для государства война, пусть даже оборонительная, тѣсно связанная съ его политической организаціей, съ самымъ его существованіемъ, стихійнымъ бѣдствіемъ не является. Если не можетъ быть рѣчи о деликтной отвѣтственности государства, то современное правосознаніе не мирится и съ абсолютной силой правила *res perit domino*. Пусть гражданское право продолжаетъ до сихъ поръ и должно, въ принципѣ, стоять на точкѣ зрѣнія отвѣтственности за вину, ему извѣстны и случаи отвѣтственности за риски ²⁾. Но если бы даже не было собственно юридическихъ доводовъ, еслибы все аргументы, коренящіеся въ идеѣ солидарности, оказались простодоводами чувства, то и тогда нельзя было бы говорить о невозможности признанія обязанности государства въ собственномъ смыслѣ слова: есть чувства, силой превосходящія любое положеніе утилитарнаго права и способныя и въ области юридической создать твердо-

¹⁾ Duguit. Droit constitutionnel, 1911, I, 350.

²⁾ Jèze, op. cit. и Les victimes des faits de guerre et la réparation des dommages въ сборн. Problèmes de politique et finances de guerre; Berthélémy, Le principe de la réparation intégrale des dommages causés par la guerre, Rev. Pol. 1915; Larnaude, La réparation des dommages causés par la guerre, Rev. Pol. 1915; Jacquelin, Le caractère individuel du droit à la réparation. Rev. Pol. 1917.

установленныя обязанности ¹⁾. Принципіальное признаніе такой обязанности государства на возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ войною, и соответствующаго права частныхъ лицъ заключали уже декларация французскаго правительства 22 декабря 1914 г. и финансовый законъ 26 декабря 1914 г.

Излишне было бы на страницахъ этого журнала возвращаться еще разъ къ экономическому значенію нынѣ отошедшихъ отъ Россіи земель. Но тогда, когда это были области только „занятія“, и многія изъ нихъ мыслились подлежащими неперемѣнному возвращенію Россіи на условіяхъ „справедливаго мира“, выдвинуть былъ и у насъ вопросъ о нормировкѣ въ общемъ законодательномъ порядкѣ возмѣщенія военныхъ убытковъ. Тотъ-же тезисъ солидарности всего ведущаго войну народа выставлялся и русской юридической литературой. ²⁾ И если не говорило о правѣ на возмѣщеніе причиненныхъ войною убытковъ законодательное предположеніе, внесенное въ Государственную Думу 3 августа 1915 г. 217 депутатами, то принципіальное признаніе этого права заключали проектъ соответствующаго закона, разработанный экономическимъ совѣщаніемъ при Государственномъ Совѣтѣ, и, наиболѣе полная разработка новаго института—проектъ, составленный, для внесенія въ Государственную Думу фракціею народной свободы, Всероссийскимъ Союзомъ Городовъ.

Исторія различно опредѣлила дальнѣйшую судьбу первыхъ шаговъ, предпринятыхъ такимъ образомъ, въ союзныхъ странахъ для организациі возмѣщенія военныхъ убытковъ. Вслѣдствіе продолжающейся оккупациі и особенностей международно-правового положенія Бельгіи, бельгійское правительство, ограничившись установленіемъ нѣкоторыхъ техническихъ началъ (arrêté—loi 25/viii 1915), воздержалось пока отъ разработки правовыхъ основъ будущаго возстановленія страны. Утратили практическое значеніе и разработанные въ Россіи проекты соответствующихъ законовъ: области, для которыхъ они разрабатывались, пока перестали принадлежать Россіи. Единственной страной, которая, уже освободивъ отъ непріятели одну часть своей территоріи и твердо вѣря въ освобожденіе остальныхъ, разработала цѣльную и сложную систему возстановленія хозяйственной жизни страны на основѣ признанія права потерпѣвшихъ на полное возмѣщеніе вреда, причиненнаго войною, является Франція. Разработанная французскими законодательными учрежденіями, въ тѣсномъ общеніи съ промыш-

¹⁾ Carré de Mablerg, Le fondement du principe de la réparation intégrale.

²⁾ Синайскій. Эвакуація въ русскомъ правѣ, 1916 г. Бѣляцкинъ, op. cit.; Кельманъ, „Право“ 1916.

ленными, торговыми, рабочими и учеными организациями, система возмещения убытков, причиненных войной, являясь, по словам докладчика законопроекта в палате депутатов, „произведением, не знающим равного ни в истории Франции, ни в истории других государств“, ¹⁾ с одной стороны, тѣсно связана, в практическом своем осуществлении, с будущим мирным договором Франции с Германией, а с другой, знаменует эру новаго законодательнаго регулированія частно-хозяйственныхъ отношеній.

III.

Признание за каждымъ потерпѣвшимъ права на возмѣщеніе всякаго—прямого—убытка, причиненнаго военными дѣйствіями на территории государства его недвижимому или движимому имуществу ²⁾, означаетъ обязанность государства возмѣщать каждый такой, в законномъ порядкѣ (при посредствѣ особо учреждаемыхъ комиссій) установленный и оцѣненный убытокъ, независимо отъ субъекта, какихъ-либо свойствъ объекта его причиненія и какихъ бы то ни было условій вѣ лицѣ потерпѣвшаго ³⁾. Убытки, причиненные непріятельской арміей, возмѣщаются на равныхъ началахъ съ убытками, причиненными арміей отечественной или союзными. Убытки, причиненные реквизиціями (поскольку потерпѣвшій не предпочтетъ получить ихъ возмѣщеніе на основаніи дѣйствующихъ законовъ о реквизиціяхъ), наложенныя непріателемъ контрибуціи и взысканія возмѣщаются наравнѣ съ убытками, причиненными обстрѣломъ зданій, пожарами, рубкой лѣсовъ, уничтоженіемъ посѣвовъ или кражами и грабежами. Наконецъ, лицо, утратившее вѣ районѣ военныхъ дѣйствій все свое достояніе, вознаграждается на равныхъ основаніяхъ съ тѣмъ, кто, понеся матеріальный ущербъ на театрѣ войны, во много разъ болѣе обогатился за счетъ той же войны вѣ другихъ мѣстностяхъ страны.

¹⁾ Rapport de la commission des dommages de guerre, стр 2.

²⁾ Условія и порядокъ возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ концессионерами транспортныхъ предпріятій общаго пользованія, равно какъ и убытковъ, причиненныхъ тѣлесными поврежденіями или смертью неволеющаго населенія, подлежатъ опредѣленію особыми законами. Особыми нормами опредѣляется и возмѣщеніе—на началахъ страхованія—убытковъ, понесенныхъ вѣ морской войнѣ.

³⁾ Права иностранцевъ, подданныхъ союзныхъ и нейтральныхъ державъ, подлежатъ опредѣленію особыми международными соглашениями.

Въ случаѣ спора между частнымъ лицомъ и производящимъ оцѣнку убытковъ органомъ государства, убытокъ устанавливается и оцѣнивается судомъ (особымъ судомъ для разсмотрѣнія дѣлъ объ убыткахъ, причиненныхъ войной).

Съ этими юридическими послѣдствіями неразрывно связаны и важнѣйшія послѣдствія финансовыя. Признавъ себя обязаннымъ къ возмѣщенію всякаго имущественнаго убытка, причиненнаго войной, государство, очевидно, не можетъ ограничивать возмѣщенія убытковъ и какой-либо напередъ установленной суммой. Изъ расхода, который до сихъ поръ сообразовался съ состояніемъ средствъ государственнаго казначейства, возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями, обращается въ расходъ, къ которому долженъ быть приспособленъ финансовый аппаратъ страны.

Между тѣмъ, общій размѣръ убытковъ, понесенныхъ населеніемъ занятыхъ областей, учету въ настоящее время не поддается.

Въ концѣ 1914 г. Леруа-Болье, исчисляя занятую непріателемъ территорію въ 6 милл. гектаровъ, опредѣлялъ максимальный размѣръ понесенныхъ населеніемъ убытковъ въ 1.200 милл. франковъ¹⁾. По исчисленіямъ же *Crédit Foncier de France*, занятая непріателемъ территорія составляла не болѣе 4,5 милл. гектаровъ²⁾. Тѣмъ не менѣе, комиссія палаты депутатовъ, разрабатывавшая законъ о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ войной, исходя изъ оцѣнки убытковъ, произведенной кантональными оцѣночными комиссіями въ мѣстностяхъ, очищенныхъ отъ непріателя въ половинѣ 1916 г., считала убытки, понесенные населеніемъ занятыхъ областей, значительно превосходящими вычисленія Леруа-Болье³⁾. Какъ бы то ни было, но обязываясь къ возмѣщенію не поддающихся пока учету убытковъ, государство идетъ къ нѣкоторой финансовой неизвѣстности. Вотъ почему возмѣщеніе населенію военныхъ убытковъ, юридически независимое отъ состоянія средствъ государственнаго казначейства, оказывается для Франціи тѣмъ тѣснѣе связаннымъ фактически съ вопросомъ о переложеніи финансоваго бремени этого возмѣщенія на Германію. Перечисляя возведенныя въ систему нарушенія Германією Гаагской конвенціи, это отмѣчали и французскія торговыя палаты, и ученые общества, и представители общественныхъ организацій, участвовавшіе въ работахъ комиссіи палаты депутатовъ. „Мы учитываемъ возмѣщеніе военныхъ убытковъ, котораго потребуемъ отъ Германіи“, заявляла и

¹⁾ *Economiste français*, 1914, стр. 477.

²⁾ *Economiste français*, 1914, стр. 645.

³⁾ *Rapport de la commission des dommages de guerre*, стр. 36.

объяснительная записка къ правительственному—законопроекту о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ войной.

Промышленные и торговые круги осложняли свои заявленія еще однимъ требованіемъ: возмѣщенія Германіей убытковъ натурою. „Съ какою бы щедростію ни были возмѣщены убытки, причиненные войною, говорила парижская торговая палата, промышленникамъ долго придется ждать сырья, инвентаря и машинъ необходимыхъ для возобновленія работъ... Между тѣмъ, сырье, а, главное, машины и инвентарь существуютъ въ однородныхъ предпріятіяхъ Германіи... Германія широко примѣняетъ систему реквизицій сырья и инвентаря въ Бельгіи и Франціи. Не является ли долгомъ французскаго государства потребовать отъ Германіи передачи машинъ и сырья въ качествѣ возмѣщенія военныхъ убытковъ?“ (Засѣд. торг. пал. 22/VI 1915). Требованіе это нашло себѣ отзвукъ и въ работахъ междупарламентской экономической конференціи въ Парижѣ, говорившей о необходимости „разработки правительствами условій, которыми будетъ обставлено возмѣщеніе непріятельскими государствами военныхъ убытковъ, и, въ частности, вопроса о возмѣщеніи натурою“ (резол. 27 апрѣля 1916 г.), и въ резолюціи экономической конференціи союзниковъ 21 іюня 1916 г. „объ изысканіи союзниками мѣръ къ возвращенію... странамъ, ставшимъ жертвою разрушеній, грабежей и противозаконныхъ реквизицій, ихъ сырья, промышленнаго и сельско-хозяйственнаго живого и мертваго инвентаря“. То же требованіе выдвигалось и въ комиссіи палаты депутатовъ, „ибо машины и сырье большей частью не уничтожены, а реквизированы или похищены непріателемъ“¹⁾.

Удовлетвореніе будущимъ мирнымъ договоромъ этихъ притязаній и на возмѣщеніе Германіей убытковъ, причиненныхъ въ оккупированныхъ мѣстностяхъ, вообще, и на возмѣщеніе ихъ натурою, въ частности, пріобрѣтаетъ особенное значеніе, обусловливая, по мнѣнію французскаго ученаго, „все экономическое и социальное будущее Франціи“²⁾, въ виду основныхъ особенностей французской системы возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями. Въ самомъ дѣлѣ, возмѣщенію по этой системѣ подлежитъ не стоимость имущества ко времени причиненія убытка, а, поскольку пострадало имущество недвижимое, „вся совокупность средствъ, необходимыхъ для восстановленія поврежденнаго или уничтоженнаго имущества... соотвѣтственно вновь устанавливаемымъ техническимъ и санитарнымъ правиламъ“. Средства эти составляютъ изъ суммы, соотвѣтствующей

¹⁾ Rapport de la commission des dommages de guerre, стр. 242—243.

²⁾ Jacquelin, op. cit, стр. 306.

издержкамъ на сооруженіе имущества ко дню объявленія мобилизаціи, за вычетомъ уменьшенія его стоимости вслѣдствіе обветшанія къ тому же дню + дополнительныя издержки самаго возстановленія его. Сумма, соотвѣтствующая уменьшенію, ко дню объявленія мобилизаціи, стоимости имущества вслѣдствіе обветшанія, выдается, кромѣ того, по требованію потерпѣвшаго, въ качествѣ 3% ссуды срокомъ на 25 лѣтъ. вмѣсто выдачи денежныхъ средствъ на возстановленіе пострадавшихъ недвижимостей, государство можетъ выдать эти средства натурой, можетъ за свой счетъ произвести и самое возстановленіе имущества. Этотъ способъ исчисленія причитающагося потерпѣвшимъ вознагражденія, какъ и особенности порядка уплаты его, обусловлены основнымъ требованіемъ, которому подчинено самое возмѣщеніе военныхъ убытковъ: убытки, причиненные военными дѣйствіями недвижимому имуществу, возмѣщаются подъ условіемъ „обязательнаго возстановленія тождественнаго или однороднаго имущества въ предѣлахъ той же или смежныхъ общинъ“. При этомъ допускается и сліяніе предпріятій, принадлежащихъ нѣсколькимъ потерпѣвшимъ.

Врядъ-ли какое-нибудь законодательное новшество послѣднихъ десятилѣтій вызвало болѣе страстную полемику, болѣе оживленный обмѣнъ мнѣній заинтересованныхъ круговъ и научныхъ силъ страны, большую настойчивость въ обоснованіи высказываемыхъ взглядовъ, чѣмъ это постановленіе,—„осъ закона объ убыткахъ“, какъ его называетъ французская юридическая литература. И крайній этатизмъ, и субъективное право индивида нашли себѣ одинаково убѣжденных и горячихъ защитниковъ. Первая точка зрѣнія была съ полной опредѣленностью формулирована уже въ объяснительной запискѣ къ правительственному законопроекту. „Национальное единство было бы только метафорой, если бы оно не создавало долга признать обязательство націи передъ самой собой... Нація связываетъ себя обязательствомъ въ отношеніи самой себя“,—вотъ подлинныя слова этой записки. На ту же точку зрѣнія стали и сельско-хозяйственная федерація сѣверной Франціи, и торговая палата Арраса, и парламентская группа представителей занятыхъ непріателемъ областей, и союз рабочихъ профессиональныхъ организацій сѣвернаго департамента, и генеральная конфедерація труда. „Только согласное съ требованіями прогресса возстановленіе прежней социальной среды,—указывала генеральная конфедерація труда,—способно возмѣстить понесенный ущербъ всѣмъ составлявшимъ эту среду элементамъ, въ томъ числѣ и труду, главному фактору національнаго богатства. Выѣ этого возстановленія мыслима только несправедливость — привилегія для

однихъ—возмѣщеніе убытковъ владѣющимъ классамъ, и усугубленіе ущерба другихъ—тѣхъ, кто, обладая единственно своей рабочей силой, не найдетъ болѣе условій ея примѣненія“. „Возстановленіе прежняго хозяйства должно быть, кромѣ немногихъ, точно опредѣленныхъ въ законѣ случаевъ, непремѣннымъ условіемъ возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ войной“¹⁾),—заявлялъ союзъ рабочихъ синдикатовъ сѣвернаго департамента, а резюме всѣхъ требованій и доводовъ этого порядка въ докладѣ комиссіи палаты депутатовъ гласитъ: необходимо, чтобы были вознаграждены не только собственники истребленнаго или поврежденнаго имущества, не только обладатели вещныхъ правъ на него, но и всѣ тѣ лица, которыя, не имѣя никакихъ правъ на это имущество, въ самомъ фактѣ его существованія находили единственный источникъ средствъ къ жизни. Необходимо, чтобы получили возможность вернуться къ прежнимъ занятіямъ торговцы и люди либеральныхъ профессій, чтобы не оказались обманутыми расчеты муниципалитетовъ и генеральныхъ совѣтовъ, которыя, руководствуясь наличностью многочисленнаго и зажиточнаго населенія до-военнаго времени, осуществили или приступили къ осуществленію цѣлаго рода сложныхъ предпріятій, обременившихъ бюджеты общинъ и департаментовъ не однимъ займомъ. Необходимо, однимъ словомъ, чтобы въ будущей экономической войнѣ Франція снова располагала тѣмъ важнѣйшимъ элементомъ ея производительной мощи, которымъ являются сѣверные и восточные департаменты. Индивидуальная же оцѣнка каждаго отдѣльнаго убытка и особое вознагражденіе, для достиженія указанныхъ цѣлей, вслѣдъ за собственниками и обладателями вещныхъ правъ на имущество, всѣхъ другихъ лицъ, понесшихъ ущербъ отъ его разрушенія или поврежденія, поставщиковъ различныхъ предпріятій, рабочихъ, лишившихся заработной платы, муниципалитетовъ, утратившихъ источники доходовъ, и т. п., возложило бы на государственное казначейство бремя, непосильное для него и въ періоды процвѣтанія страны, во-первыхъ, и рѣзко нарушало бы усвоенное гражданскимъ правомъ правило о возмѣщеніи только прямыхъ убытковъ, во-вторыхъ. Въ то же время предоставленіе потерпѣвшему права свободнаго распоряженія полученными отъ государства суммами открыло бы возможность—пусть и немногимъ изъ потерпѣвшихъ—не только уклониться отъ употребленія этихъ суммъ въ интересахъ государства, но, можетъ быть, даже содѣйствовать притоку иностранныхъ капиталовъ въ Германію. Единственнымъ способомъ избѣгнуть юридически и экономически нежелательныхъ послѣдствій

¹⁾ Rapport de la commission des dommages de guerre, стр. 68.

возмѣщенія государствомъ военныхъ убытковъ является подчиненіе этого возмѣщенія обязательному возстановленію утраченнаго или поврежденнаго имущества 1).

На прямо противоположную точку зрѣнія стало большинство французскихъ представителей юридической и экономической наукъ, объединившихся въ комитетъ пропаганды права на возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ войной. „*Tua res agitur*“—должно быть сказано потерпѣвшему отъ военныхъ дѣйствій, ибо право на возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ войной, есть какъ бы продолженіе права, входившаго въ составъ его имущества. Нельзя въ XX в. возрождать въ пользу государства *droit de suite* феодалнаго сеньора на имущество крѣпостныхъ, нельзя, назвавъ промышленность и торговлю социальными функциями, росчеркомъ пера уничтожить освященное всѣмъ современнымъ правовымъ укладомъ различіе между правомъ и функцией, правомъ и служебной обязанностью 2). Должникъ-государство, конечно, не можетъ быть совершенно уподобленъ должнику—частному лицу, но не можетъ быть и рѣчи о разрѣшеніи социальнаго вопроса за счетъ обязательственнаго права частныхъ лицъ на возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ войной 3). Нельзя, исходя изъ идеи равенства, создавать новое неравенство: особую категорію зависимыхъ отъ государства собственниковъ 4). Наконецъ, самая идея права воспрещаетъ должнику обязывать кредитора опредѣленнымъ употребленіемъ причитающихся ему суммъ 5).

Такъ говорили юристы. Государственный контроль употребленія суммъ, выданныхъ въ возмѣщеніе военныхъ убытковъ, есть освященіе произвола — заявляли экономисты 6). Только свободное направленіе отдѣльными лицами своей дѣятельности и денежныхъ средствъ создало экономическую среду, въ которой мы живемъ, и, въ частности, благосостояніе разоренныхъ теперь областей Франціи. Въ распредѣленіи и приложеніи экономическихъ силъ народа происходятъ непрерывныя измѣненія, и потрясенія, вызванныя войной, обусловяютъ новыя глубокія перемѣны. Можетъ быть, отпадутъ старыя и возникнутъ

1) *Rapport de la commission des dommages de guerre*, стр. 47—48.

2) Larnaude, *La réparation des dommages causés par la guerre*. R. Pol., 1915, стр. 4—22.

3) Jèze, *La réparation intégrale des dommages causés par les faits de guerre*, Rev. du droit publ., 1915, стр. 14.

4) Jacquelin, *op. cit.* Rev. Pol., 1917, стр. 302.

5) Barthélémy, *Le principe de la réparation intégrale des dommages causés par la guerre*. Rev. Pol., 1915, стр. 203.

6) Souchon, Neymarck; *Journal des Economistes*, 1915, стр. 70, 73.

новые рынки, измѣнятся условія спроса. Какъ же при этихъ условіяхъ закономъ обязывать потерпѣвшаго хотя бы къ просто производительному употребленію полученныхъ имъ суммъ? Какъ опредѣлить, что такое ихъ производительное употребленіе? ¹⁾

Памятуя, быть можетъ, что лучшей данью неизмѣннаго восхищенія гражданскимъ кодексомъ Наполеона для французскихъ юристовъ до сихъ поръ является признаніе его эклектическаго характера, комиссія, подготовлявшая новое національное твореніе ²⁾ Франціи, въ началѣ попыталась до нѣкоторой степени примирить противоположныя теченія. Нѣкоторыя конкретныя указанія сторонниковъ индивидуалистическаго направленія были учтены. Но въ конечномъ счетѣ эта попытка оказалась неудачной—субъективное право потерпѣвшаго принесено въ жертву „вышимъ интересамъ государства“. Правда, „въ случаяхъ невозможности возстановленія, противорѣчія его экономическимъ интересамъ или интересамъ народнаго здравія, въ виду личныхъ условій потерпѣвшаго, въ виду особыхъ свойствъ или мѣстоположенія имущества, такъ же, какъ и въ случаяхъ матеріальной обременительности его возстановленія для потерпѣвшаго“, онъ можетъ быть, вполне или въ части, отъ обязанности возстановленія освобожденъ. Формула эта достаточно широка и эластична, чтобы позволить учетъ индивидуальныхъ особенностей каждаго случая. Но, съ другой стороны, та же широта ея открываетъ безпредѣльный просторъ ея толкованію оцѣночными комиссіями и судомъ. А наряду съ этимъ возстановленіе прежняго имущества можетъ быть *ex officio* воспрещено потерпѣвшему не только въ интересахъ народнаго здравія, но и въ случаѣ „противорѣчія экономическимъ интересамъ“. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ случаѣ освобожденія отъ обязанности возстановленія, убытки исчисляются по стоимости имущества ко дню объявленія мобилизаціи и возмѣщаются именованными государственными бумагами, которыя въ теченіе десяти лѣтъ могутъ быть отчуждаемы лишь подъ условіемъ приобрѣтенія однородныхъ бумагъ, развѣ бы иное употребленіе вырученныхъ отъ ихъ отчужденія суммъ было разрѣшено гражданскимъ судомъ. Такими же бумагами и на тѣхъ же условіяхъ возмѣщаются и убытки, причиненные движимому имуществу ³⁾. Такимъ образомъ, частныя лица становятся исполнителями экономическихъ заданій государства: возстанавливаютъ тѣ хозяйства, кото-

1) Truchy, цит. по Rev. Pol., 1915, стр. 428.

2) Rapport de la commission des dommages de guerre, стр. 58.

3) Особыя постановленія охраняютъ въ этихъ случаяхъ интересы пользовладельцевъ, кредиторомъ по залогамъ и привилегированныхъ.

рыхъ требуетъ осуществленіе этихъ заданій, и во всякомъ случаѣ лишаются возможности, за счетъ приобретаемыхъ отъ государства средствъ, затруднять ихъ осуществленіе.

Неубѣдительно, предъ лицомъ этихъ постановленій, ссылки комиссіи палаты депутатовъ на гражданскій кодексъ, на прочно установленныя начала гражданского права. Изъ за освященнаго гражданскимъ кодексомъ „абсолютнаго“ права собственности выступаетъ возвышенная ученіемъ Дюги „собственность-соціальная функція“, собственность, сообщающая собственнику меньше правомочій, чѣмъ обязанностей употребленія предмета своего права „для удовлетворенія потребностей... національнаго коллектива“¹⁾. Чѣмъ, какъ не логическимъ выводомъ изъ этой новой „концепціи стараго права“, является положеніе о томъ, что при наличности нѣсколькихъ собственниковъ, согласіе одного изъ нихъ на возстановленіе прежняго имущества обязываетъ и остальныхъ, лишующихся, по требованію возстановляющаго, права въ теченіе пяти лѣтъ со дня возстановленія требовать раздѣла общаго имущества? Частное лицо принудительно возстановляется въ однажды утраченномъ правѣ собственности, пять лѣтъ обязано участвовать въ расходахъ по содержанію принудительно приобретеннаго имущества, пять лѣтъ обязано быть собственникомъ „для удовлетворенія потребностей національнаго коллектива“. Чѣмъ, какъ не проявленіемъ той же новой концепціи, являются и постановленія о томъ, что, при наличности пользовладѣнія имуществомъ, для обязательнаго возстановленія его достаточно соответствующаго волеизъявленія возстановляемаго въ своемъ правѣ пользовладѣльца, при наличности привилегированныхъ кредиторовъ или кредиторовъ по залoгу, ихъ волеизъявленія, причемъ, въ предѣлахъ принадлежащаго имъ требованія, они вступаютъ въ права собственника на возстановленное имущество? Много-ли „основныхъ началъ гражданского права“ въ постановленія объ отчуждаемости новаго имущественнаго права, обязательственнаго права на возмѣщеніе имущественнаго вреда, единственно съ разрѣшенія гражданского суда, и въ правѣ должника—государства по своему усмотрѣнію возмѣщать военные убытки деньгами или натурой? Не можетъ быть сомнѣнія,—отъ гражданского кодекса новое право ушло такъ же далеко, какъ отъ догматовъ стараго государственнаго права. Это несомнѣнно *jus singulare*, *jus novum*, какъ уже назвала его французская литература²⁾, право, гдѣ нашли себѣ новое, неизвѣстное до сихъ поръ примиреніе—если это дѣйствительно

¹⁾ Duguit, Les transformations générales du droit civil, стр. 166.

²⁾ Fernand Faure, op. cit., стр. 199.

есть примиреніе—противорѣчивые интересы сувереннаго государства и автономной воли частнаго собственника.

Основными своими особенностями организація этого права повлечетъ за собой рядъ непосредственныхъ практическихъ трудностей, а въ дальнѣйшемъ создастъ длинный рядъ послѣдствій экономическихъ, политическихъ и правовыхъ. Государству, въ лицѣ учреждаемыхъ имъ комиссій и особаго суда, придется въ теченіе пяти лѣтъ со дня прекращенія военныхъ дѣйствій—срокъ предъявленія требованій о возмѣщеніи военныхъ убытковъ — оцѣнивать сложнѣйшія детали экономической конъюнктуры для разрѣшенія вопросовъ о воспрещеніи возстановленія имущества или объ освобожденіи отъ обязанности такого возстановленія. Государству придется не только учитывать детали экономической конъюнктуры, но и устанавливать родъ и типъ вновь создаваемого хозяйства въ случаяхъ возстановленія „однороднаго“ или частичнаго освобожденія отъ возстановленія стараго хозяйства. Государству придется разрѣшать вопросы технические и придется организовать контроль употребленія выдаваемыхъ суммъ.

И если на этой почвѣ возможны и даже неизбежны ошибки экономическія, то неизбежно и возникновеніе осложненій политическихъ. Уже личный составъ высшей комиссіи для оцѣнки военныхъ убытковъ вызвалъ нареканія части общественнаго мнѣнія, тѣмъ больше вызовутъ ихъ отдѣльные случаи воспрещенія или освобожденія отъ обязанности возстановленія того или иного предпріятія или хозяйства. Далѣе, возникаетъ рядъ вопросовъ юридическихъ: о наслѣдственномъ преемствѣ въ правѣ на возмѣщеніе военныхъ убытковъ, о послѣдствіяхъ уступки этого права третьимъ лицамъ, о правахъ на него кредиторовъ потерпѣвшаго. Но главное—разъ отказавшись, въ созданной имъ системѣ возмѣщенія военныхъ убытковъ, отъ основныхъ положеній гражданскаго права, нормирующихъ жизнь частныхъ хозяйствъ, создавъ категорію этихъ хозяйствъ, стоящую въ тѣсной зависимости отъ государственной власти, государство должно будетъ идти по этому пути и дальше. Зависимость этихъ хозяйствъ отъ государства будетъ возрастать. Въ печати уже высказывались предположенія объ особой законодательной нормировкѣ наемнаго труда въ хозяйствахъ, возстановленныхъ на основаніи новаго закона ¹⁾, да и этимъ закономъ устанавливается обязанность собственника возстановленнаго промышленнаго или торговаго предпріятія за двѣ недѣли извѣстить министра труда о днѣ возобновленія дѣятельности пред-

1) См. Journ. des Economistes, 1915, стр. 70.

пріятія. Міністръ объявляетъ объ этомъ днѣ во всеобщее свѣдѣніе, и рабочіе и служащіе, занятые въ этомъ предпріятіи до войны, пользуются преимущественнымъ правомъ на возобновленіе въ немъ работъ. Здѣсь государство вноситъ новыя начала уже не въ порядокъ возстановленія хозяйствъ, разрушенныхъ войною, а въ порядокъ функціонированія хозяйствъ, возстановленныхъ послѣ войны. Здѣсь открываются новыя перспективы законодательнаго нормированія дѣятельности частныхъ хозяйствъ.

Такимъ образомъ, отказавшись отъ одной изъ старѣйшихъ своихъ прерогативъ, отъ одного изъ существеннѣйшихъ проявленій суверенитета, и признавъ соответствующее право частнаго лица, государство въ то-же время существенно ограничиваетъ частное лицо въ недавно еще безпредѣльной области проявленія его автономной воли: возстановленіе матеріальныхъ благъ, разрушенныхъ войной, создаетъ частныя хозяйства—новыя не только въ смыслѣ матеріальномъ, но и въ смыслѣ правовомъ. Такъ новая система возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями, опираясь въ практическомъ осуществленіи на утвержденіи началъ права въ области отношеній международныхъ, утверждаетъ новыя начала не только въ публичномъ, но и въ частномъ правѣ внутри-государственномъ. Точному учету практическія послѣдствія этихъ началъ въ настоящее время не поддаются. Можно однако сказать одно: ограниченныя пока въ своемъ дѣйствіи предѣлами сравнительно небольшой территоріи, въ дальнѣйшемъ они не останутся безъ вліянія ни на правовыя формы частныхъ хозяйствъ Франціи вообще, ни на организацію возстановленія частныхъ хозяйствъ на пострадавшихъ отъ войны территоріяхъ другихъ союзныхъ странъ, тѣмъ болѣе, что на желательность согласованія законодательства о возмѣщеніи военныхъ убытковъ въ союзныхъ странахъ указывали и междупарламентская экономическая конференція въ Парижѣ. 27-го апрѣля 1916 г.

Прив.-доц. *Е. Флейшмюцъ.*

Проблемы международной торговой политики.

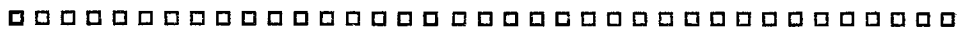
СТАТЬЯ ВТОРАЯ¹⁾.

I.

Туманъ, которымъ была покрыта экономическая будущность Россіи, по крайней мѣрѣ, поскольку она опредѣляется мирнымъ договоромъ, постепенно разсѣивается, очертанія будущихъ торговыхъ сношеній между Россіей и Германіей становятся яснѣе и отчетливѣе. Правда, полного отвѣта на вопросъ о томъ, что навязала намъ Германія, мы и теперь еще не получили, несмотря на то, что сепаратный миръ заключенъ и ратифицированъ, не получили хотя бы уже потому, что договоръ дается намъ по чайной ложкѣ, публикуются отдѣльныя части, другія же все еще держатся подъ спудомъ.

Тѣмъ не менѣе, кое-что мы уже въ состояніи установить съ извѣстной увѣренностью, не боясь попасть впросакъ. Мы можемъ сказать, что одни изъ нашихъ опасеній, подтвержденія которыхъ мы такъ боялись, сбылись въ полной мѣрѣ. Мы обязаны снова жить по торговому договору 1904 г. и по общему тарифу 1903 г. Послѣдній долженъ управлять нашей промышленностью и рѣшать вопросъ о ея жизни и смерти вплоть до 31 декабря 1925 г. Въ то же самое время, когда мы будемъ связаны по рукамъ и ногамъ, Германія будетъ произвольно распоряжаться своимъ общимъ тарифомъ, пользоваться свободой самоопредѣленія, а слѣдовательно, и свободой

¹⁾ См. № 2 журнала.

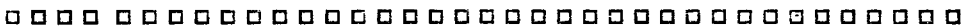

обложения нашихъ товаровъ, ищущихъ сбыта на германскомъ рынкѣ. Недурное положеніе, своеобразная экономическая борьба: одинъ конкуррентъ—въ оковахъ, не дающихъ ему дышать, другой—вооруженный съ головы до ногъ! Какая то насмѣшка надъ свободной конкуренціей, надъ міровымъ рынкомъ въ XX вѣкѣ!

О томъ, что не только нашъ договорный тарифъ 1904 г., но и его предшественникъ—общій тарифъ 1903 г., хотя и болѣе высокій, чѣмъ первый, является для насъ слабымъ утѣшеніемъ,—едва ли стоитъ говорить. Общій тарифъ былъ созданъ, какъ базисъ, при помощи котораго затѣмъ можно было торговаться при заключеніи договора, съ него дѣлались скидки и уступки, и хотя послѣднія были значительны, но лишь въ перспективѣ до-военныхъ условій. Какое значеніе можетъ имѣть въ настоящее время разница въ нѣсколькихъ рубляхъ или даже десяткахъ рублей съ пуда, когда все измѣряется на совершенно иной, гораздо болѣе крупный—хотя едва ли болѣе грандіозный—аршинъ. Если—придерживаясь извѣстнаго сравненія Бастіа—прежде тарифъ 1903 г. составлялъ для многихъ товаровъ непроходимое болото, находящееся на границѣ Россіи, для другихъ—рѣку съ быстрымъ теченіемъ, но безъ всякой переправы, то нынѣ онъ не уподобляется даже той крохотной рѣчкѣ, которая въ оное время протекала на русско-германской границѣ въ Вержболовѣ.

Осуществилось и другое опасеніе—мы гарантируемъ Германіи свободный вывозъ руды, притомъ всякой руды, и не только руды: контрибуція въ этой формѣ, въ видѣ отнятія у насъ необходимыхъ для существованія матеріаловъ, еще усилена добавленіемъ свободного вывоза лѣса. Россія и такъ уже сильно облысѣла; что теперь получится, когда Германія на ея счетъ будетъ возстанавливать свои обветшавшія за четырехлѣтній періодъ строенія, обновлять свой основной капиталъ въ формѣ зданій, желѣзнодорожныхъ шпаль, деревянныхъ частей всякаго рода аппаратовъ и приборовъ,—предвидѣть не трудно. Будущіе историки будутъ вспоминать о томъ, что Россія когда-то изобиловала лѣсами, какъ теперь повѣствуютъ о Германіи времянь Тацита.

Но, отнимая у Россіи два наиболѣе дорогихъ дѣтища ея—лѣса и металлы, Германія предоставила намъ право ограничивать привозъ, вывозъ и транзитъ прочихъ товаровъ по соб-

ственному усмотрѣнію. Въ этомъ отношеніи мы, къ счастью, обманулись. Предварительныя требованія Германіи оказались болѣе страшными—или только въ русскомъ переводѣ они были такъ изображены?—чѣмъ въ послѣдующей точной формулировкѣ. Германія вернулась къ той статьѣ 5-й, которая содержалась въ первыхъ мирныхъ предложеніяхъ ея (см. № 2 журнала, стр. 66), хотя и въ нѣсколько измѣненной редакціи. „Въ теченіе послѣвоеннаго переходнаго времени могутъ быть издаваемы для преодоленія послѣдствій войны постановленія, ограничивающія сношенія, равно какъ и запрещенія ввоза, вывоза и провоза; они должны проводиться въ жизнь такъ, чтобы ощущаться наименѣе тягостнымъ образомъ, а какъ только обстоятельства позволяютъ, они должны быть отмѣнены“. (Германскій торговый договоръ. Прибавл. А къ приложенію 2-му, ст. 5, абз. 2).

Правда, неясностей и недоговоренностей и тутъ достаточно. Кто будетъ рѣшать, что ощущается „тягостнымъ образомъ“ и когда обстоятельства „позволяютъ“ отмѣнить ограниченія? Очевидно, Германія. Достоинно вниманія и то обстоятельство, что въ первомъ абзацѣ той же статьи говорится о свободѣ привоза, вывоза и транзита, которую нельзя стѣснять, но имѣвшаяся въ торговомъ договорѣ 1904 г.—съ него списано это начало статьи—прибавка опущена. А она гласила: „за исключеніемъ направленій, кои для транзита закрыты или будутъ закрыты“.

Отсѣкая эти столь непріятныя для нея, какъ показали опыты, слова, Германія открыла своимъ товарамъ свободный провозъ въ Персію. Если до войны она, обходя запрещеніе транзита, пользовалась почтовыми посылками, то теперь она будетъ прибѣгать къ многовагоннымъ поѣздамъ, и если и прежде даже слабая струя этихъ посылокъ задерживала наши успѣхи на персидскомъ рынкѣ, то теперь полетѣтъ изъ Германіи такой фонтанъ, который затопитъ и уничтожитъ весь нашъ экспортъ въ Персію.

Но разъ Германія такимъ путемъ одной рукой открыла себѣ двери въ Персію, то не станетъ же она другой рукой закрывать себѣ тѣ же двери. Очевидно, допуская затѣмъ введенныя исключенія изъ свободнаго привоза, вывоза и транзита, она гдѣ-то сдѣлала какія-то оговорки или же сдѣлала ихъ у себя въ умѣ и подъ видомъ запрещеній, ощущающихся

„тягостнымъ“ образомъ, будетъ въ томъ или другомъ случаѣ налагать свое veto.

Какъ бы то ни было, мы все же на переходное двухлѣтнее время имѣемъ возможность—въ извѣстныхъ, пока еще не вполне опредѣлившихся, предѣлахъ—ограничивать торговля сношенія съ Германіей, запрещать привозъ, вывозъ и транзитъ, словомъ, регулировать теченіе нашихъ продуктовъ черезъ западную границу и строить шлюзы, задерживающія потокъ нѣмецкихъ товаровъ въ предѣлы Россіи. Между тѣмъ, такого рода препоны и плотины крайне существенны, какъ средство, облегчающее приведеніе нашего народнаго хозяйства хоть въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ потребностями и нуждами русскаго населенія.

II.

Хозяйственный организмъ Россіи тяжело боленъ, страдаетъ крайней степенью анеміи, необходимы сильнодѣйствующія средства, которыя, если и не доставили бы ему полного исцѣленія, то все же до извѣстной степени поставили бы его на ноги, предотвратили бы вѣрную смерть.

Самъ по себѣ таможенный тарифъ, содержащійся въ русско-германскомъ договорѣ 1904 г., намъ еще не опасенъ до тѣхъ поръ, пока у насъ имѣется въ рукахъ другое гораздо болѣе сильное оружіе—право допускать и запрещать привозъ тѣхъ или другихъ товаровъ и опредѣлять контингентъ ихъ привоза. Такое право мирный договоръ предоставляет намъ на извѣстный переходной періодъ и на послѣ военное время (ст. 5 торговаго договора).

Разрѣшительно - запретительная система является значительно болѣе совершеннымъ средствомъ урегулированія конкуренціи иностранныхъ товаровъ, чѣмъ тѣ привозныя пошлины покровительственнаго характера, которыя въ теченіе свыше полустолѣтія составляютъ едва ли не единственную мѣру торговой политики, оказывающую вліяніе на притокъ товаровъ изъ-за-границы. Въ отличіе отъ таможенныхъ пошлинъ,—аппарата весьма громоздкаго, не допускающаго частой перестановки и измѣненія,—разрѣшительная система обладаетъ, по самому характеру своему, эластичностью и скорой приспособляемостью къ постояннымъ колебаніямъ на товарномъ рынкѣ, имѣя возможность быстро слѣдовать за перемѣнами

въ запасахъ, имѣющихся внутри страны, за цѣнами, являющимися барометромъ состоянія спроса и предложенія.

Но помимо этого, при помощи установленія контингента привозныхъ товаровъ на тотъ или другой промежутокъ достигается прямо и непосредственно та цѣль, къ которой таможенный тарифъ ведетъ лишь окольнымъ путемъ, зигзагами, дѣлая значительный кругъ, обращаясь къ различнымъ посредствующимъ элементамъ. Стремясь къ сжатію иностраннаго привоза, таможенные пошлины прибѣгаютъ къ удорожанію цѣнъ привозныхъ товаровъ и тѣмъ самымъ затрудняютъ ихъ проникновеніе въ предѣлы страны. Но этотъ результатъ достигается далеко не всегда. Сплошь и рядомъ протекціонизмъ равносильнъ лишь взиманію дополнительной ренты съ потребителя въ пользу промышленника, давая ему возможность поднимать цѣны на производимые товары, тогда какъ усиленіе казенныхъ доходовъ является лучшимъ доказательствомъ того, что самый размѣръ привоза не сократился. Иностранные товары, несмотря на взимаемые съ нихъ на таможенѣ ставки, нерѣдко весьма высокія, находятъ для себя выгоднымъ проходить чрезъ таможеню, разъ покупатели выражаютъ свое согласіе на приобрѣтеніе ихъ и по такимъ повышеннымъ цѣнамъ.

Въ такого рода случаяхъ зарабатываютъ и казна, и промышленность—первая получаетъ налогъ съ привозныхъ товаровъ, вторая—съ однородныхъ произведеній, изготовленныхъ внутри страны. Но весьма важная, иногда наиболѣе существенная цѣль протекціонизма—сокращеніе платежей за-границу, улучшеніе вексельнаго курса и расчетнаго баланса—забыта, не достигается. Примѣровъ тому можно найти цѣлый рядъ въ исторіи таможеннаго протекціонизма, вообще, и нашего тарифа, въ частности (см. напр. „Таможенная политика Россіи во второй половинѣ XIX вѣка“ проф. М. Н. Соболева). Разрѣшительно-запретительная система, напротивъ, прямо бьетъ въ цѣль: въ страну допускается лишь то количество товаровъ, которое необходимо населенію, при которомъ цѣна ихъ стоитъ на надлежащемъ — но не чрезмѣрно высокомъ — уровнѣ и которое приводитъ въ соотвѣтствіе привозъ съ вывозомъ, даетъ активный расчетный балансъ и не наноситъ ущерба валютѣ.

Вывозныя пошлины, какъ показалъ вѣковой опытъ, выполняли функцію сокращенія вывоза еще менѣе удачно, чѣмъ привозной тарифъ—соотвѣтствующую задачу въ области при-

воза, и нерѣдко вызывали лишь вздорожаніе вывозныхъ товаровъ, что вовсе не имѣлось въ виду, а, напротивъ, было весьма нецѣлесообразно.

Эти обстоятельства, какъ и тотъ фактъ, что торговая политика послѣднихъ десятилѣтій проходила подъ лозунгомъ—экспортировать возможно больше,—заставили вообще сдать въ архивъ вывозныя пошлины, покончить съ этого рода загражденіями вывоза, и лишь печальные остатки былого величія, сохранившіеся въ нѣкоторыхъ европейскихъ тарифахъ, напоминаютъ о той важной роли, которая когда-то была присвоена этой формѣ таможеннаго обложенія. Стоитъ ли въ настоящее время вновь вынимать это устарѣлое, заржавѣвшее оружіе, своего рода самострѣлы или кремневыя ружья, когда мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи гораздо болѣе тонкія и остроумныя изобрѣтенія человѣческаго ума? Старыя машины замѣнить новыми нелегко; это сопряжено съ затрудненіями, вызываетъ сопротивленія; но тамъ, гдѣ ихъ вообще нѣтъ, гдѣ имѣется пустое мѣсто, несравненно проще сдѣлать сразу шагъ впередъ, перейти къ такому аппарату, который, хотя и не составляетъ послѣдняго слова искусства, но все же даетъ въ руки государства болѣе сильную охрану, чѣмъ примитивныя средства таможенной политики.

III.

Если война не только разрушаетъ и сметаетъ съ лица земли, но и является „отцомъ всего“, если изъ пепла сожженныхъ селъ и городовъ возстаютъ новыя идеи и институты, то прежде всего война должна перевоспитать экономическую жизнь и экономическія сношенія народовъ. Война должна научить насъ тому, что не только не знавшій удержи протекціонизмъ послѣднихъ десятилѣтій довелъ международную борьбу до такого градуса кипѣнія, что котель могъ въ любой моментъ лопнуть, но что вообще человѣчество не можетъ остановиться на той ступени международнаго экономическаго развитія, которая выражается въ таможенныхъ ставкахъ и таможенныхъ тарифахъ. Верховъ совершенства эту форму таможенныхъ укрѣпленій, правда, никто не считалъ, но ихъ разсматривали, какъ меньшее изъ золъ, какъ нѣчто такое,

дальше чего мы пока не ушли. Война указала новые пути, прямо натолкнула на новыя мѣры торговой политики.

Какъ это бываетъ при новыхъ изобрѣтеніяхъ, когда въ давно извѣстныхъ, но оказывавшихся на практикѣ неудачными, машинахъ дѣлается поправка, какое-либо новое, съ виду незначительное, приспособленіе, и оно совершаетъ переворотъ въ цѣлой отрасли производства,—такъ и здѣсь война воспользовалась давно извѣстнымъ и весьма первобытнымъ средствомъ запрещеній привоза и вывоза, но передѣлала его на новый ладъ, и этотъ устарѣлый механизмъ обнаружилъ живучесть и пригодность для новыхъ создавшихся съ войной условий международныхъ сношеній, превратился въ новую систему, стоящую на иной почвѣ, чѣмъ торговая политика до-военнаго времени.

Запрещенія привоза и вывоза когда-то составляли обычное, повседневное, широко примѣняемое средство торговой политики, къ которому прибѣгали каждый разъ, когда нужно было обезпечить національное производство, охранить его отъ иностраннаго привоза,—въ Англіи до начала XIX вѣка, во Франціи и у насъ до половины минувшаго столѣтія. Но затѣмъ постепенно, сначала запрещенія вывоза отошли въ область преданій, а за ними послѣдовали вскорѣ и запрещенія привоза, замѣняемые запретительными, покровительственными и даже фискальными пошлинами, а иногда не получавшія вообще никакихъ преемниковъ. Въ запрещеніяхъ усматривали нарушеніе принципа свободной торговли, идеи свободнаго импорта и экспорта, хотя протекціонизмъ послѣднихъ десятилѣтій, усиливавшійся повсюду съ головокружительной быстротой, сохранилъ только такую голую идею, на практикѣ же рѣзко и неумолимо убивалъ этотъ принципъ. Тѣмъ не менѣе, торговые договоры попрежнему повторяли фразу—она являлась только фразой при наличности содержавшихся въ тѣхъ же договорахъ тарифовъ ставокъ,—что договаривающіяся страны обязуются не стѣснять обоюдныхъ торговыхъ сношеній никакими запрещеніями привоза и вывоза, какъ говорится, между прочимъ, и въ возстановляемомъ русско-германскомъ торговомъ договорѣ 1904 года.

Допускались, правда, исключенія для товаровъ, составляющихъ предметъ государственной монополіи, или же для такихъ, къ которымъ, въ интересахъ гигиены, ветеринарной полиціи или общественной безопасности или по инымъ сообра-

женіямъ чрезвычайной важности могутъ примѣняться исключительныя мѣры, — такъ гласилъ трактатъ 1904 года, то же повторяетъ и новый мирный договоръ. Само собою разумѣется, что поскольку такого рода запрещенія устанавливались и могли устанавливаться, они являлись безусловными, абсолютными, не допускали никакихъ исключеній. Это вытекало изъ самаго свойства ихъ. Разъ запрещенъ привозъ порнографическихъ сочиненій или опасныхъ лѣкарственныхъ снадобій, привозъ виноградной лозы (опасность занесенія филлоксеры) или динамита, то какія могутъ быть отступленія изъ общаго правила, возможно ли разрѣшать ихъ привозъ въ отдѣльныхъ случаяхъ?

Война, разорвавъ одни договоры, примѣняя къ другимъ приведенныя выше слова о „чрезвычайныхъ обстоятельствахъ“, сразу измѣнила характеръ торговой политики. Приходилось дѣйствовать рѣшительными мѣрами — попросту запрещать вывозъ сырья и сѣстныхъ припасовъ, а также товаровъ, которые могли бы оказаться полезными врагамъ, пришлось запретить и привозъ изъ вражескихъ странъ. За такого рода скорѣе стратегическими (въ переносномъ смыслѣ), чѣмъ экономическими, мѣрами послѣдовали и запрещенія, принятія подъ угломъ зрѣнія торговой политики. Таковы были, въ особенности, запрещенія привоза предметовъ роскоши, которыя вызывались сокращеніемъ вывоза до минимума — разъ ничего не вывозили, то нельзя же много ввозить — какъ и недостаткомъ тоннажа и вагоновъ, которые нужно было предоставить болѣе важнымъ товарамъ.

Но и послѣднія отличались различной степенью важности и настоятельности, съ точки зрѣнія народнохозяйственныхъ интересовъ. Между снарядами и вооруженіемъ, съ одной стороны, и брилліантами и кружевами, съ другой стороны, находилась еще довольно большая лѣстница разнообразныхъ, понижающихся по степени ихъ необходимости, продуктовъ и издѣлій. Если для верхняго ряда допускался вполнѣ свободный привозъ, а къ низшему примѣнялось полное запрещеніе, то на посредствующихъ ступеняхъ нельзя было не установить среднюю мѣру — допущеніе въ опредѣленныхъ, вызываемыхъ потребностью даннаго времени, размѣрахъ, разрѣшеніе въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ привоза запрещенныхъ товаровъ въ извѣстномъ количествѣ. Для различныхъ предме-

товъ сырья, станковъ и оборудованія фабрикъ, сельскохозяйственныхъ машинъ и т. д. только и возможенъ былъ такой пріемъ. Свободный доступъ не допускался валютой и платежнымъ балансомъ; совершенное запрещеніе лишило бы сельское хозяйство и промышленность предметовъ первой необходимости.

IV.

Новая разрѣшительно-запретительная система не составляла чего-либо случайнаго, самостоятельнаго, оторваннаго отъ всѣхъ прочихъ мѣропріятій военнаго времени, а выражала собою одно изъ началъ, проходившихъ красной нитью чрезъ новую организацію народнаго хозяйства. Она означала ту плано-мѣрность въ національномъ хозяйствѣ, которая все болѣе и болѣе проникала въ экономическій строй народовъ, сначала подъ вліяніемъ новаго могучаго фактора—военныхъ интересовъ, а затѣмъ и въ связи съ пертурбаціями, вызванными войной во всемъ отрѣзанномъ отъ внѣшняго міра хозяйствѣ страны.

Тотъ же общій планъ переустройства національнаго хозяйства, оказавшагося оторваннымъ отъ міроваго рынка, отдѣленнымъ пропастью отъ своихъ прежнихъ сосѣдей, снабжавшихъ его необходимыми товарами,—тотъ же планъ, который приводилъ къ ограниченію, а частью и къ полному исключенію свободной конкуренціи внутри страны (не только въ воюющихъ, но и въ нѣкоторыхъ нейтральныхъ странахъ), содержалъ и требованія нормированія привоза и вывоза товаровъ на опредѣленныхъ началахъ. Изъ замѣны прежней „игры“ спроса и предложенія на внутреннемъ рынкѣ дѣятельностью правительственныхъ и общественныхъ организацій по закупкѣ и заготовкѣ товаровъ, по храненію и распредѣленію ихъ вытекала необходимость и дальнѣйшаго шага—исходя изъ наличности опредѣленныхъ запасовъ и потребностей, оцѣнивая степень и характеръ послѣднихъ, принимать соотвѣтствующія мѣры и въ области внѣшнихъ торговыхъ сношеній. Одно находилось въ тѣснѣйшей связи съ другимъ, являлось выводомъ изъ общей, осуществляемой въ жизни, предпосылки. Планомѣрная организація одной части не могла сопровождаться хаосомъ и предоставленною самой себѣ борьбою индивидуальныхъ интересовъ въ другихъ сторонахъ жизни.

Все это было ново, чуждо экономическому строю, ибо неизвѣстно до-военной эпохѣ. Но идеи, казавшіяся первоначально странными, невѣроятными, недопустимыми, скоро привились; новыя учрежденія вошли въ сознание населенія, и къ нимъ стали относиться такъ, какъ будто бы они существовали съ незапамятныхъ временъ, какъ будто люди никогда не жили и не думали иначе. Сколько шуму поднималъ вопросъ о таксаціи цѣнъ на продукты во всѣхъ странахъ на протяженіи Европы, при каждомъ новомъ товарѣ, подвергаемомъ этой операціи. Сколько сомнѣній, опасеній и пересудовъ вызывала карточная система въ примѣненіи къ тому или иному продукту въ Германіи и Австріи, какъ и въ Италіи, Франціи, Россіи! Какія только предсказанія не дѣлались при попыткахъ сосредоточенія закупки и разверстки товаровъ тѣми или иными учрежденіями, внезапно замѣнившими торговый аппаратъ, который выполнялъ эти функціи, если не съ сотворенія міра, то во всякомъ случаѣ со времени появленія рациональнаго организованнаго хозяйства.

Но и къ этимъ явленіямъ привыкли. Соображеніе о печальной необходимости, настоятельно требующей такого рода мѣропріятій, пониманіе, что въ окруженной со всѣхъ сторонъ крѣпости, въ положеніи которой очутились и Россія, и Германія, и рядъ другихъ странъ, иначе быть не можетъ, смѣнилось постепенно новой идеологіей—сознаниемъ цѣлесообразности этихъ мѣръ, необходимости преобразования той хозяйственной организаціи, которая господствовала до всемірной войны.

А изъ этого вытекала желательность сохраненія, по крайней мѣрѣ, отчасти, мѣръ военнаго времени и въ слѣдующую, хотя бы переходную эпоху, въ томъ числѣ примѣненія въ извѣстныхъ предѣлахъ и разрѣшительно-запретительной системы въ области внѣшней торговли. Такіе скачки въ развитіи, которые обнаружила война, не могутъ быть уничтожены однимъ ударомъ, немедленно сведены на нѣтъ. Новыя потребности и силы могутъ лишь отклонить движеніе въ иномъ направленіи, замѣнить чистыя формы смѣшанными образованіями. Ту самую свободную конкуренцію, о которой всегда говорили, что она даетъ возможность сильнымъ убивать слабыхъ, теперь, когда она столь жестоко пострадала, стали всячески превозносить, находя у нея одни лишь достоин-

ства—de mortuis nil nisi bene. Несомнѣнно, она возстанетъ изъ мертвыхъ, какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ товарообмѣнѣ, поскольку безъ личной инициативы и предприимчивости немислимъ прогрессъ въ хозяйственной жизни, но, надо думать, лишь въ строгихъ предѣлахъ, и рядомъ съ другими принципами и формами хозяйственной жизни. При осуществленіи этого новаго хозяйства запретительно-разрѣшительной системѣ въ области привоза и вывоза принадлежитъ не послѣдняя роль.

Въ какомъ видѣ эта система будетъ построена, это будетъ зависѣть отъ общественно-экономическихъ, политическихъ и правовыхъ условій каждаго государства. При низкомъ уровнѣ политической организациі и общественнаго устройства трудно создать что либо правильное и болѣе или менѣе удачное и въ этой области.

Во всякомъ случаѣ, въ послѣдніе годы экономическая мысль и у насъ, и на Западѣ уже работаетъ въ этомъ направленіи. Возникаютъ различныя предположенія организациі экспорта и импорта на новыхъ началахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что ближайшее время послѣ войны пройдетъ подъ знакомъ новыхъ мѣропріятій, увидитъ начинанія, составляющія новый этапъ въ исторіи международной торговой политики.

Проф. *И. Кулишеръ.*

Первый международный договоръ Россійской Федеративной Республики.

Послѣдній вышедшій въ Петроградѣ номеръ „Извѣстій Всероссийскаго Ц. И. К. С. Р. и С. Д.“ отъ 10 марта 1918 г. принесъ намъ полный текстъ перваго международнаго договора, заключеннаго совѣтскимъ правительствомъ. Это договоръ между Россіей и Финляндіей отъ 1 марта 1918 г., имѣющей задачей ликвидировать существовавшія въ теченіе 109 лѣтъ между Россіей и Финляндіей государственныя взаимоотношенія. Центръ тяжести договора лежитъ въ статьяхъ, касающихся взаимной передачи государствамъ ихъ недвижимыхъ имуществъ. Они передаются тому государству, на территоріи коего они находятся, причемъ исключенія дѣлаются „для учреждений и лицъ дипломатической, консульской и торговой службъ, а также для культурно-просвѣтительныхъ и лечебныхъ установлений“ (§§ 1—7 включ.).

§ 8 предусматриваетъ дѣйствительность существующихъ между обѣими странами денежныхъ обязательствъ и способъ ихъ ликвидаціи.

§ 9 обезпечиваетъ взаимно свободное плаваніе не только на моряхъ, но и въ озерахъ и рѣкахъ. §§ 10 и 11 ликвидируютъ вопросъ о путяхъ сообщенія и о телеграфѣ.

Наконецъ, § 12 предусматриваетъ созданіе смѣшанной комиссіи для выработки проекта торговаго договора.

Всѣ приведенныя постановленія не вызываютъ какихъ-либо возраженій и, повидимому, одинаково выгодны для обѣихъ договаривающихся сторонъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же про дальнѣйшее.

Въ первую очередь необходимо коснуться § 13, который въ началѣ устанавливаетъ въ обѣихъ странахъ обоюдное равенство въ отношеніи правъ гражданскаго обихода. Къ этому очевидному поста-

новленію конецъ разсматриваемаго параграфа добавляетъ, однако, чрезвычайно странное правило о правахъ политическихъ. Финляндскіе граждане въ Россіи пользуются политическими правами въ Россіи только въ томъ случаѣ, если они „принадлежатъ къ рабочему классу или къ непользующемуся чужимъ трудомъ крестьянству“, тогда какъ Финляндская республика предоставляетъ русскимъ гражданамъ въ Финляндіи лишь „наиболѣе легкія условія для полученія политическихъ правъ, особенно, принимая во вниманіе интересы трудового населенія, не имѣющаго постоянной осѣдлости“.

Разсматриваемое постановленіе вызываетъ сомнѣнія съ разныхъ точекъ зрѣнія. Прежде всего, необходимо отмѣтить, что по существу дѣла Россія предоставляетъ Финляндіи гораздо больше, нежели Финляндія Россіи. Но даже если признать, что нѣкоторыя особенности нашего современнаго государственнаго строя дѣлаютъ неизбѣжнымъ подобное неравенство, то остается совершенно непонятнымъ, почему Россія открываетъ доступъ въ области политическихъ правъ лишь указанной выше категоріи финляндскихъ гражданъ, тогда какъ финляндское правительство, исходящее, повидимому, въ своей принципиальной государственной дѣятельности изъ тѣхъ же лозунговъ революціонной идеологіи, какъ и наша совѣтская власть, не ставитъ подобныхъ ограниченій для русскихъ въ Финляндіи. Она дѣлаетъ лишь нѣкоторую указанную выше оговорку, отнюдь не имѣющую того безусловнаго характера, какъ требованіе, выставленное совѣтскою властью, и поэтому могущую, конечно, быть оспариваемою.

Однако, еще хуже обстоитъ дѣло съ вопросами установленія государственной границы (§ 15). Таковая остается безъ измѣненія, кромѣ сѣвернаго ея участка, гдѣ приблизительно въ 50 километрахъ къ югу отъ теперешняго мѣста смычки Россіи, Норвегіи и Финляндіи проводится прямая линія на сѣверъ вплоть до Ледовитаго океана, разрѣзающая въ своей конечной части пополамъ полуостровъ Рыбачій. Въ силу договора, этотъ небольшой по объему кусокъ территоріи отходитъ къ Финляндіи въ случаѣ согласія „свободно опрошеннаго мѣстнаго населенія“.

Всякій, немного интересующійся судьбами нашего сѣвера, знаетъ, что въ территоріи, которую предположено уступить Финляндіи, находятся Печенгскій монастырь и церкви Бориса и Глѣба, эти древнѣйшіе носители русской культуры на дальнемъ сѣверѣ.

Чрезвычайно интересно, что Финляндію выставлено требованіе объ уступкѣ ей именно этой части территоріи, хотя и имѣющей нѣкоторое количество финновъ-поморовъ, но во всякомъ случаѣ, въ

отношеніи племенного состава населенія, гораздо менѣ тяготящей къ Финляндіи, нежели хотя бы западныя части Петроградской и Олонецкой губерній. Это требованіе, конечно, коренится все въ тѣхъ же „империалистическихъ тенденціяхъ“, съ которыми борется совѣтское правительство и жертвою коихъ оно неизбѣжно дѣлается во всѣхъ своихъ международныхъ переговорахъ. Требованіе это выставлено для того, чтобы дать Финляндіи выходъ къ свободному океану, прочно обосновать свой рыбный промыселъ въ наиболѣе культурной (западной) части Мурмана, особенно интенсивно ведущей сношенія съ Норвегією, и нанести тяжелый уронъ и безъ того слабому дѣлу русскаго рыбнаго промысла на Мурманѣ. Къ этому надо добавить, что Печенгскій монастырь, этотъ удивительный русскій культурный оазисъ въ безлюдныхъ тундрахъ Лапландіи, всегда былъ бѣльмою въ глазу у мѣстныхъ финновъ, которые теперь, безъ сомнѣнія, воспользуются возможностью положить конецъ его существованію и тѣмъ самымъ окончательно устранить оттуда всякій русскій элементъ.

Однако, какъ указано выше, переходъ края въ финляндскія руки состоится только послѣ плебисцита среди мѣстнаго населенія. Къ сожалѣнію, договоръ не предусматриваетъ точно, среди кого плебисцитъ будетъ производиться. Если онъ будетъ проводиться только среди населенія подлежащей уступкѣ мѣстности, состоящаго изъ братіи монастыря, финскихъ рыбопромышленниковъ и весьма незначительной кучки лопарей, то результатъ можно заранѣе предсказать. Однако, подобное ограниченіе круга лицъ, которыя будутъ опрашиваться, было бы явно несправедливо, ибо судьба этой части Мурмана не можетъ быть рѣшена безъ опроса населенія остальной части Мурмана, долженствующей остаться въ нашихъ рукахъ. Было бы поэтому очень желательно, чтобы демократическія организаціи, имѣющія теперь мѣстопребываніе въ нарождающемся портѣ Мурманскѣ, и все населеніе русскаго Поморья потребовали бы своего привлеченія къ участію въ голосованіи. Результатъ такового былъ бы тогда, вѣроятно, совершенно инымъ. Нельзя забывать, что уступаемая финнамъ часть Мурмана составляетъ органическую часть *всего* Мурмана и не можетъ быть рассматриваема, какъ самодовлѣющая единица.

Конецъ § 15 предусматриваетъ необходимость обезпеченія правъ населенія Россіи, занимающагося въ отчужденной территоріи рыбными и иными промыслами, правъ Россіи на безпрепятственный торговый транзитъ въ Норвегію и обратно и правъ, вытекающихъ изъ заключенныхъ и дѣйствующихъ между Россією и Норвегією договоровъ. Всѣ эти ого-

ворки, однако, особой цѣнности не имѣютъ. Можно думать, что финскіе поморы мало будутъ склонны, по своимъ нравамъ, примириться съ приведеніемъ въ исполненіе какихъ-либо преимуществъ, которыя могли бы быть выговорены русскимъ поморамъ въ ихъ промыслахъ на финской территоріи. *Сухопутный* транзитъ черезъ уступаемую область не производился. Никакихъ правъ, вытекающихъ изъ заключенныхъ между Россіей и Норвегіей договоровъ, не существуетъ, ибо договоръ 1838 г., предоставлявшій русскимъ поморамъ извѣстныя права въ отношеніи Норвегіи, денонсированъ Временнымъ Правительствомъ въ сентябрѣ 1917 г. Вслѣдствіе этого, для того, чтобы воплотить въ реальное содержаніе послѣднюю изъ указанныхъ трехъ оговорокъ, надо предварительно признать денонсацію недѣйствительной.

§ 18 передаетъ случаи, вытекающіе изъ разногласій по толкованію договора, на разрѣшеніе третейскаго суда, предсѣдатель коего назначается правленіемъ шведской лѣвой с.-д. партіи. Это постановленіе передаетъ разрѣшеніе междугосударственныхъ споровъ въ руки столь неустойчиваго органа, какъ политическая партія.

Укажемъ, наконецъ, на то, что § 19 устанавливаетъ обязательность договора съ момента его подписанія, безъ какой либо ратификаціи. Вопросъ о порядкѣ утвержденія международныхъ договоровъ, заключаемыхъ Россійской совѣтской республикой, въ недавнее время подвергся въ періодической печати столь подробному разсмотрѣнію, что представлялось бы излишнимъ вновь обсуждать его здѣсь.

Черезъ два дня послѣ подписанія договора съ финляндской республикой разыгрался финальный актъ брестской трагедіи.

Если разобранный нами сейчасъ документъ въ сравнительно мелкихъ и второстепенныхъ рамкахъ наноситъ ущербъ тому, что раньше называлось русскимъ національнымъ достояніемъ, то можно признать, что онъ въ этихъ именно рамкахъ является документомъ, равноцѣннымъ по своему удѣльному вѣсу тому, что 3-го марта завершило нашу борьбу съ Германіей.

Андрей Сабанинъ.

Брестскій договоръ и русскіе интересы въ Персіи.

Въ противоположность многимъ другимъ нашимъ колониальнымъ начинаніямъ, русское дѣло въ Персіи покоилось на весьма серьезныхъ основаніяхъ. Англо-русское соглашеніе 1907 г., признавшее спеціальныя права Россіи въ сѣверныхъ провинціяхъ Персіи, являлось лишь укрѣпленіемъ на бумагѣ того фактическаго положенія, которое давно было создано въ приграничныхъ съ нами областяхъ упорной работой. Даже нѣмцы откровенно признавали, что Россія выполняетъ въ сѣверной Персіи положительную миссію, создавая дороги, открывая школы и кредитныя учрежденія въ этомъ отсталомъ краѣ ¹⁾. Эта культурная дѣятельность, въ свою очередь, базировалась на самыхъ серьезныхъ матерьяльных интересахъ. Въ общемъ товарообмѣнѣ Россія занимала первенствующее мѣсто, причѣмъ въ сѣверныхъ провинціяхъ русская торговля не встрѣчала себѣ соперниковъ. Для освѣщенія этого положенія и общей характеристики русско-персидскихъ экономическихъ сношеній приведемъ слѣдующія цифры.

Въ 1912/13 г.г. изъ общаго ввоза Персіи въ размѣрѣ 102.164 т. руб. на долю Россіи падало 59.216 тыс. руб. (58°/o); изъ общаго вывоза въ 78.540 тыс. руб. въ Россію пошло на 54.158 тыс. руб. (68,9^o/o). Важнѣйшая конкурентка Россіи на персидскомъ рынкѣ, Англія, оставалась далеко позади: ея ввозъ въ томъ же году не превышалъ 15.549 тыс. руб., а вывозъ—6.183 тыс. руб. Русскій импортъ въ Персію прогрессировалъ чрезвычайно быстро. Съ 1905/06 по 1912/13 г.г. Россія увеличила свой ввозъ на 24.232 тыс. руб. или на 69°/o, между тѣмъ, какъ увеличеніе англійскаго импорта за тотъ же срокъ выразилось всего лишь въ 20°/o ²⁾. Хотя война, вынудившая русское правительство издать рядъ запрещеній, ограничивающихъ вывозъ въ Персію русскихъ товаровъ, внесла нѣкоторую дезорганизацію въ русско-персидскую торговлю, все же первенствующее положеніе Россіи въ ввозѣ и вывозѣ Персіи оставалось непоколебленнымъ: по новѣйшимъ

¹⁾ Н. Grothe. Wanderungen in Persien. Berlin, 1910.

²⁾ Внѣшняя торговля Персіи и участіе въ ней Россіи. (Изд. Мин. Торг. и Пром. 1914 г.).

даннымъ 1915/16 г.г., ея ввозъ все же составлялъ 57,5% общаго ввоза въ Персію, а вывозъ—71% общаго вывоза ¹⁾. Въ 1915 г. Персія занимала третье мѣсто среди странъ нашего экспорта (послѣ Великобританіи и Финляндіи): туда ушло 12,7% нашего вывоза ²⁾. Но какъ ни краснорѣчивы эти цифры, онѣ все же не даютъ достаточнаго представленія объ исключительной роли, которую играла Персія среди нашихъ внѣшнихъ рынковъ сбыта. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ иностранныхъ государствъ (если не считать Монголіи) съ одной лишь Персіей у насъ былъ налаженъ въ сколько-нибудь крупныхъ размѣрахъ товарообмѣнъ на тѣхъ единственно рациональныхъ началахъ, которыя заключаются въ отдачѣ готовыхъ фабрикатовъ въ обмѣнъ на дешевое сырье. Совершенно правильно одинъ изъ изслѣдователей этого вопроса указывалъ, что „для части русской обрабатывающей промышленности персидскій рынокъ представляетъ школу и является первымъ удачно исполненнымъ урокомъ. Персидскій рынокъ можетъ служить идеальнымъ образцомъ для перспективъ русской промышленности и будущей политики государства“ ³⁾. Въ слѣдующей таблицѣ указаны главнѣйшія статьи нашего ввоза въ Персію:

Русскій ввозъ въ Персію (главнѣйшіе товары).

	(Въ кранахъ)	
	1914/15 г.г. (1 кранъ—18 коп.).	1915/16 г.г. (1 кранъ—30 коп.).
Сахаръ въ головахъ	94.253.979	97.412.712
Бумажныя ткани	77.001.420	76.002.725
Сахаръ въ пескѣ	9.906.660	14.665.371
Спички	3.760.592	7.744.897
Желѣзо, сталь въ полосахъ, болванкахъ и пр.	5.169.299	4.760.880
Керосинъ въ бидонахъ и боч- кахъ	6.463.461	5.548.220
Керосинъ въ цистернахъ . . .	6.233.255	4.901.049
Дерево всякаго рода	3.096.561	4.590.039
Мука	8.516.505	4.145.740
Суровскій товаръ	2.624.871	3.356.626

¹⁾ А. Косьминскій, Вліяніе европейской войны на русско-персидскую торговлю, въ № 30 „Извѣстій по внѣшней торговлѣ“ за 1917 г.

²⁾ Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1915 г. (Изд. Деп. Тамож. Сбор.).

³⁾ С. С. Остапенко, Персидскій рынокъ и его значеніе для Россіи. Кіевъ, 1913 г.

Въ меньшихъ, но все же миллионныхъ, суммахъ мы доставляли Персїи пряжу, бархатъ, желѣзные издѣлія, чай, стекло, фаянсовыя издѣлія, калоши и т. д. Въ отношеніи сахара (для сѣверныхъ провинцій), керосина, муки, спичекъ, стекла и резиновыхъ издѣлій Россія почти совсѣмъ не имѣла конкурентовъ на персидскомъ рынкѣ, а ея бумажныя ткани весьма успѣшно конкурировали съ англійскими, которыя по качеству оказывались хуже русскихъ и имѣли сбытъ лишь благодаря дешевизнѣ и приспособленности къ мѣстнымъ требованіямъ.

Что же касается вывоза изъ Персїи въ Россію, то онъ состоялъ исключительно изъ сырыхъ продуктовъ мѣстнаго земледѣлія и скотоводства, да еще изъ ковровъ. Главнѣйшими статьями вывоза были слѣдующія:

Персидскій вывозъ въ Россію (главнѣйшіе товары).

	(Въ кранахъ).	
	1914/15 г.г. (1 кранъ—18 коп.).	1915/16 г.г. (1 кранъ—30 коп.).
Хлопокъ сырецъ	73.293.963	70.454.126
Рисъ	56.929.148	61.641.031
Фрукты.	42.473.827	61.092.819
Шерстяные ковры.	11.305.931	2.355.763
Невыдѣланныя кожи	11.258.383	5.338.455
Невыдѣланная шерсть	9.574.115	10.318.899

Въ нѣсколько меньшихъ суммахъ Персїя поставляла намъ выдѣланныя кожи, шелкъ, красящія вещества, опиумъ и т. д.

Товарообмѣнъ Россіи съ Персїей существенно облегчался спеціальнымъ таможенно-тарифнымъ режимомъ, установленнымъ декларацией 27 октября 1901 г. („Объ измѣненіи ст. 3 дополнительнаго акта къ Туркменчайскому договору 1828 г.“). Согласно этой декларации, важнѣйшіе предметы русскаго ввоза въ Персїю облагались сравнительно невысокими пошлинами; кромѣ того, декларацией былъ установленъ спеціальныи тарифъ Б, по которому для ряда персидскихъ провенансовъ при ввозѣ въ Россію были установлены тарифныя ставки, во много разъ пониженныя противъ нашего общаго тарифа по европейской торговлѣ (рисъ, хлопокъ, шерсть, шелковыя ткани и т. д.), а другіе были допущены къ беспошлинному привозу ¹⁾. Для скупки

¹⁾ Сборникъ торговыхъ договоровъ между Россіей и иностр. госуд. (изд. М. Т. и П. 1915 г.).

персидскаго сырья создавались, благодаря этому тарифу, весьма благоприятныя условия.

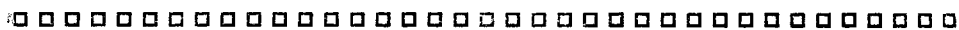
Исключительное положеніе Россіи на персидскомъ рынкѣ объясняется, прежде всего, исключительно благоприятными географическими условиями. Въ то время, какъ изъ гаваней Персидскаго залива, а также изъ Трапезунда и Месопотаміи, идутъ вглубь Персіи длинныя и небезопасныя караванныя тропы и дороги, наши купцы пользовались короткими и удобными путями Каспійскаго моря, закавказскихъ или средне-азиатскихъ желѣзныхъ дорогъ. По нѣкоторымъ подсчетамъ ¹⁾, преимущество русскихъ товаровъ во времени доставки въ Тегеранъ достигало передъ иностранными 4—10 недѣль, а въ стоимости провоза—2—2½ руб. на пудъ. Для южныхъ торговыхъ центровъ, въ родѣ Испагани, эта разница, разумѣется, была не столь ощутительна, но это не мѣняло общей картины, ибо, согласно статистическимъ подсчетамъ, сѣверо-западные рынки, монополизированные Россіей, принимали вдвое больше товаровъ, чѣмъ вся остальная Персія.

Что же касается пути черезъ Россію, то таковой былъ фактически закрытъ для иностранной конкуренціи, вслѣдствіе запрещенія транзита иностранныхъ товаровъ въ Персію черезъ Закавказье по закону 1883 года. Вопросъ о закавказскомъ транзитѣ имѣетъ свою длинную исторію.

Западно-европейская торговля уже съ начала XIX вѣка пыталась использовать закавказскій путь для проникновенія въ Персію. Впервые графъ Канкринъ настоялъ въ 1831 году на закрытіи транзитнаго сообщенія ²⁾. Съ поворотомъ нашей таможенной политики, послѣ ухода Канкрина, въ болѣе либеральную сторону и съ послѣдовавшимъ, въ 1846 году, съ цѣлью оживленія экономической жизни Закавказья, возстановленіемъ свободнаго транзита, иностранные товары снова широкимъ потокомъ устремились черезъ наши предѣлы въ сѣверную Персію, проникая заодно и на закавказскіе рынки, и даже въ средне-азиатскія владѣнія Россіи. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ цѣнность проходившихъ черезъ Закавказье иностранныхъ товаровъ доходила до весьма крупной по тому времени суммы въ 9 милл. руб. Въ 1883 году заканчивалась постройка Батумо-Самтредскаго и Тифлиско-Бакинскаго участковъ Закавказской желѣзной дороги, которые должны были соединить непрерывнымъ рельсовымъ путемъ Каспійское море съ Чернымъ. Открытіе этого пути могло существенно измѣнить условия закавказскаго транзита и еще болѣе облегчить доступъ иностранныхъ това-

¹⁾ Н. Поддерегинъ. Нужна ли намъ трансперсидская дорога? Москва, 1912.

²⁾ V. Wittschewsky. Russlands Handels,—Zoll—und Industriepolitik. Berlin.1905.

ровъ. Въ предвидѣніи этого, представители нашей мануфактурной промышленности возобновили настойчивыя ходатайства о совершенномъ закрытіи транзита ¹⁾. Московское биржевое общество заявляло, что „транзитъ иностранныхъ товаровъ черезъ Закавказье, съ одной стороны—какъ способствующій значительно водворенію контрабанды, по невозможности для таможеннаго надзора противодѣйствовать такому, а съ другой стороны, имѣющій еще болѣе важное значеніе,—какъ служащій облегченію и развитію иностранной торговли въ Персіи въ подрывъ русской промышленности и угрожающій сей послѣдней предоставленіемъ иностраннымъ товарамъ средствъ проникать даже на средне-азиатскіе рынки, представляется, въ интересахъ Россіи, безусловно вреднымъ, и потому неотлагательное уничтоженіе его оказывается крайне необходимымъ“. Къ этой же точкѣ зрѣнія присоединилось министерство иностранныхъ дѣлъ въ лицѣ государственнаго канцлера князя Горчакова, который еще въ 60-хъ годахъ указывалъ на необходимость запрещенія транзита съ цѣлью укрѣпленія нашего экономическаго и тѣмъ самымъ политическаго положенія въ средней Азіи ²⁾. Вопросъ о закавказскомъ транзитѣ былъ внесенъ на обсужденіе Г. Совѣта, причемъ министерство финансовъ въ своемъ представленіи высказалось за закрытіе транзита на Баку, полагая оставить транзитъ черезъ Джульфу открытымъ. Меньшинство Г. Совѣта признало, однако, необходимымъ установить полное прекращеніе транзита и подчиненіе иностранныхъ товаровъ таможенному обложенію по общему тарифу. Это мнѣніе получило въ 1883 году санкцію закона. Путь для иностранныхъ товаровъ черезъ Россію въ Персію былъ закрытъ.

Наша исконная соперница въ азиатской политикѣ, Великобританія, сравнительно легко примирилась съ создавшимся для нея положеніемъ. Всецѣло поглощенная заботами объ укрѣпленіи своего экономическаго и политическаго вліянія въ южныхъ провинціяхъ Персіи, представляющихъ собою соединительное звено между Аравіей и Индіей, она была заинтересована лишь въ томъ, чтобы Россія не явилась съ своими притязаніями на берегу Персидскаго залива, и была довольна, что вниманіе Россіи отвлечено сѣверо-западной Персіей. Эта политика Англій получила свое довершеніе въ упомянутомъ уже нами договорѣ 1907 года.

Однако, для русскаго дѣла въ Персіи возникла опасность съ той стороны, съ которой ее, казалось бы, менѣе всего приходилось ожидать:

¹⁾ „Министерство Финансовъ 1802—1902“.

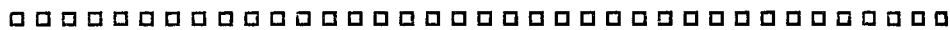
²⁾ „Транзитная торговля Россіи въ XIX вѣкѣ“ (Русское экономическое обозрѣніе, 1903 г. № 5 и 6).

въ роли соперницы Россіи выступила въ началѣ XX вѣка Германія. Въ своемъ стремленіи къ изысканію новыхъ рынковъ для сбыта своей блестяще развивающейся промышленности, Германія не считала нужнымъ пренебречь даже столь отдаленнымъ и мало доступнымъ для нея рынкомъ, какъ персидскій. Общая политическая конъюнктура въ Персіи, гдѣ миролюбивое разграниченіе русско-англійскихъ интересовъ достигалось, въ сущности говоря, лишь цѣною отказа Россіи отъ выхода къ теплымъ морямъ, открывала обширное поле для всевозможныхъ интригъ и дипломатическихъ козней. Фактическое положеніе дѣлать пятнадцать тому назадъ было таково, что у Германіи въ Персіи не было абсолютно никакихъ матеріальныхъ интересовъ. Отдѣльныя рѣдкія партіи нѣмецкихъ товаровъ проникали на персидскій рынокъ исключительно черезъ Трапезундъ и горныя тропы Арменіи.

Но въ 1903 году произошло обстоятельство, само по себѣ мало значительное, но сыгравшее важную роль въ дѣлѣ проникновенія Германіи на персидскій рынокъ. Въ этомъ году Персія примкнула къ Бернской всемірной почтовой конвенціи, и съ этого момента явилась возможность отправлять товары въ Персію почтовыми посылками, черезъ Закавказье, до извѣстной степени обходя такимъ образомъ запретъ транзита. Германія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ воспользовалась этимъ путемъ. Въ 1911 году въ Персію было ввезено 308.533 посылки, на общую сумму въ 34 милл. франковъ, причемъ, въ виду явной невыгодности этого способа отправки для Россіи и Англій, подавляющая часть отправокъ естественно должна быть отнесена на долю Германіи, а также и ея союзницы Австріи. (Въ извѣстныхъ размѣрахъ пользовались этимъ путемъ еще произведенія французской и бельгійской промышленности). Въ плотной аккуратной упаковкѣ почтовыхъ посылокъ нѣмецкія бумажныя, полуселковья и шерстяныя ткани въ весьма значительныхъ количествахъ проникали въ Персію и съ каждымъ годомъ все успѣшнѣе конкурировали тамъ съ русскими издѣліями. Въ 12-фунтовой посылкѣ могло умѣститься 90 аршинъ ситцу, дюжина ножей и вилокъ и т. д. Размѣръ посылки до 1 метра въ длину, при 4 вершкахъ въ ширину и высоту, позволялъ пересылать какой угодно товаръ, бумажныя вещи и игрушки, готовое бѣлье и платье, химическіе продукты и лекарства и даже оружіе. Извѣстно, что браунинги и маузеры, которыми были вооружены персидскіе революціонеры въ годы революціи, получались, главнымъ образомъ, въ почтовыхъ посылкахъ изъ Германіи.

Въ Германіи было издано особое руководство для желающихъ вести торговлю съ Персіей—„Handelsratgeber für Persien“, въ кото-

ромъ была сдѣлана сводка всѣхъ данныхъ, могущихъ быть полезными для германско-персидской торговли ¹⁾. Въ этомъ отношеніи нѣмцы сильно опередили насъ, ибо въ нашей литературѣ не имѣется ничего подобнаго этому труду. Въ то же время Германіей были установлены рейсы Гамбургъ-Американской линіи въ Персидскій заливъ, что открывало возможность для проникновенія нѣмецкихъ товаровъ въ сферу англійскаго вліянія на югѣ Персіи.

Но въ сущности говоря, все это были лишь палліативы. Германія, конечно, не могла довольствоваться тѣми, все-же скромными, размѣрами своего ввоза въ Персію, которые установились до войны и опредѣлялись, примѣрно, въ 5 милл. руб. ежегодно. Потсдамское соглашеніе 1910 года дало въ руки Германіи новое, гораздо болѣе сильное, оружіе для распространенія своего экономическаго вліянія. Въ Потсдамскомъ договорѣ Россія дала свое согласіе на соединеніе Багдадской магистрали съ сѣверо-западными провинціями Персіи вѣтвью Багдадъ-Ханекенъ-Тегеранъ. По пункту 2-му соглашенія, Россія должна была начать работы по постройкѣ линіи Ханекенъ-Тегеранъ не позже двухъ лѣтъ послѣ того, какъ будетъ закончена часть Багдадской дороги отъ Садидже до Ханекена; если бы въ назначенный срокъ Россія къ постройкѣ не приступила, то вся линія до Тегерана должна была быть построена нѣмцами. При этомъ предусмотрительно была исключена всякая возможность закрытія или воспрепятствованія транзита для иностранныхъ товаровъ. Дорога отъ Багдада до Тегерана, длиною приблизительно въ 800 верстъ, должна была сократить время доставки товаровъ до 6-7 дней, т. е. почти въ 10 разъ, а стоимость провоза одного пуда товара съ 4½ руб. падала до 90 коп.—1 руб.; въ общемъ же доставка иностраннаго товара отъ Персидскаго залива черезъ Мохаммеру-Багдадъ въ Тегеранъ стоила бы дешевле, чѣмъ отъ любого желѣзнодорожнаго пункта русско-персидской границы. Такимъ образомъ, съ открытіемъ желѣзнодорожнаго транзита черезъ турецкія владѣнія въ Месопотаміи, запретъ транзита черезъ Закавказье утрачивалъ почти все свое значеніе.

Отмѣна транзита маловѣсныхъ посылокъ была невозможна, такъ какъ Россія, подобно всѣмъ культурнымъ государствамъ, входила въ всемірный почтовый союзъ. Потсдамское соглашеніе было заключено по придворно-дипломатическимъ соображеніямъ, и спорить съ его авторами было безцѣльно. Единственное, что оставалось, это—заботы объ улучшеніи нашихъ путей сообщенія въ Персіи, о постройкѣ новыхъ же-

¹⁾ Н. Н. Шавровъ. Внѣшняя торговля Персіи и участіе въ ней Россіи. Изд. Росс. Эксп. Пал. 1913 г.

лѣзныхъ дорогъ, объ оборудованіи каспійскихъ портовъ и привлеченіи русскаго Учетно-Ссуднаго Банка въ Персіи къ болѣе дѣятельному обслуживанію интересовъ русскихъ торговцевъ. Къ осуществленію этихъ мѣропріятій и были направлены усилія нашихъ коммерсантовъ и вѣдомствъ, поддерживающихъ ихъ интересы.

Съ началомъ военныхъ дѣйствій наше положеніе рѣзко измѣнилось къ лучшему.

Всякая возможность дальнѣйшаго проникновенія нѣмцевъ въ Персію была устранена. Транзитъ маловѣсныхъ посылокъ прекратился за приостановкой почтовыхъ сношеній съ Германіей. Стратегическія задачи нашего турецкаго фронта способствовали ускоренію окончанія постройки намѣченной ранѣе первой желѣзной дороги въ Персіи — отъ Джульфы къ Тавризу, съ вѣткой къ Урмійскому озеру, — дороги, имѣющей большое экономическое значеніе, какъ соединяющей богатѣйшую въ Персіи Азербейджанскую провинцію съ сѣтью закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Русскимъ предпринимателямъ удалось получить рядъ крупныхъ концессій на разработку богатыхъ нефтяныхъ и рудныхъ мѣсторожденій въ прикаспійскихъ провинціяхъ Персіи. Германскіе агенты всѣхъ специальностей и ранговъ, вмѣстѣ съ сочувствующими имъ туземными элементами, на время окончательно сошли со сцены ¹⁾. Наконецъ, что представляется особенно важнымъ, Потсдамскій договоръ утратилъ свою обязательную силу, и съ переходомъ Багдада въ руки англичанъ у нѣмцевъ и фактически исчезла надежда на использование транзитнаго пути черезъ южную Месопотамію въ своихъ интересахъ. Для будущности русскаго дѣла въ Персіи открывались самыя блестящія надежды.

Брестъ-Литовскій договоръ однимъ росчеркомъ пера уничтожилъ всѣ эти перспективы. Англо-русская конвенція 1907 года аннулирована ст. 8-й русско-турецкаго дополнительнаго договора, которымъ категорически оговаривается уничтоженіе „всякихъ международныхъ актовъ, имѣющихъ цѣлью установить въ Персіи зоны вліянія и исключительные интересы“.

По Брестъ-Литовскому договору, Россія лишается права сохранить спеціальныя льготныя тарифы, установленныя для азіатской торговли, или должна ихъ немедленно распространить и на европейскую часть своей границы, т. е. на торговлю съ Германіей (согласно ст. 3 экономическаго соглашенія, „ни одна изъ сторонъ не установитъ въ ущербъ противной сторонѣ на одной изъ границъ своей терри-

¹⁾ А. Косьминскій. Цит. статья въ „Извѣстіяхъ по внѣшней торговлѣ“.

торіи болѣе высокія ввозныя или вывозныя пошлины, чѣмъ на какой-либо другой“). Въ соотвѣтствіи съ этимъ, всѣ столь выгодныя для насъ ставки тарифа Б. деклараціи 1901 г. подлежатъ отмѣнѣ, и между Персіей и Россіей воздвигается таможенный барьеръ, который затруднитъ дѣятельность нашихъ импортеровъ и дастъ нѣмцамъ возможность успѣшно конкурировать съ нами въ дѣлѣ закупки столь нужныхъ имъ хлопка, шерсти и кожи.

Далѣе, по статьѣ пятой русско-германскаго торговаго договора (приб. А къ прилож. 2 Брестскаго трактата) договаривающіяся стороны берутъ на себя обязательство „не стѣснять взаимныя сношенія никакими запрещеніями провоза и разрѣшать свободную перевозку“ (транзитъ). Слова „за исключеніемъ направленій, кои для транзита закрыты или будутъ закрыты“, имѣвшіяся въ соотвѣтствующей статьѣ прежняго русско-германскаго договора, въ Брестъ-Литовскій трактатъ предусмотрительно не включены, и Германія отнынѣ получаетъ право свободно направлять свои товары черезъ Закавказье.

Отмѣна запрещенія транзита черезъ Закавказье крайне тяжело ударитъ по интересамъ русской промышленности и тѣмъ самымъ по карману русскаго рабочаго. Представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что Германія установитъ въ „самоопредѣлившемся“ Батумѣ режимъ порто-франко, который тамъ дѣйствовалъ съ 1878 по 1886 г. Батумъ явится складочнымъ мѣстомъ для произведеній „Срединной Европы“, которыя будутъ доставляться туда по дешевому водному пути вдоль Дуная и Чернаго моря, а затѣмъ направляться далѣе по Закавказскимъ дорогамъ въ сѣверную Персію. Джульфа—Тавризская желѣзная дорога будетъ поставлена на службу Германіи. Наша полу-разоренная промышленность теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, сможетъ конкурировать на открытомъ рынкѣ съ нѣмецкой, и нашъ торговый балансъ потерпитъ въ своемъ активѣ убыль, исчисляемую десятками милліоновъ. Въ то же время Германія получитъ дешево скупать въ Персіи столь нужное ей сырье, что существенно облегчитъ достиженіе ея независимости отъ вражеской коалиціи.

Отказавшись отъ всѣхъ принадлежащихъ намъ политическихъ и экономическихъ правъ въ отношеніи Персіи и персидскаго рынка, мы, въ сущности говоря, лишь уступаемъ ихъ Германіи, персамъ же никакого благодѣянія не оказываемъ. Конкуренція между Россіей и Англійей будетъ замѣнена конкуренціей между Англійей и Германіей. Наша конкуренція съ Англійей завершилась уже мирнымъ соглашеніемъ. Теперь Персія станетъ ареной несравненно болѣе ожесточенной экономической борьбы.

К. Гринвальдъ.

ХРОНИКА.

Политическое обозрѣніе.

Политическіе документы ¹⁾.

№ 1. Мирный договоръ между Четвернымъ Союзомъ и Украинскою Народною Республикою, заключенный 22 (9) февраля 1918 года въ Брестъ-Литовскѣ.

Ст. I.

Германія, Австро-Венгрія, Болгарія и Турція, съ одной стороны, и Украинская Народная Республика, съ другой стороны, заявляютъ о прекращеніи между ними состоянія войны. Договаривающіяся стороны рѣшили впредь жить другъ съ другомъ въ мирѣ и дружбѣ.

¹⁾ Редакція считаетъ цѣлесообразнымъ и отвѣчающимъ интересамъ читателей „Международной Политики и Мірового Хозяйства“ замѣнить политическую хронику собраніемъ дипломатическихъ документовъ. Эти документы, появляясь въ ежедневной печати, теряются среди массы свѣдѣній, даваемыхъ газетами, и пользованіе ими впослѣдствіи дѣлается крайне затруднительнымъ. Съ другой стороны, рядъ документовъ воспроизводится съ сокращеніемъ и въ крайне неисправномъ видѣ, такъ что послѣдующая проверка оказывается совершенно необходимой.

Выполненіе поставленной задачи при существующихъ условіяхъ—отрѣзанности отъ заграничнаго міра и малограмотности официальныхъ изданій—сопряжено съ большими трудностями. Для преодоленія ихъ будутъ приложены все старанія, но мы заранѣе вынуждены мириться съ неточностями и невольными ошибками.

Все даты указаны по новому стилю.

Ст. II.

1) Между Австро-Венгерією, съ одной стороны, и Украинскою Народною Республикою, съ другой, поскольку объ эти державы будутъ имѣть общую границу, послѣдняя будетъ установлена та же самая, которая до возникновенія настоящей войны была между Австро-Венгерскою монархією и Россією.

2) *Границы съ Польшою.* Далѣе на сѣверъ граница Украинской Народной Республики, начиная отъ Тарногорода, пойдетъ въ общемъ по линіи Бѣлгорай—Шажебринь — Красноставъ — Пугачевъ — Радинь — Межирѣчье—Сарнаки—Мельникъ — Высоко - Литовскъ — Каменецъ - Литовскъ — Пружаны — Видошовское. Въ подробностяхъ означенная граница будетъ установлена смѣшанною комиссією, согласно съ этнографическими условіями и принимая во вниманіе пожеланія подлежащаго населенія.

3) На случай, если бы Украинская Народная Республика должна была имѣть общую границу еще съ какой либо другою изъ державъ четвернаго союза, то относительно сего предусматривается заключеніе особыхъ соглашеній.

Ст. III.

Очищеніе занятыхъ областей должно начаться немедленно послѣ ратификаціи настоящаго мирнаго договора.

Способъ осуществленія означеннаго очищенія и передача очищенныхъ областей будутъ опредѣлены уполномоченными заинтересованныхъ сторонъ.

Ст. IV.

Дипломатическія и консульскія отношенія между договаривающимися сторонами устанавливаются немедленно послѣ ратификаціи мирнаго договора.

Относительно возможнаго широкаго допущенія консуловъ обѣихъ сторонъ будутъ заключены особыя соглашенія.

Ст. V.

Договаривающіяся стороны взаимно отказываются отъ возмѣщенія своихъ военныхъ расходовъ, т. е. государственныхъ ассигнованій какъ на веденіе самой войны, такъ и на возмѣщеніе военныхъ убытковъ, которые были причинены имъ и ихъ подданнымъ въ районахъ военныхъ дѣйствій мѣропріятіями военнаго характера, включая сюда всѣ реквизиціи, произведенныя во враждебной странѣ.

Ст. VI.

Военноплѣнные обѣихъ сторонъ будутъ отпущены на родину, поскольку они, съ согласія страны, въ которой они имѣютъ свое пребываніе, не пожелали бы остаться въ ея предѣлахъ или переѣхать въ другую страну. Разрѣшеніе связанныхъ съ этимъ вопросовъ будетъ произведено предусмотрѣнными въ ст. VIII отдѣльными договорами.

Ст. VII.

Относительно экономическихъ отношеній между договаривающимися сторонами обусловлено нижеслѣдующее:

I. Договаривающіяся стороны взаимно обязуются незамедлительно завязать экономическія отношенія и установить товарообмѣнъ на основаніи слѣдующихъ постановленій:

до 31 іюля текущаго года долженъ быть осуществленъ взаимный обмѣнъ излишками главнѣйшихъ сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ произведеній для покрытія текущихъ потребностей, на основаніи слѣдующихъ постановленій:

а) количества и родъ продуктовъ, обмѣнъ коими предусмотрѣнъ въ предыдущемъ абзацѣ, устанавливаются у каждой стороны особою комиссіею, состоящей изъ равнаго числа представителей отъ обѣихъ сторонъ и имѣющей собраться тотчасъ по подписаніи мирнаго договора;

б) цѣны указанныхъ произведеній при упомянутомъ товарообмѣнѣ устанавливаются на основаніи обоюднаго соглашения особою комиссіею, состоящей изъ равнаго числа представителей отъ обѣихъ сторонъ;

в) расчетъ производится на золото на слѣдующемъ базисѣ: 1.000 германскихъ имперскихъ марокъ=462 карбованцамъ въ золотѣ Украинской Народной Республики=462 золотымъ рублямъ прежней русской Имперіи (1 рубль=1/15 имперіала) или 1.000 золотыхъ австрійскихъ и венгерскихъ кронъ=393 золотымъ карбованцамъ 78 грошамъ Украинской Народной Республики=393 рублямъ и 78 копѣйкамъ золотомъ прежней русской Имперіи (1 руб.=1/15 имперіала);

г) обмѣнъ товарами, которые устанавливаются предусматриваемой въ абзацѣ „а“ комиссіею, осуществляется правительственными и центральными учреждениями или находящимся подъ контролемъ правительства центральными органами.

Обмѣнъ произведеніями, которыя не устанавливаются вышепредусмотрѣнными комиссіями, осуществляется путемъ свободныхъ сношеній, сообразуясь съ постановленіями временнаго торговаго договора, который предусмотрѣнъ въ слѣдующемъ пунктѣ II.

II. Поскольку пунктомъ I не предусмотрѣно иначе, въ основу экономическихъ взаимоотношеній между договаривающимися сторонами должны быть положены, временно до заключенія окончательнаго торговаго договора, но во всякомъ случаѣ до истеченія, по крайней мѣрѣ, шести мѣсяцевъ послѣ заключенія мира между Германіею, Австро-Венгріею, Болгаріею и Турціею, съ одной стороны, и нынѣ находящимися съ ними въ войнѣ европейскими странами, Соед. Штатами Америки и Японіею, съ другой стороны, нижеслѣдующія постановленія:

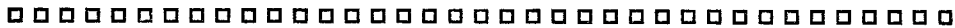
А) для экономическихъ взаимоотношеній между Германскою Имперіею и Украинскою Народною Республикою тѣ соглашения, которыя установлены въ нижеслѣдующихъ постановленіяхъ германо-русскаго договора о торговлѣ и судоходствѣ отъ 1894/1904, а именно: статьи 1—6, 7, включая тарифы А и В, 8—10, 12, 13—19; далѣе изъ постановленій заключительнаго протокола, часть первая: по статьѣ 1 абз. 1 и 3; по статьѣ 1 и 2, абз. 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9; по статьѣ 3, по статьѣ 5 абз. 1 и 2, по статьямъ 5, 6, 7, 9 и 10, по статьямъ 6, 7 и 11, по статьямъ 6—9, по статьямъ 6 и 7, по статьѣ 12 абз. 1, 2, 3, 5; далѣе часть четвертая заключительнаго протокола: параграфы 3, 6, 7, 12, 12 б, 13, 14, 15, 16, 17, 18 (съ оговоркою относительно соотвѣтствующаго измѣненія организациі подлежащихъ правительственныхъ учреждений), 19, 20, 21 и 23.

При этомъ установлено соглашеніе относительно слѣдующихъ пунктовъ:

1) Остаются въ силѣ общій русскій таможенный тарифъ отъ 13/26 января 1903 года.

2) Статья 5 получаетъ слѣдующее изложеніе:

Договаривающіяся стороны обязуются не стѣснять взаимныхъ сношеній никакими запрещеніями ввоза, вывоза или транзита разрѣшать свободный и

транзитъ. Исключенія допускаются только для такихъ произведеній, которыя на территоріи одной изъ договаривающихся сторонъ являются или будутъ являться предметомъ государственной монополіи, равно какъ и для извѣстныхъ произведеній, по отношенію къ которымъ могутъ быть изданы исключительныя запретительныя правила изъ соображеній здоровья, ветеринарнаго надзора и общественной безопасности или же въ слѣдствіе другихъ весьма важнѣйшихъ политическихъ и экономическихъ основаній, въ особенности въ связи съ послѣвоеннымъ переходнымъ временемъ.

3) Ни одна изъ сторонъ не заявитъ претензіи на льготы, которыя предоставлены или будутъ предоставлены другою стороною какому либо иному государству на основаніи существующаго уже или будущаго таможеннаго объединенія, какъ напр. существующаго между Германскою Имперіею и Великимъ Герцогствомъ Люксембургомъ или же въ мѣстныхъ пограничныхъ сношеніяхъ въ пограничномъ районѣ шириною до 15 километровъ.

4) Статья 10 получаетъ слѣдующее изложеніе:

Товары всякаго рода, проходящіе транзитомъ черезъ территорію одной изъ двухъ сторонъ, должны взаимно освобождаться отъ всякаго транзитнаго сбора, безразлично, провозятся ли они сразу или во время перевозки выгружаются, хранятся на складѣ и затѣмъ снова погружаются.

5) Ст. 12-а замѣняется слѣдующимъ постановленіемъ:

а) относительно взаимной охраны авторскаго права на произведенія литературы, искусства и фотографіи въ отношеніяхъ между Германіею и Украинскою Народною Республикою примѣняются постановленія договора, заключеннаго между Германскою Имперіею и Россіею 28 февраля 1913 года;

б) относительно взаимной охраны товарныхъ знаковъ надлежитъ также и въ будущемъ руководствоваться постановленіями деклараціи отъ 23—11 июля 1873 года.

6) Постановленіе заключительнаго протокола по ст. 19 получаетъ слѣдующее изложеніе:

договаривающіяся стороны окажутъ другъ другу возможное содѣйствіе въ отношеніи желѣзнодорожныхъ тарифовъ, въ особенности же путемъ установленія тарифовъ прямого сообщенія. Для сей цѣли обѣ договаривающіяся стороны изъявляютъ готовность въ возможно непродолжительномъ времени вступить другъ съ другомъ въ переговоры.

7) § 5 части 4-й заключительнаго протокола получаетъ слѣдующее изложеніе:

установлено обоюдное соглашеніе относительно того, что таможенныя учрежденія обѣихъ сторонъ будутъ открыты во всѣ дни года, за исключеніемъ воскресныхъ и закономъ установленныхъ праздничныхъ дней.

Б) Для экономическихъ сношеній между Австро-Венгеріею и Украинскою Народною Республикою—тѣ соглашенія, которыя установлены въ нижеслѣдующихъ постановленіяхъ Австро-Венгерско-Русскаго договора о торговлѣ и судоходствѣ отъ 15 февраля 1906 года, а именно:

Статьи 1, 2, 5, включая тарифы А и Б, статьи 6, 7, 9—13, статья 14 абз. 2 и 3, статьи 15 до 24, далѣе постановленія заключительнаго протокола по ст. 1 и 12 абзацы 1, 2, 4, 5 и 6; по статьѣ 2, по статьямъ 2, 3 и 5, по статьямъ 2 и 5, по статьямъ 2, 4, 5, 7 и 8, по статьямъ 2, 5, 6 и 7, по статьѣ 17, а также по ст. 22 абз. 1 и 3.

При этомъ установлено соглашеніе относительно слѣдующихъ пунктовъ:

1) Остается въ силѣ общій русскій таможенный тарифъ отъ 13/26 января 1903 года.

2) Статья 4 получаетъ слѣдующее изложеніе:

Договаривающіяся стороны обязуются не стѣснять взаимныхъ сношеній никакими запрещеніями ввоза, вывоза или транзита. Исключенія изъ сего могутъ имѣть мѣсто лишь: а) для табака, соли, пороха для стрѣльбы и другихъ взрывчатыхъ веществъ, а также другихъ предметовъ, которые въ данное время являются во владѣніяхъ одной изъ договаривающихся сторонъ государственною монополіею; б) въ связи съ военными потребностями при исключительныхъ обстоятельствахъ; в) вслѣдствіе соображеній общественной безопасности, здоровья и ветеринарнаго надзора; г) въ отношеніи извѣстныхъ произведеній, для коихъ могутъ быть изданы исключительныя запретительныя правила вслѣдствіе другихъ весьма вѣскихъ политическихъ или экономическихъ основаній, въ особенности въ связи съ послѣвоеннымъ переходнымъ временемъ.

3) Ни одна изъ сторонъ не заявить претензій на льготы, которыя предоставлены или будутъ предоставлены другою стороною какому либо иному государству на основаніи уже существующаго или же будущаго таможеннаго союза, какъ напр. существующаго между Австро-Венгеріею и Княжествомъ Лихтенштейнъ, или же въ мѣстныхъ пограничныхъ сношеніяхъ въ пограничномъ районѣ шириною до 15 километровъ.

4) Статья 8 получаетъ слѣдующее изложеніе:

товары всякаго рода, проходящіе транзитомъ черезъ территорію одной изъ обѣихъ сторонъ, должны взаимно освобождаться отъ всякаго транзитнаго сбора, безразлично, провозятся ли они сразу или во время перевозки выгружаются, хранятся на складѣ и затѣмъ снова погружаются.

5) Постановленіе заключительнаго протокола по ст. 21 получаетъ слѣдующее изложеніе:

Договаривающіяся стороны окажутъ другъ другу возможное содѣйствіе въ отношеніи желѣзнодорожныхъ тарифовъ, въ особенности же путемъ установленія тарифовъ прямого сообщенія. Для сей цѣли обѣ договаривающіяся стороны изъявляютъ готовность въ возможно непродолжительномъ времени вступить другъ съ другомъ въ переговоры.

В) Что касается экономическихъ сношеній между Болгаріею и Украинскою Народною Республикою, то означенныя отношенія, впредь до заключенія окончательнаго торговаго договора, устанавливаются на основаніи права наиболѣе благоприятствуемой страны. Ни одна изъ сторонъ не заявить претензій на льготы, которыя предоставлены или же будутъ предоставлены другою стороною какому-либо иному государству на основаніи существующаго уже или будущаго таможеннаго союза или въ мѣстныхъ пограничныхъ сношеніяхъ въ пограничномъ районѣ шириною до 15 километровъ.

Г) Что касается экономическихъ сношеній между Оттоманскою Имперіею и Украинскою Народною Республикою, то обѣ стороны будутъ взаимно предоставлять другъ другу, до заключенія новаго торговаго договора, тотъ же режимъ, который онѣ примѣняютъ по отношенію къ наиболѣе благоприятствуемой странѣ. Ни одна изъ сторонъ не заявить претензій на льготы, которыя другая сторона предоставляетъ или будетъ предоставлять какой-либо державѣ на основаніи уже существующаго или будущаго таможеннаго союза или же въ мѣстныхъ пограничныхъ сношеніяхъ.

III. Срокъ дѣйствія временныхъ постановленій, предусмотрѣнныхъ въ пунктѣ II настоящаго договора для экономическихъ сношеній между Германією, Австро-Венгрією, Болгарією и Оттоманскою Имперією, съ одной стороны, и Украинскою Народною Республикою, съ другой стороны, можетъ быть продленъ съ обоюднато согласія сторонъ. Въ случаѣ, если предусмотрѣнные въ абзацѣ первомъ пункта II срока не наступятъ ранѣе 3С іюня 1919 г., то каждой изъ договаривающихся сторонъ предоставляется, начиная съ 30 іюня 1919 г., съ предвареніемъ за шесть мѣсяцевъ, денонсировать содержащіяся въ упомянутомъ пунктѣ постановленія.

IV. а) Украинская Народная Республика не заявитъ никакихъ претензій на льготы, которыя Германія предоставитъ Австро-Венгріи или другой связанной съ нею таможеннымъ союзомъ странъ, которая граничитъ съ Германією или непосредственно, или же черезъ какую-либо другую страну, соединенную съ нею или съ Австро-Венгрією таможеннымъ союзомъ, или же которыя предоставляются Германією какъ своимъ собственнымъ колоніямъ, внѣшнимъ владѣніямъ и землямъ, находящимся подъ покровительствомъ, такъ и тѣмъ странамъ, которыя находятся съ нею въ таможенномъ союзѣ.

Германія не заявитъ никакой претензій на льготы, которыя предоставляются Украинскою Народною Республикою какой-либо другой связанной съ нею таможеннымъ союзомъ странъ, которая граничитъ съ Украинскою непосредственно или же черезъ посредство какой-либо иной связанной съ нею таможеннымъ союзомъ страны, или же колоніямъ, внѣшнимъ владѣніямъ или находящимся подъ покровительствомъ землямъ какой-либо находящейся съ нею въ таможенномъ союзѣ страны.

б) Въ экономическихъ сношеніяхъ между входящей въ таможенное объединеніе территорію обоихъ государствъ Австро-Венгерскій Монархіи, съ одной стороны, и Украинскою Народною Республикою, съ другой стороны, Украинская Народная Республика не заявитъ никакой претензій на льготы, которыя предоставляются Австро-Венгрією Германіи или другой соединенной съ нею таможеннымъ союзомъ странъ, которая граничитъ съ Австро-Венгрією непосредственно или же черезъ посредство какой-либо соединенной съ нею или же съ Германією таможеннымъ союзомъ страны. Колоніи, внѣшнія владѣнія и состоящія подъ покровительствомъ земли приравняются въ указанномъ отношеніи къ метрополи. Австро-Венгрія не заявитъ никакой претензій на льготы, которыя предоставлены Украинскою Народною Республикою какой-либо другой состоящей съ ней въ таможенномъ союзѣ странъ, которая граничитъ съ Украинскою непосредственно или же посредствомъ какой-либо иной состоящей съ нею въ таможенномъ союзѣ страны, или же колоніямъ, внѣшнимъ владѣніямъ и состоящимъ подъ покровительствомъ землямъ какой-либо состоящей съ нею въ таможенномъ союзѣ страны.

V. а) Поскольку въ нейтральныхъ государствахъ находятся товары германскаго или украинскаго происхожденія, на которые наложено обязательство въ томъ, что они не должны быть вывезены непосредственно или черезъ чье-либо посредство во владѣнія другой договаривающейся стороны, подобныя ограниченія въ распоряженіи ими должны быть отмѣнены по отношенію къ договаривающимся сторонамъ. Въ виду сего объ договаривающіяся стороны обязуются безотлагательно оповѣстить правительства нейтральныхъ государствъ относительно вышеуказанной отмѣны означенныхъ ограниченій.

б) Поскольку въ нейтральныхъ странахъ находятся товары австро-венгерскаго или украинскаго происхожденія и т. д. какъ въ пунктѣ а.

Ст. VIII.

Возстановленіе публично—и частно-правовыхъ отношеній, обмѣнъ военноплѣнными и гражданскими плѣнными, вопросъ объ амнистіи, а также вопросъ объ отношеніи къ торговымъ судамъ, попавшимъ во власть непріятели, составляютъ предметъ отдѣльныхъ договоровъ съ Украинскою Народною Республикою, которые составляютъ существенную часть настоящаго мирнаго договора и въ мѣрѣ возможности вступаютъ въ силу одновременно съ таковымъ.

Ст. IX.

Установленныя въ настоящемъ мирномъ договорѣ соглашенія составляютъ одно нераздѣльное цѣлое.

Ст. X.

При толкованіи настоящаго договора признаются руководящими для сношеній между Германіею и Україною—нѣмецкій и украинскій текстъ, для сношеній между Австро-Венгріею и Україною—нѣмецкій, венгерскій и украинскій текстъ, для сношеній между Болгаріею и Україною—болгарскій и украинскій текстъ и для сношеній между Турціею и Україною—турецкій и украинскій текстъ.

Заключительное постановленіе.

Настоящій мирный договоръ подлежитъ ратификаціи. Обмѣнъ ратификационными грамотами долженъ быть произведенъ въ Вѣнѣ въ возможно непродолжительномъ времени.

Мирный договоръ вступаетъ въ дѣйствіе, поскольку въ немъ не постановлено иначе, съ момента ратификаціи.

Въ удостовѣреніе сего настоящій договоръ подписали уполномоченныя стороны съ приложеніемъ своихъ печатей.

Изготовленъ въ пяти подлинныхъ экземплярахъ въ Брестъ-Литовскѣ 9 февраля 1918 г.

№ 2. Дополнительный протоколъ между Четвернымъ Союзомъ и Україною относительно украинско-польской границы, подписанный въ Брестѣ 4 марта 1918 г.

Для устраненія недоразумѣній по поводу пункта 2-го ст. 2-й § 9 устанавливается, что смѣшанная коммиссія, предусмотрѣнная въ этомъ пунктѣ, при опредѣленіи границы не обязана проводить ее черезъ Бѣлгорай—Красноставъ—Пугачевъ—Радинь—Межирѣчье—Сарнаки, но имѣть право провести границу также восточнѣе этой линіи на основаніи статьи 2-й договора, имѣющей въ виду этнографическія обстоятельства и желанія населенія. Указанная смѣшанная коммиссія будетъ составлена изъ представителей договаривающихся сторонъ и представителей Польши въ равномъ числѣ. Договаривающіяся стороны установятъ срокъ созыва этой коммиссіи.

№ 3. Декларация конференціи Державъ Согласія въ Лондонѣ 19 марта 1918 г. о Брестскомъ мирѣ.

Въ осужденіе пагубныхъ послѣдствій политики большевистскаго правительства, державы согласія заявляютъ, что онѣ не признаютъ брестъ-литовскаго мира, а также и тѣхъ письменныхъ актовъ, которыми утверждается разграбленіе Польши и Румыніи и водворяется въ нихъ режимъ порабощенныхъ странъ. Установивъ полное соглашеніе между собою по военнымъ вопросамъ, державы согласія сочли своимъ настоятельнымъ долгомъ официально констатировать, что германскимъ миромъ учиняется неслыханное въ исторіи насиліе надъ народомъ Россіи. Германія, которая въ продолженіи четырехъ лѣтъ ведетъ борьбу противъ независимости націй и общечеловѣческаго права, воспользовалась заключеніемъ мира съ Россіей и неспособностью ея военныхъ силъ оказывать сопротивленіе, чтобы проявить въ полной мѣрѣ свои наглые захватническія стремленія: до истеченія положеннаго срока и вопреки принятымъ обязательствамъ, германцы направили на восточный фронтъ значительные военные отряды. Никогда еще завоевательныя дѣйствія Германіи не нарушали такъ явно всякую національную независимость, никогда еще они не были столь непомерно враждебны къ тѣмъ человѣческимъ правамъ, которыя составляютъ принадлежность цивилизованныхъ націй. Польшѣ, которая сумѣла отстоять свою національную жизнь среди самыхъ трагическихъ европейскихъ событій, сейчасъ угрожаетъ четвертый раздѣлъ: путемъ обычныхъ обмановъ ей готовятъ, вмѣсто обѣщанной свободы, новое подавленіе послѣднихъ плодовъ ея самодѣятельности; для Румыніи также насталъ чередъ испытать на себѣ политику безпощаднаго гнета, которая причинила столько бѣдствій народамъ востока, и все еще совершается подъ видомъ мира, обманчиваго мира, скрывающаго подъ статическими формами реальную перспективу войны. Высшій законъ которой—необузданная и грубая сила. Такого мирнаго договора мы не признаемъ и не можемъ признавать, ибо поставили своей задачей покончить разъ и навсегда съ грабительскою политикой и водворить на ея мѣсто прочный миръ и порядокъ, основанный на правѣ. По мѣрѣ развитія событій, связанныхъ съ войной, становится все болѣе и болѣе яснымъ, что судьбы всѣхъ націй тѣсно связаны между собой. Мы должны добиваться справедливости по отношенію ко всѣмъ и стремиться къ тому, чтобы право одержало верхъ надъ насиліемъ. Наши граждане на фронтѣ и въ тылу достаточно провѣрили себя, чтобы націи, судьбы которыхъ рѣшаются на послѣднихъ поляхъ сраженій, могли спокойно поручить имъ довершеніе дѣла торжества цивилизаціи.

Дипломатическая переписка въ связи съ выполненіемъ Брестскаго договора.

№ 4. Обмѣнъ телеграммъ между Германскимъ и Совѣтскимъ Правительствами по поводу призыва Американскаго Посла въ Россіи продолжать борьбу съ Германіей и дѣйствій германскихъ войскъ на Украинѣ.

По поводу заявленій американскаго посла объ его отношеніи къ русско-германскому миру, германское правительство послало русскому правительству

радіотелеграмму 23 (?) марта 1918 г., которая заканчивается так: „Германія ожидаетъ, что русское правительство дастъ соответствующій отвѣтъ на публичное требованіе возобновить войну противъ Германіи, такой отвѣтъ, который соответствовалъ бы мирному договору, заключенному съ центральными державами“.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму послана комиссаріатомъ иностранныхъ дѣлъ радіотелеграмма (26 марта 1918 г.) германскому министру иностранныхъ дѣлъ, въ которой говорится, что миръ съ Германіей былъ заключенъ по волѣ всего русскаго народа. Далѣе радіотелеграмма говоритъ, что трудящіяся, на которыхъ съ наибольшей тяжестью обрушиваются бѣдствія и лишения войны и которые испытываютъ ея трагическіе результаты несомнѣнно острѣ другихъ классовъ общества, съ полнымъ сознаніемъ значенія совершаемаго ими акта приняли рѣшеніе о прекращеніи войны.

Народный комиссаріатъ по иностраннымъ дѣламъ полагаетъ, что напоминаніе объ этомъ фактѣ послужитъ вполне удовлетворительнымъ отвѣтомъ германскому министерству иностранныхъ дѣлъ.

Народный комиссаріатъ, съ своей стороны, не можетъ не указать, что продолжающееся наступленіе германскихъ войскъ на югѣ Россіи, наступленіе, перешедшее за границы чисто украинской территоріи, не можетъ быть согласуемо съ принятымъ договоромъ. „Мы повторяемъ свое предложеніе германскому правительству высказаться опредѣленно по вопросу о томъ, какія именно границы ставить это правительство Украинской республикѣ“.

№ 5. Телеграмма Комиссаріата по иностраннымъ дѣламъ Австро-Венгерскому Министру иностранныхъ дѣлъ 28 (?) Марта 1918 г. по поводу ареста большевистскихъ комиссаровъ въ Одессѣ.

Австро-венгерскій комендантъ г. Одессы отправилъ въ Севастополь сообщеніе, что имъ арестованы большевистскіе комиссары, какъ заложники взаимнѣ арестованныхъ румынъ, увезенныхъ изъ Одессы. Народный комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ обращаетъ вниманіе австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что дѣйствія австро-венгерскаго коменданта Одессы являются ничѣмъ неоправдываемымъ вмѣшательствомъ въ русско-румынскія отношенія.

При этомъ народный комиссаріатъ считаетъ нужнымъ добавить, что относительно румынъ, арестованныхъ въ Одессѣ во время русско-румынскаго конфликта, какъ и относительно русскихъ, арестованныхъ въ Румыніи по распоряженію яскаго правительства, имѣется въ русско-румынскомъ договорѣ отъ 9 марта статья, предусматривающая ихъ обмѣнъ, которому, однако, временно помѣшало занятіе Одессы военными силами центральныхъ державъ. Въ настоящее время арестованные румыны находятся на свободѣ въ Севастополѣ, въ ожиданіи возможности обмѣна ихъ на арестованныхъ русскихъ въ Румыніи. Народный комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ обращаетъ вниманіе австро-венгерскаго министра иностр. дѣлъ и настаиваетъ на немедленномъ освобожденіи арестованныхъ русскихъ. Подп. *Чичеринъ. Караганъ*“.

Содержаніе акта, на который ссылается эта телеграмма, сводится къ слѣдующему:

1) Румынія обязывается очистить Бессарабію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Всѣ очищенныя румынскими войсками мѣстности занимаются сейчасъ же русскими войсками. Послѣ двухъ мѣсяцевъ въ Бессарабіи остается румынскій отрядъ изъ 10.000 человекъ для охраны румынскихъ складовъ и желѣзнодорожныхъ линій.

2) Сейчасъ же послѣ подписанія договора, охрана Бессарабіи переходитъ въ руки мѣстной городской и сельской милиціи. Румынское командованіе отказывается отъ права производить аресты и вообще отъ исполненія какихъ бы то ни было судебныхъ и административныхъ функцій, принадлежащихъ исключительно мѣстнымъ выборнымъ властямъ.

3) Арестованные въ Россіи румынскіе подданные обмѣниваются на арестованныхъ въ Румыніи русскихъ революціонеровъ—офицеровъ и солдатъ.

4) Румынія обязуется не предпринимать никакихъ военныхъ непріятельскихъ или другихъ дѣйствій противъ Россійской Совѣтской Республики рабочихъ и крестьянъ и не поддерживать таковыя, предпринимаемыя другими государствами.

5) Россія обязуется предоставить Румыніи излишекъ хлѣба, находящагося въ Бессарабіи.

6) Въ случаѣ вынужденнаго отступленія румынской арміи съ румынской территоріи, она находитъ убѣжище и продовольствіе на русской территоріи.

7) Для улаживанія могущихъ возникнуть между Румыніей и Россійской Совѣтской Республикой рабочихъ и крестьянъ недоразумѣній, образуются Международныя Комиссіи въ Одессѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Петроградѣ, Яссахъ и Галацѣ изъ представителей Россіи, Румыніи, Англии, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ.

Со стороны Россіи соглашеніе подписалъ Раковскій, со стороны Румыніи ген. Авереско.

№ 6. Телеграмма Германскаго Министерства иностранныхъ дѣлъ Совѣтскому Правительству 29 (?) Марта 1918 г. о границахъ Украйны.

„Въ отвѣтъ на радіо отъ 26 марта ¹⁾ Императорское Германское Правительство сообщаетъ, что, во-первыхъ, оно не сомнѣвается въ искреннемъ желаніи мира со стороны русскаго народа. Но заявленіе Американскаго Посла есть совсѣмъ не призывъ къ миру, а призывъ къ войнѣ, противъ чего и возражаетъ Германское Правительство въ своемъ послѣднемъ радіо. Во-вторыхъ, окончательное установленіе русско-украинской границы должно быть опредѣлено русско-украинскимъ мирнымъ договоромъ, къ безотлагательному заключенію котораго Русское Правительство обязалось по трактату съ нами и нашими союзниками. Императорское Германское Правительство, согласно заявленію украинской рады, признало входящими въ предѣлы собственно Украйны слѣдующія 9 губерній: Волынскую, Подольскую, Херсонскую, Таврическую безъ Крыма, Кіевскую, Полтавскую, Черниговскую, Екатеринославскую, Харьковскую. Къ

¹⁾ Ср. № 2.

Правительство безпромедлительно приступить къ мирнымъ переговорамъ съ Украинской Республикой, о времени начала которыхъ Германское Правительство просить его увѣдомить. (Подп.) за министра иностранныхъ дѣлъ *фонъ-Буше*“.

Радиотелеграмма Народнаго Комиссара по иностраннымъ дѣламъ германскому министерству иностранныхъ дѣлъ 10 (?) Апрелья 1918 г.

4 апрѣля нами была отправлена въ Кіевъ, въ отвѣтъ на запросъ Кіевской Рады, радио-телеграмма съ предложеніемъ начать переговоры въ Смоленскѣ 6 апрѣля. Въ отвѣтъ на запросъ Германскаго Правительства мы вновь подтвердили наше предложеніе и просили Германское Правительство передать его Правительству Кіевской Рады. Отвѣтъ на обѣ наши радио-телеграммы нами до сихъ поръ не полученъ. Напомяная объ этомъ Германскому Правительству, Народный Комиссаріатъ по иностраннымъ дѣламъ считаетъ необходимымъ указать, что возложенная на насъ брестскимъ договоромъ обязанность заключить миръ съ кіевской радой остается невыполненной по причинамъ, не зависящимъ отъ русскаго правительства. Народный комиссаріатъ по иностраннымъ дѣламъ высказываетъ надежду, что Германское Министерство иностранныхъ дѣлъ возьметъ на себя обязанность выясненія интересующаго Германію вопроса о заключеніи Россіей мира съ Украиной и увѣдомить Русское Правительство о результатахъ выясненія. (Подп.) *Чичеринъ*.

№ 8. Обмѣнъ телеграммъ между Германскимъ и Совѣтскимъ Правительствами по поводу русскаго Балтійскаго флота.

Телеграмма Народнаго Комиссара Иностраннхъ Дѣлъ Германскому Министру Иностраннхъ Дѣлъ 4 (?) Апрелья 1918 г.

Согласно § 6 брестскаго договора, суда военнаго и торговаго флота, равно какъ и имущество и личный составъ, находящійся въ портахъ Финляндіи, не подлежатъ захвату со стороны Германіи. Между тѣмъ, германскій флотъ нарушаетъ этотъ пунктъ договора, занимая крѣпости и воды русскихъ портовъ. Германскій десантъ высадился въ Рустаро и обезоружилъ личный составъ батарей. Въ Ганге прибыла флотилія и поставила нашу подводную лодку въ необходимость взорваться. Дальнѣйшее продвиженіе германскихъ судовъ къ Гельсингфорсу можетъ привести къ послѣдствіямъ, одинаково печальнымъ для обѣихъ сторонъ, подписавшихъ миръ въ Брестѣ. Народный комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ выражаетъ увѣренность, что германскимъ морскимъ командованіемъ будетъ незамедлительно дано указаніе о согласованіи своихъ дѣйствій съ мирнымъ договоромъ. (Подп.) комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ *Чичеринъ*.

Германскій ультиматумъ о разоруженіи русскихъ судовъ въ финляндскихъ портахъ 5 Апрелья 1918 г.

На основаніи ст. 5 мирнаго договора, Россія обязалась перевести свои военныя суда въ русскія гавани или немедленно ихъ разоружить. Однако, еще

до сихъ поръ многочисленныя русскія суда находятся вооруженными внѣ русскихъ гаваней, главнымъ образомъ въ финляндскихъ, что въ то же время противорѣчитъ ст. 6 мирнаго договора, на соблюденіи которой по отношенію къ Финляндіи уже неоднократно настаивало Императорское Германское Правительство. Въ согласіи съ Финляндіей, Императорское Германское Правительство предлагаетъ немедленно приступить къ разоруженію русскихъ судовъ, находящихся въ Балтійскомъ морѣ внѣ русскихъ гаваней. Подъ предварительнымъ разоруженіемъ подразумѣвается свозъ съ судовъ всѣхъ орудійныхъ замковъ и минныхъ ударниковъ.

Императорское Германское Правительство считаетъ, что предварительное разоруженіе должно быть выполнено въ теченіе одной недѣли, т. е. до 12 час. дня 12 апрѣля. Если къ указанному сроку это не будетъ исполнено, то германское правительство, совмѣстно съ Финляндіей, сохранить за собою право принять надлежащія мѣры. (Подп.) за министра иностранныхъ дѣлъ *фонъ Буше*.

Требованіе командующаго германской эскадрой въ Ганге, обращенное къ делегаціи Балтійскаго флота, и выполненіе этого требованія.

Всякія разрушенія на военныхъ и коммерческихъ корабляхъ, такъ же, какъ разрушеніе портовыхъ сооружений и береговыхъ батарей Гельсингфорса, съ момента возвращенія делегаціи въ Гельсингфорсъ, т. е. съ 7 апрѣля, воспрещаются.

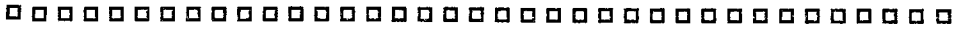
По прибытіи германскихъ вооруженныхъ силъ, на русскихъ военныхъ судахъ въ финляндскихъ портахъ можетъ оставаться лишь немногочисленная охрана. Замки и прицѣлы всѣхъ орудій какъ на корабляхъ, такъ и на береговыхъ укрѣпленіяхъ немедленно погружаются на баржи и транспорты, которые выводятся на внѣшній рейдъ.

Эти работы должны быть закончены черезъ 5 дней послѣ возвращенія членовъ делегаціи изъ Ганге. Тѣ русскія команды, которыя окажутся сверхъ комплекта, необходимаго для охраны военныхъ судовъ, морскихъ и береговыхъ сооружений, будутъ перевезены распоряженіемъ германскаго командованія въ Россію. Сейчасъ же по возвращеніи въ Гельсингфорсъ членовъ делегаціи должны быть начаты работы по разоруженію кораблей и передачѣ ихъ охраннымъ командамъ. Эта мѣра должна быть проведена весьма срочно и закончена не позже, какъ черезъ 14 часовъ по прибытіи делегаціи.

На линейныхъ корабляхъ остается охранная команда въ количествѣ не болѣе 30 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и офицера, на крейсерахъ—20 человѣкъ, на минныхъ судахъ типа „Новикъ“—10 человѣкъ, на миноноскахъ—по 5 человѣкъ, а для охраны подводныхъ лодокъ—по 30 человѣкъ и для охраны всѣхъ малыхъ судовъ—50 человѣкъ. Съ момента проведенія всѣхъ указанныхъ требованій русской флотъ долженъ поднять особый флагъ.

Требованія эти изложены письменно и подписаны командующимъ германской эскадрой, контръ-адмираломъ Мейеромъ.

Приведенное выше ультимативное требованіе германскаго генерала явилось отвѣтомъ на заявленіе предсѣдателя русской делегаціи, что въ редакціи мирнаго договора случайно оказались пропущенными слова: „пока ледъ дѣлаетъ невозможнымъ переходъ военныхъ судовъ въ русскіе порты, на нихъ должны быть оставлены незначительныя команды“. Предсѣдатель делегаціи

Новопашенный при этомъ подчеркнул, что при всѣхъ предварительныхъ переговорахъ само германское командование выдвигало этотъ принципъ.

Сдѣлавъ это заявленіе, русская делегація уклонилась отъ детальнаго переговоровъ, ссылаясь на отсутствіе специальныхъ на то полномочій.

Согласно прямому приказанію Совѣта Народныхъ Комиссаровъ объ исполненіи всѣхъ требованій, изложенныхъ въ германскомъ радіо, морской комиссаріатъ 7 апрѣля отдалъ приказъ начальнику морскихъ силъ Шасному и главному комиссару флота Блохину безотлагательно приступить къ выполнению вышеуказаннаго, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ 11 апрѣля работа была окончена; снимаемая части надлежитъ отправить для храненія въ Кронштадтъ или Петроградъ; возможный уводъ судовъ изъ Гельсингфорса въ Кронштадтъ продолжать.

Отвѣтная телеграмма Комиссара по иностраннымъ дѣламъ отъ 9 Апрѣля 1918 г.

Правительство Россійской Республики сообщаетъ Германскому Правительству, что разоруженіе нашихъ солдатъ и батарей, находящихся въ Финляндіи, и оставленіе при нихъ минимальнаго числа личнаго состава можетъ повести къ захвату ихъ и разоруженію со стороны нерусскихъ вооруженныхъ силъ. Въ виду этого Правительство Россійской Республики снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за могущіе произойти факты разрушенія, произведенные нерусскими военными силами.

Отвѣтъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ на германскій ультиматумъ 10 Апрѣля 1918 г.

Согласно ст. 5 Брестскаго мирнаго договора, русскія военныя суда должны быть переведены въ русскія гавани. Въ исполненіе этого обязательства, а равно принимая во вниманіе сложившуюся нынѣ въ Финляндіи обстановку, Правительство Россійской Республики отдало распоряженіе о немедленномъ переводѣ русскихъ военныхъ судовъ изъ Гельсингфорса въ Кронштадтъ, насколько это будетъ возможно по состоянію ледянаго покрова, имѣя въ виду, что, по состоянію льда, малыя суда должны будутъ продвигаться очень медленно. Продолжительность этого перехода потребуетъ болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени, въ теченіе котораго суда эти будутъ находиться въ предѣлахъ территоріальныхъ водъ Финляндіи. Такъ какъ суда эти имѣютъ определенное назначеніе слѣдовать въ Кронштадтъ, являющійся ближайшимъ русскимъ портомъ, то во время этого перехода представляется необходимымъ, чтобы со стороны Германіи военно-морскими силами, находящимися въ Финскомъ заливѣ, не были произведены дѣйствія, препятствующія этому переходу русскихъ судовъ. Сообщая объ изложенномъ, Правительство Россійской Республики проситъ Императорское Германское Правительство преподать соответствующія указанія германскому военному командованію въ Балтійскомъ морѣ.

Новыя требованія германцевъ.

10-го апрѣля утромъ нашими радіотелеграфными станціями, а также радіотелеграфными станціями военныхъ кораблей принята радіотелеграмма, адресованная командующимъ германской эскадрой фонъ-Мейеромъ начальнику русскихъ морскихъ силъ Балтійскаго моря, въ которой германскій адмиралъ

предупреждаетъ, что выводъ изъ Гельсингфорса германскихъ судовъ или другихъ судовъ, принадлежащихъ подданнымъ союзной Германіи державъ, не будетъ допущенъ и что разрушеніе такихъ судовъ воспрещается.

Немедленно же начальникъ морскихъ силъ Штасный отвѣтилъ германскому адмиралу слѣдующей радіотелеграммой:

„Суда не разрушаются. Наше обязательство по договору требуетъ освобожденія такихъ судовъ не позже 17-го апрѣля, или же, въ случаѣ дальнѣйшаго ихъ задержанія, уплаты фрахта по наивысшей дневной ставкѣ. Торговья суда, по разгрузкѣ, незамедлительно будутъ подлежать возвращенію“.

По распоряженію бывшаго капитана перваго ранга Зеленого, немедленно приступлено къ разгрузкѣ всѣхъ нѣмецкихъ транспортовъ, захваченныхъ во время войны въ качествѣ морского приза и находящихся въ настоящее время въ Гельсингфорсѣ. При этомъ Зеленымъ принимаются всѣ мѣры, чтобы разгрузка эта была закончена до 17-го апрѣля, согласно 31 ст. договора.

Экономическое обозрѣніе.

Государственное регулированіе экспорта капиталовъ въ Англiи.

Матерьяльное оскудѣніе, охватившее за время міровой войны всѣ страны, потребуетъ по окончаніи войны исключительнаго напряженія въ дѣлѣ возстановленія разрушенныхъ производительныхъ силъ.

Для осуществленія этой цѣли нужны будутъ прежде всего въ большомъ количествѣ денежныя капиталы. Страны, богатыя этими капиталами, будутъ находиться въ этомъ отношеніи въ болѣе благоприятномъ положеніи по сравненію съ тѣми странами, которыя и до войны не отличались избытками денежныхъ капиталовъ. На міровомъ рынкѣ по окончаніи войны, естественно, должна будетъ возникнуть погоня со стороны отдѣльныхъ нуждающихся въ денежныхъ капиталахъ странъ за этими капиталами. Спросъ на „иностранные капиталы“ въ болѣе отсталыхъ странахъ будетъ чрезвычайно великъ. Если предоставитъ капиталы тому же свободному передвиженію, какое имѣло мѣсто до войны на міровомъ денежномъ рынкѣ, то капиталы, по обыкновенію, будутъ отливать туда, гдѣ на нихъ будетъ и наиболѣе высокой спросъ и гдѣ помѣщеніе ихъ будетъ наиболѣе выгодно. Но за время войны и богатыя денежными капиталами страны подверглись небывалому денежному оскудѣнію. Подавляющая масса денежныхъ капиталовъ иммобилизована въ военныхъ займахъ всякаго рода. А такъ какъ и этимъ странамъ придется послѣ войны отстраиваться и возобновлять все, что изношено и разрушено въ народномъ хозяйствѣ, то естественно, что государство уже теперь начинаетъ принимать мѣры къ тому, чтобы предотвратить сильный отливъ изъ своей страны денежныхъ капиталовъ, которые будутъ нужны для собственныхъ насущныхъ потребностей.

На этотъ путь стала теперь Англія постановленіемъ государственнаго казначейства отъ 23 декабря 1917 года.

Уже въ самомъ началѣ войны, 19 января 1915 года, въ Англіи, какъ и въ рядѣ другихъ странъ, былъ изданъ законъ, согласно которому помѣщеніе новыхъ капиталовъ въ предпріятія, существующія или вновь основанныя въ предѣлахъ соединеннаго королевства, разрѣшалось лишь въ томъ случаѣ, когда „казначейству представлены доказательства того, что данныя предпріятія соотвѣтствуютъ національному интересу“, т. е. интересамъ всего народнаго хозяйства и всего государства.

Финансированіе предпріятій, находящихся въ британскихъ колоніяхъ, допускалось лишь въ случаяхъ крайней необходимости и при наличіи особыхъ обстоятельствъ. Финансированіе и участіе въ финансированіи предпріятій, находящихся внѣ предѣловъ Британской имперіи, не допускались. Законъ 19 января 1915 года имѣлъ въ виду ограничить частную эмиссионную дѣятельность въ предѣлахъ Британской имперіи. Свою роль эта мѣра выполнила: все, что можно было мобилизовать изъ денежныхъ капиталовъ при помощи государственнаго и общественнаго аппарата, было мобилизовано въ Англіи на нужды войны.

Но этой мѣрой не устранялась опасность отлива англійскихъ капиталовъ за границу.

Теперь британское правительство сдѣлало новый шагъ новымъ закономъ 23 декабря 1917 года. Этотъ законъ гласитъ:

Лицо, живущее въ предѣлахъ Соединеннаго Королевства, не можетъ, безъ письменнаго на то разрѣшенія казначейства, ни прямо, ни косвеннымъ образомъ, за свой ли счетъ или за счетъ другого лица, проживающаго въ Англіи:—

1) производить какіе бы то ни было денежные переводы за предѣлы Соединеннаго Королевства съ цѣлью:

а) подписки на какой-нибудь заемъ или другого помѣщенія капиталовъ внѣ Англіи;

б) покупки государственныхъ фондовъ, акцій и прочихъ цѣнныхъ бумагъ, а также иныхъ видовъ имущества, кромѣ товаровъ, если упомянутыя бумаги, или имущества не находятся въ Соединенномъ Королевствѣ;

1) покупки всякой иностранной валюты съ цѣлью храненія ея на случай повышенія въ цѣнѣ или въ видѣ помѣщенія капитала;

2) принимать участіе, соглашаться или предлагать принять участіе въ одной изъ вышеупомянутыхъ сдѣлокъ, если подобная сдѣлка влечетъ за собой посылку или переводъ денегъ изъ предѣловъ Соединеннаго Королевства.

Каждый банкиръ или лицо, дѣйствующее въ качествѣ такового, долженъ, какъ обязательное условіе перевода денегъ изъ Англіи за счетъ лица, живущаго въ Англіи, требовать, чтобы это лицо сдѣлало письменное заявленіе казначейству о назначеніи каждаго предполагаемаго денежнаго перевода.

Во всѣхъ указанныхъ въ настоящемъ постановленіи дѣйствіяхъ, всякая покупка или соглашеніе или предложеніе покупки иностранной валюты должно быть разсматриваемо, какъ пріобрѣтеніе ея съ цѣлью храненія на случай повышенія въ цѣнѣ или какъ помѣщеніе капитала, пока обратное не будетъ доказано.

Всякая ссылка на основаніи настоящаго постановленія на посылку перевода за предѣлы Соединеннаго Королевства должна разсматриваться, какъ доказательство помѣщенія денегъ въ Соединенномъ Королевствѣ по распоряженію лица, живущаго внѣ Соединеннаго Королевства.

Всякій, кто поступить противно какому-либо изъ постановленій настоящаго закона, или кто въ одномъ изъ упоминаемыхъ въ данномъ законѣ заявленій сдѣлаеть ложныя или вводящія въ заблужденіе указанія существеннаго характера, долженъ быть признанъ виновнымъ въ тягчайшемъ нарушеніи настоящаго закона“.

Такимъ образомъ, подъ контроль государственнаго казначейства въ Англии ставится всякое, вплоть до самыхъ незначительныхъ суммъ, движеніе англійскихъ денежныхъ капиталовъ за границу.

Въ связи съ новымъ закономъ небезынтересно привести данныя о помѣщеніи англійскихъ капиталовъ за время войны.

За послѣдніе 10 лѣтъ передъ войной новыя эмиссіи въ Англии характеризовались слѣдующими данными:

Годы.	фунт. стерл.	Годы.	фунт. стерл.
1904	123.013.000	1909	182.356.800
1905	167.187.400	1910	267.439.100
1906	120.173.200	1911	191.759.400
1907	123.630.000	1912	210.850.000
1908	192.203.700	1913	196.537.000

Среднее за пятилѣтіе. 145.242.660 209.788.400

Среднее за десятилѣтіе . . 177.515.556

За время войны помѣщеніе новыхъ капиталовъ составляло:

1914 г.	512.522.500
1915 „	685.241.700
1916 „	585.436.400
1917 „	1.318.596.000

За 10 лѣтъ до войны самая высокая сумма новыхъ капиталовъ достигала 267.439.000 ф. ст. въ 1910 г. Уже въ первый годъ войны, въ 1914 г., новыя эмиссіи увеличились на 188%, по сравненію съ средней суммой за 10-лѣтіе передъ войной, а въ 1917 г. онѣ возрасли по сравненію съ средней цифрой на 1.141 милл. ф. ст. или на 643%.

Характерно измѣненіе въ направленіи эмиссій на англійскомъ денежномъ рынкѣ за время войны. Помѣщенные новые капиталы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ (въ тыс. ф. ст.):

Назначеніе капиталовъ.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Британск. правительств. займы	332.500	614.250	554.071	1.297.819
Колоніальные „ „	38.674	17.985	6.800	13.870
Иностранныя „ „	18.332	38.450	15.000	—
Британскіе муниципальные „	3.095	—	495	—
Колоніальныя общества	7.754	350	—	—
Иностранныя „	10.605	—	—	—
Британск. жел. дороги	2.161	3.294	1.679	—
Инд. и колон. жел. дор.	23.377	3.965	—	—
Американскія „ „	1.415	—	—	—
Иностранныя „ „	12.795	2.940	384	—

Горнопром. компани:

Австралійскія	582	—	7	—
Южно-африканскія	254	—	—	—
Прочія	1.840	—	15	—
Изысканія и финансированія . . .	5.099	45	—	—
Пивоваренн. и винокур. заводы .	911	—	—	—
Торговья предиріятія	279	—	602	—
Фабричныя	7.957	1.807	1.449	1.377
Склады и торговля	2.263	—	—	—
Земельныя и проч. недвижимости	3.002	25	—	—
Резиновая промышленность . . .	718	152	15	3
Нефтяная	3.407	22	1.573	1.125
Кам.-угольн., стальн. и желѣзодѣл.	3.673	162	1.275	881
Электрич. освѣщ., телеграфы и т. п.	6.746	546	102	214
Трамвай и омнибусы	5.868	432	—	100
Автомобильная промышленность .	1.558	130	381	554
Газопров. и водопроводы	699	20	16	—
Гостинницы, театры и т. п.	803	78	27	—
Патенты	396	—	27	—
Доки и судостроеніе	7.208	580	800	—
Банки и страхов. о-ва	3.479	266	275	1.500
Прочія предиріятія	5.060	316	1.259	1.149
Всего . .	512.522	685.241	585.436	1.318.596

Какъ видно изъ этой таблицы, въ эмиссіонной дѣятельности англійскаго рынка капиталовъ за время войны произошли существенныя измѣненія. Выпуски государственныхъ займовъ увеличились съ 389.506.000 ф. ст. въ 1914 г. до 1.301.690.400 ф. ст. въ 1917 г. или на 912.184.400 ф. ст., т. е. на 234%. Но въ то время, какъ въ общей суммѣ эмиссій государственныхъ займы въ 1914 г. составляли 75,90%, а на прочіе займы и на желѣзнодорожныя и торговпромышленныя предиріятія приходилась одна четверть всей суммы вновь помѣщаемыхъ капиталовъ, въ 1917 г. выпуски государственныхъ займовъ составили уже 98,70%, а на долю прочихъ эмиссій пришлось всего лишь 1,30%. Другими словами, всѣ искавшіе помѣщенія англійскіе капиталы на лондонскомъ денежномъ рынкѣ въ 1917 году были использованы исключительно на нужды военныхъ займовъ.

Характерно также и другое обстоятельство. Изъ общей суммы въ 389,5 м. ф. ст., помѣщенныхъ въ государственные займы, на британскіе займы приходится 332 м. ф. ст. или 85,30%, на колоніальныя—38 м. ф. ст. или 9,70%, на иностранныя—18 м. ф. ст. или 50%; въ 1915 г. въ государственные займы помѣщено 670 м. ф. ст., изъ нихъ въ британскіе—91,60%, въ колоніальныя—2,50%, въ иностранныя—5,90%; въ 1916 г.—въ государственные займы помѣщено 576 м. ф. ст., изъ которыхъ на британскіе приходится 960%, на колоніальныя—10% и на иностранныя—30%; въ 1917 г. въ государственные займы помѣщено 1311 м. ф. ст., изъ нихъ 98,90% въ британскіе займы и 1,10%—въ колоніальныя; иностранныя займы совершенно отсутствують.

Распределеніе эмиссій на лондонскомъ денежномъ рынкѣ по отдѣльнымъ странамъ за послѣдніе полтора года до войны и первые полтора года войны представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	1913 г. фунты	1914 г. стерлинговъ.	1915 г.
Соединенное Королевство	35.951.200	364.420.400	621.140.000
Британскія владѣнія:			
Австралазія	18.628.900	19.403.200	9.530.000
Канада	44.119.000	45.439.400	5.475.000
Индія и Цейлонъ	3.824.000	6.150.200	3.721.200
Южная Африка	6.294.700	5.278.700	3.412.000
Проч. Брит. влад.	3.270.600	4.677.700	151.200
Всего Брит. влад.	76.137.200	80.940.200	22.289.400
Иностранныя государства:			
Австро-Венгрія	107.700	4.366.200	—
Бельгія	—	4.902.500	—
Франція	—	50.000	24.000.000
Греція	—	1.556.300	—
Норвегія	2.402.200	422.900	—
Россія	8.955.900	12.744.100	9.522.000
Швеція	485.000	483.500	—
Турція	—	758.000	—
Проч. европ. страны	—	35.704.700	460.300
Соединенные Штаты	18.746.100	10.395.200	—
Аргентина	11.989.600	15.305.700	7.890.000
Бразилія	15.093.400	5.860.100	—
Центральная Америка	414.900	—	—
Чили	2.699.400	2.533.100	—
Мексика	10.641.500	1.823.000	—
Проч. Южно-Америк. республики	525.000	1.242.200	—
Китай	6.883.000	700.000	—
Куба	891.700	40.000	25.000
Голландск. Ост-Индія	1.497.700	32.000	15.000
Филиппинск. острова	712.500	360.000	—
Проч. иностр. госуд.	2.403.000	—	—
Всего иностр. госуд.	84.448.600	67.162.000	41.912.300
Итого	196.537.000	512.522.600	685.241.700

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, въ нормальномъ 1913 г. внутри Соединеннаго Королевства находили себѣ примѣненіе всего около 36 милл. ф. ст., а всего въ Британской имперіи около 112 милл. ф. ст. На долю же иностранныхъ государствъ приходилось свыше 84 милл. ф. ст., что составляетъ почти 43% всѣхъ суммъ помѣщенныхъ въ этомъ году новыхъ капиталовъ. Въ военномъ 1915 году въ Соединенномъ Королевствѣ было помѣщено уже 621 милл. ф. ст., а во всей Британской имперіи—болѣе 643 милл. ф. ст. На долю же иностранныхъ государствъ въ упомянутомъ году пришлось всего около 42 милл. ф. ст. или 6% всей суммы новыхъ капиталовъ.

Приведенныя данныя, свидѣтельствующія о глубокихъ измѣненіяхъ, происшедшихъ за время войны въ помѣщеніяхъ новыхъ англійскихъ капиталовъ, указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на ту нужду въ свободныхъ капиталахъ, кото-

рую будетъ ощущать англійское народное хозяйство послѣ войны. Этой неизбежной необходимостью сохранить англійскіе капиталы для нуждъ своей страны послѣ войны, съ одной стороны, потребностью въ строгомъ регулированіи расчетнаго баланса, съ другой, и общими планами объ иномъ, по сравненію съ довоеннымъ временемъ, регулированіи международныхъ финансовыхъ и экономическихъ отношеній послѣ войны—съ третьей, въ значительной степени и вызвано приведенное выше постановленіе государственнаго казначейства. Вліяніе этого постановленія далеко не ограничится предѣлами одной только Британской Имперіи.

Законъ 23 декабря 1917 г. имѣетъ огромное значеніе и для Россіи. Русское народное хозяйство не сможетъ обойтись безъ иностранныхъ капиталовъ, которые необходимы для возстановленія всей нашей разрушенной за все время войны хозяйственной жизни. Создавшееся для Россіи послѣ Бреста международное положеніе дѣлаетъ особенно необходимымъ привлеченіе иностранныхъ капиталовъ изъ тѣхъ странъ, съ которыми Россіи важно укрѣпить свои экономическія и финансовыя связи.

Естественно, что англійское правительство, ставящее подъ свой контроль весь экспортъ англійскихъ капиталовъ за границу, сможетъ пользоваться этимъ контролемъ не только въ экономическихъ и финансовыхъ, но и въ политическихъ дѣлахъ. Государственное регулированіе экспорта капиталовъ приобретаетъ поэтому и особенный политическій характеръ.

Постановленіе англійскаго казначейства чрезвычайно важно и въ другомъ отношеніи. Между современнымъ агрессивнымъ империализмомъ и экспортомъ капиталовъ существуетъ самая тѣсная связь. Вся империалистическая политика большинства современныхъ капиталистически высоко развитыхъ странъ опредѣляется въ значительной степени потребностями и интересами финансоваго капитала, экспортъ котораго въ такихъ странахъ, какъ Англія, Франція, Германія, Соед. Штаты принялъ въ послѣднія 25 — 30 лѣтъ исключительные размѣры. Борьбой изъ-за этого „мирнаго проникновенія“ въ лицѣ финансоваго капитала въ колоніальныя и полукolonіальныя страны, изъ-за сферъ вліянія и размежеванія интересовъ, изъ-за наиболѣе выгоднаго помѣщенія финансоваго капитала вызвана и настоящая мировая война.

Въ послѣднее время передъ войной нѣкоторыми писателями за границей выдвигался въ качествѣ одной изъ мѣръ борьбы съ отрицательными сторонами экспорта финансоваго капитала такъ наз. „контроль за финансовымъ капиталомъ“. По мысли одного изъ сторонниковъ этой мѣры въ Англіи, Брэйлсфорда ¹⁾ министерство иностранныхъ дѣлъ или департаментъ торговли должны вести тщательный реестръ, подлежащій ежегодному пересмотру, всѣхъ капиталовъ, помѣщаемыхъ британскими гражданами за границей въ формѣ займовъ, концессій, акцій, въ рудникахъ, желѣзныхъ дорогахъ, промышленныхъ предприятий и т. п. Такой реестръ долженъ быть бы, естественно, различать двѣ категории предприятий — такія, которыя, заслуживаютъ признанія и оффиціального поощренія, и такія, которымъ должно быть отказано въ государственномъ признаніи. За правильнымъ выполненіемъ этого контроля должна слѣдить особая коммиссія, состоящая изъ лицъ, не занимающихъ оффиціальное положеніе. Всѣ жалобы должны разсматриваться этой коммиссіей, въ которую могли бы приносить

¹⁾ The War of Steel and Gold. A Study of the armed Peace, by H. N. Brailsford. London. 1917).

шеній. Авторъ останавливается раньше всего на экономическомъ оборотѣ. Онъ излагаетъ взаимную связь всѣхъ странъ, приводя данныя относительно экспорта товаровъ, капиталовъ и труда. Нельзя сказать, чтобы авторъ давалъ въ своемъ описаніи мірового хозяйства что-нибудь особенно рельефное.

Во второй главѣ, о политической проблемѣ интернационализма, мы находимъ изложение современныхъ империалистическихъ стремленій; при этомъ авторъ такъ же, какъ и многіе изъ его предшественниковъ, не выясняетъ связи между политическимъ империализмомъ и экономической тенденціей къ колонизаціи, не обосновываетъ тезиса, что для экономического господства надъ какой-либо территоріей необходима политическая власть надъ нею. Интереснымъ является указаніе автора, что империализмъ вовсе не является исключительно стремленіемъ къ извлеченію выгодъ изъ подчиняемыхъ странъ, что, „въ сравненіи съ хозяйственными интересами, національная организація воплощаетъ высшую культурную цѣнность“ (стр. 87, цитата изъ Шульце-Геверница), что империализмъ есть „вѣра, подвигающая на жертвы“ (тамъ же). Автору слѣдовало-бы подробно остановиться на этомъ, очень мало извѣстномъ у насъ, идейномъ обоснованіи германскаго империализма.

Авторъ излагаетъ исторію и современные стремленія германскаго, японскаго и американскаго империализма. Въ описаніи германскаго империализма мы находимъ два существенныхъ пробѣла: не изложены новѣйшія стремленія Германіи къ обладанію Балканами и путемъ къ Персидскому заливу (Берлинъ—Багдадъ) и конфликты этихъ стремленій съ англійскими и русскими интересами, приведшіи къ настоящей войнѣ. Во вторыхъ, отсутствуетъ описаніе тѣхъ коммерческихъ и политическихъ методовъ (институтъ комми-вояжеровъ, политика крупныхъ банковъ и судоходныхъ компаній, военный шпіонажъ), которымъ Германія обязана столь быстрымъ развитіемъ ея вѣдшей торговли и мірового вліянія.

Ключниковъ противопоставляетъ империализмъ, какъ самоутвержденіе государства, тенденціи къ міровому объединенію. „Въ политическомъ отношеніи интернационализмъ одновременно устремленъ въ двѣ противоположныя стороны: въ сторону конечнаго объединенія всего человѣчества въ одинъ великій международный союзъ и въ сторону созданія отдѣльныхъ сильныхъ эгоистическихъ государствъ“ (стр. 45). Авторъ, однако, не обосновываетъ эту общую концепцію. Между тѣмъ, тенденцію къ всемірному объединенію можно вывести изъ общаго хода міровой исторіи и прослѣдить зачатки ея еще въ современномъ строѣ. Живущая родовымъ бытомъ, натуральнымъ хозяйствомъ семья, изолированная отъ всего міра, посредствомъ вѣковой, стоившей огромныхъ усилий мысли и огромной борьбы крови и желѣза, эволюціи, превратилась въ современное государство, въ которомъ даже наиболѣе бѣдно и примитивно живущій крестьянинъ экономически и культурно связанъ съ міровымъ хозяйствомъ и взаимодействіемъ національныхъ культуръ. Темный инстинктъ, невѣдомо откуда возникшій обычай замѣненъ гарантирующимъ права личности закономъ и цаномѣрной, на много лѣтъ впередъ рассчитанной, политической дѣятельностью. Прогрессъ организованности выражается и въ томъ, что достигается все возрастающая экономія силъ: меньше усилий тратится на бесплодную борьбу, большая часть работы идетъ на культурное строительство. Измѣнилась и обогородилась и роль государства: оно все болѣе превращается изъ городского—охранителя вѣдшаго порядка—въ носителя, вѣстника культурныхъ цѣнностей. Наконецъ, все болѣе проникаетъ въ общее сознаніе и получаетъ практическое осуществленіе великая

идея Канта: человѣческая личность, какъ самоцѣль. Признаніемъ чужой личности проникнута вся внутри-государственная дѣятельность. Все усиливается и требованіе, чтобы это начало было проведено въ международныхъ отношеніяхъ. Самоопредѣленіе народностей, лига для обезпеченія правъ народовъ—выводы изъ той-же основной идеи—признанія чужой національной личности. Анализъ вкратцѣ отмѣченнаго здѣсь развитія необходимъ для того, чтобы уяснить себѣ постулаты и пути будущихъ международныхъ отношеній. При этомъ необходимо еще (что опять таки упущено Ю. В. Ключниковымъ) подробно остановиться на демократизации международной политики—на сдерживающемъ вліяніи, которое, надо надѣяться, окажетъ публичный и парламентскій контроль внѣшнихъ отношеній.—Авторъ также почему-то совершенно обходитъ проблему разоруженій.

Послѣдняя глава разбираемой книги посвящена федерализму; авторъ опредѣляетъ послѣдній, какъ „объединеніе къ саморасширенію государства на основѣ сочетанія и равенства“ (стр. 250), въ противоположность государственному индивидуализму—„объединенію или саморасширенію государства на основѣ подчиненія и неравенства“. Въ борьбѣ и взаимодействіи этихъ двухъ теченій авторъ видитъ весь смыслъ современной эволюціи международныхъ отношеній. При этомъ онъ полагаетъ, что начало даже формальнаго (юридическаго) равенства никогда не будетъ единственно господствующимъ. Онъ признаетъ это вполнѣ обоснованнымъ: „почему сильные не въ правѣ взять на себя руководство слабыми?“ (стр. 404). Мы полагаемъ, что необходимо отдѣлить вопросъ о фактическомъ перевѣсѣ болѣе сильнаго (физически или культурно) отъ требованія, чтобы въ будущемъ строеѣ международныхъ отношеній было признано равноправіе народовъ, безъ чего невысказана дѣйствительная правовая организація международнаго обществя.

Книга Ю. В. Ключникова въ общемъ даетъ немного новаго; она имѣетъ существенныя пробѣлы, но какъ обобщеніе основныхъ проблемъ и какъ введеніе въ вопросы международныхъ отношеній, книга, легко и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно серьезно написанная, удовлетворяетъ своему назначенію.

М. Слюзбергъ.

М. Я. Лазерсонъ. Къ международной постановкѣ еврейскаго вопроса. Петроградъ, 1917 (Книжный складъ „Эзро“, ц. 2 р. 50 к.).

Авторъ, въ умѣло написанной книгѣ, защищаетъ широкую международную постановку еврейскаго вопроса, какъ вопроса національнаго. Онъ одинаково отрицаетъ и старое, внутренне-государственное пониманіе вопроса, и пониманіе, покоящееся на идеѣ созданія новаго еврейскаго территориальнаго государства. Опираясь на завоевывающую все больше и больше приверженцевъ идею націи, какъ личнаго, а не территориальнаго союза, онъ полагаетъ, что еврейство, какъ нація, проживающая на территории ряда странъ, должна образовать личный національный союзъ, не умѣщающійся въ границахъ отдѣльныхъ государствъ, а по существу своему международный. Авторъ указываетъ, что, вопреки распристраненнымъ представленіямъ, пока еврейство международно не сплочено и такое сплоченіе—дѣло будущаго. „Приходится поражаться тому, пишетъ онъ (стр. 17), что еврейскій народъ, все же обладающій довольно большими массами національно сознательныхъ элементовъ, до сихъ поръ не сумѣлъ создать

никакой вселенской концентрации и что даже нѣтъ на лицо суррогатовъ таковой. Объясненіе этого интереснаго явленія лежитъ въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ происходила борьба еврейства за свои права: ограничительное законодательство, отдѣльныхъ странъ снималось въ тотъ моментъ, когда, въ качествѣ равноправныхъ гражданъ, евреи сливались съ остальнымъ населеніемъ страны, иначе говоря, утрачивали національный статусъ, исторически всегда слагавшійся именно, какъ совокупность правовыхъ ограниченій.

Практическую свою программу авторъ изображаетъ въ слѣдующей формулѣ: „еврейскій народъ имѣетъ право на международное его признаніе въ качествѣ таковаго“. По существу мысль о надгосударственномъ національно-культурномъ общеніи евреевъ во мнѣ не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Она и естественна, и законна. Меня смущаетъ правовая, техническая сторона дѣла. Авторъ справедливо указываетъ, что до настоящаго времени международная защита еврейства „до извѣстной степени противорѣчила принципу невмѣшательства во внутреннія дѣла того или иного государства“, была „дипломатическою нелегалщиною“ (стр. 35). Онъ возлагаетъ, однако, надежды на то, что будущее международное право станетъ на самомъ дѣлѣ правомъ между народами, а не только между государствами. Выдвинутые великой войной національные лозунги служатъ для него тому порукой. До сихъ поръ развитіе событий не позволяетъ, однако, сколько нибудь твердо предположить, какъ то дѣлаетъ авторъ, что національные вопросы послѣ войны будутъ рѣшаться внѣ старыхъ чисто государственныхъ формъ, внѣ образованія национальныхъ государствъ. Все указываетъ на то, что государства, какъ таковыя, отстаютъ свое первенство надъ не-территориальными, надгосударственными или междугосударственными націями. Поэтому я склоненъ думать, что обезпеченіе общенациональныхъ культурныхъ интересовъ еврейства можетъ силою вещей пойти только черезъ государства и черезъ междугосударственное право.

Проф. Бар. Б. Э. Нольде.

Ю. Каменевъ. Борьба за миръ. (Отчетъ о мирныхъ переговорахъ въ Брестѣ). Съ приложеніемъ договора о перемиріи, германскихъ и русскихъ условій мира и деклараціи. Книгоиздательство „Жизнь и Знаніе“. Петроградъ, 1918. 82 стр. Цѣна 2 руб.

С. Мстиславскій. Брестскіе переговоры (Изъ дневника). Съ приложеніемъ протоколовъ 1-ой Брестской конференціи и другихъ документовъ. 2-ое изданіе. Книгоиздательство „Скны“. С.-Петербургъ, 1918. 92 стр. Цѣна 2 руб.

Два участника брестскихъ переговоровъ, слѣдовательно, два человѣка, приложившихъ свою руку къ несчастью Россіи, выпустили особыми книжками свои отчеты.

Что они—оправдываются, стараясь снять отвѣтственность съ себя и возложить ее на товарищей, каются, признавая свою ошибку?

О, нѣтъ! Они, или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Каменевъ, очень гордъ своей ролью въ брестскомъ „дѣлѣ“. О покаяніи для него не можетъ быть и рѣчи. Совсѣмъ напротивъ.

„Первое, говоритъ онъ, что мы сдѣлали—мы выпустили обращеніе къ народамъ союзныхъ странъ.

„Но скоро стало ясно, что мы не добьемся отвѣта отъ союзниковъ, пока сами не сдѣлаемъ рѣшительнаго шага.

„Мы этотъ шагъ сдѣлали...

„Результаты оказались блестящими“ (стр. 5).

Самая книжка Каменева носить гордое название: „Борьба за миръ“.

„Буржуазные журналисты не могутъ понять величія того жеста, который дѣлаетъ русскій народъ, заключая миръ... Они говорятъ, что мы ѣдили вымалывать миръ у германцевъ“,—

но это клевета. Онъ, Каменевъ, такъ же, какъ и его товарищи, боролся за миръ, а не вымалывалъ его и не продавалъ интересовъ русскаго народа, и притомъ боролся не путемъ предательства“ (стр. 10).

„Мы были смѣлы, такъ какъ мы выражали стремленіе народовъ всего міра къ миру. Съ одной и другой стороны испробована сила штыковъ, но не использована еще сила революціоннаго энтузіазма народовъ всего міра, а эта сила огромна. На съѣздѣ V арміи въ Двинскѣ, передъ тѣмъ, какъ перейти русскіе окопы, я сказалъ: „мы ѣдемъ не только мириться, но и судить. Мирить народы, судить правительства, повинныя въ войнѣ и въ ея затягиваніи“ (стр. 15).

„Защищая отъ германскихъ имперіалистовъ права Польши, Литвы, Латвіи, мы защищали не только польскій, литовскій, латышскій народъ—мы защищали права и свободу всѣхъ трудящихся“ (стр. 49).

Въ книгѣ многократно говорится, что германскіе имперіалисты были „вынуждены“ пойти навстрѣчу требованіямъ большевиковъ (напр. стр. 29), а требованія большевиковъ суть требованія самой справедливости, требованія всѣхъ рабочихъ и крестьянъ всего міра (стр. 14).

„Германскіе делегаты совершенно спасовали передъ такой позиціей, они не могли ея понять (еще-бы! В. В.), и не могли поэтому пустить въ ходъ обычныхъ дипломатическихъ уловокъ“ (стр. 46).

„Заклочить миръ можемъ только мы, ни въ коемъ случаѣ не могли этого сдѣлать Керенскій и Милюковъ“ (стр. 49).

Въ своей гордости Каменевъ идетъ такъ далеко, что утверждаетъ:

„Старыя границы бывшей царской Россіи пали, но не потому, что онѣ сломаны прусскими генералами, а потому, что русскіе рабочіе и крестьяне не могутъ властвовать надъ населяющими эти границы народами безъ ясно выраженнаго желанія самихъ этихъ народовъ“ (стр. 46).

Вообще трудно себѣ представить, что можно „съ душою дерзкою. съ безсовѣстнымъ челомъ“, дѣлать публично заявленія, столь явно противорѣчащія всѣмъ извѣстнымъ фактамъ. И, однако, это оказывается возможнымъ...

Быть можетъ, въ видѣ оправданія Каменеву, кто-нибудь сошлется на то, что всѣ эти утвержденія были сдѣланы имъ въ различныхъ рѣчахъ и докладахъ, произнесенныхъ въ ноябрѣ и декабрѣ, когда ихъ ложность не была еще въ такой мѣрѣ очевидна. Да, въ такой степени, какъ нынѣ, когда совѣтская власть отдала Россію на милость побѣдителя, это не было ясно въ ноябрѣ и декабрѣ. Это не было ясно темнымъ массамъ. Но вѣдь Каменевъ всѣ эти рѣчи собираетъ теперь и выпускаетъ ихъ книжкой, на которой ставитъ подзаголовокъ: „Отчетъ“, Предисловіе подписано 15—28 января 1918 г. (вышла книжка, кажется, только въ апрѣлѣ). Между тѣмъ 15—28 января было уже для всѣхъ совершенно ясно, что говорить о „блестящихъ“ результатахъ мирнаго выступленія большевиковъ просто смѣшно; что требованіе „демократическаго“ мира есть пустая фраза; что „огромная сила революціоннаго энтузіазма народовъ всего міра“ есть Пустая фантазія; что Россія ничего не „вынудила“ у германскихъ имперіалистовъ, а сдалась на ихъ милость; что старыя границы Россіи пали

не вслѣдствіе великодушія россійскаго пролетаріата,—тѣмъ болѣе, что уже тогда онъ не обнаруживалъ этого великодушія ни по отношенію къ Украинѣ, ни по отношенію къ Дону, на которые онъ распространялъ свои „имперіалистическіе“ замыслы, ни даже по отношенію ко всей Россіи, которой онъ отказалъ въ самоопредѣленіи, разогнавъ ея Учредительное Собраніе,—а вслѣдствіе воли побѣдителя. Было совершенно ясно и то, что совершенно новые приемы дипломатическихъ переговоровъ, веденныхъ простыми солдатами и матросами, не знающими даже иностранныхъ языковъ, не пригодны при веденіи этихъ переговоровъ, по крайней мѣрѣ, съ современными правительствами.

Все это было совершенно ясно 15—28 января и даже много раньше. Въ тотъ самый день, когда русская делегація прочитала свою широкообъщательную и пышную программу демократическаго мира, а ген. Гофманъ отвѣтилъ, что подобныя условія могли бы быть предложены только побѣдителемъ (стр. 66),—уже тогда для всякаго разумнаго и добросовѣстнаго человѣка должно было стать яснымъ, что совѣтская власть морально совершенно обанкротилась, вступая въ мирные переговоры съ имперіалистической Германіей, не побѣдивъ ее. И тѣмъ не менѣе, Каменевъ счелъ возможнымъ собрать весь блестяще опровергнутый жизнью хламъ своихъ старыхъ рѣчей, прибавить къ нимъ нѣсколько документовъ, касающихся переговоровъ, и преподнести это въ видѣ своего „Отчета“.

Можно прибавить къ этому, что въ „отчетѣ“ нѣтъ ничего новаго: все это было напечатано въ газетахъ и появляется въ книжкѣ въ совершенно непереработанномъ видѣ. Если книжка имѣетъ какую-нибудь цѣну, то развѣ только цѣну „человѣческаго документа“—свидѣтельство о томъ, до какой степени можетъ доходить способность человѣка говорить очевидную неправду.

Книжка Метиславскаго производитъ, во всякомъ случаѣ, лучшее впечатлѣніе. Она гораздо скромнѣе по заглавію: это не „отчетъ“ о „борьбѣ за миръ“, а только отрывки „изъ дневника“ о брестскихъ переговорахъ, или, точнѣе, о первыхъ ихъ дняхъ, въ концѣ ноября ст. ст. Къ тому же Метиславскій признаетъ (стр. 5), что дѣло мира было безнадежно испорчено съ самаго начала, по его мнѣнію, приказомъ Крыленко о самочинныхъ перемиріяхъ (въ дѣйствительности—всѣмъ поведеніемъ большевиковъ съ самаго начала революціи), и онъ, Метиславскій, хотѣлъ даже отказаться отъ предложенія принять участіе въ переговорахъ въ качествѣ русскаго делегата. Но онъ не отказался, считая себя не вправѣ „очистить поле дѣйствія исключительно большевикамъ“ (стр. 10), т. е. по тѣмъ самымъ мотивамъ, по которымъ когда то во времена царизма онъ сотрудничалъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и такимъ образомъ помогалъ своими познаніями сановнымъ служителямъ стараго режима. Теперь онъ такъ же помогаетъ большевикамъ. Это пониманіе не помѣшало ему въ одномъ мѣстѣ своего дневника назвать брестскіе переговоры „поединкомъ“ и высказать увѣренность, что „побѣдительницей должна была вернуться съ этого поединка делегація“, хотя „всякая возможность борьбы ликвидирована“ (стр. 22—23). Тутъ же Метиславскій признаетъ, что прервать переговоры, разъ начавъ ихъ, нельзя, такъ какъ этого не позволяютъ нѣмцы. Это пишетъ Метиславскій 28 ноября; книжка его первымъ изданіемъ вышла еще въ концѣ 1917 г., и, слѣдовательно, Троцкій былъ предупрежденъ о томъ, что изъ его якобы красиваго жеста—неподписанный миръ съ заявленіемъ о выходѣ изъ войны—ничего добраго выйти не можетъ, предупрежденъ не какимъ-либо „буржуемъ“, а своимъ товарищемъ по работѣ, съ которымъ онъ не могъ не считаться. Это—очень цѣнное свидѣтельство для оцѣнки поведенія Троцкаго.

Метиславскій даетъ, главнымъ образомъ, бытовую сторону переговоровъ; онъ сообщаетъ о первой встрѣчѣ, о разговорахъ внѣ официальныхъ засѣданій объ обѣдѣ, которымъ угощали делегатовъ, и т. д., также о поѣздкѣ русской делегаціи въ Брестъ и назадъ изъ Бреста послѣ заключенія перемирія, и въ этомъ отношеніи его книжка даетъ много любопытнаго. Не лишено интереса и изложеніе самыхъ засѣданій; изъ него видно, какъ безконечно трагикомична была роль русской делегаціи, все время пытавшейся перенести споръ въ возвышенную область интересовъ всемірнаго пролетаріата и все время короткими, простыми, ясными репликами нѣмцевъ принужденной спускаться оттуда въ сферу реальныхъ отношеній. „Уполномочена ли русская делегація говорить и отъ имени своихъ союзниковъ?“—спросилъ Гофманъ въ отвѣтъ на фразистую декларацию о „всеобщемъ мирѣ безъ аннексій и контрибуцій“. И этого оказалось достаточно для того, чтобы русская делегація была окончательно сбита съ толку (стр. 26).

В. Водовозовъ.

Wilhelm von Wannisch. Österreich-Ungarn nach dem Kriege. Stuttgart, Deutsche Verlagsanstalt, 1917, стр. 34.

Усматривая одну изъ главныхъ причинъ войны во внутреннихъ неурядицахъ въ Австріи, давшихъ врагамъ основаніе считать Австрію легкой добычей, Ваннишъ—австрийскій нѣмецъ—значительную часть своей книги посвящаетъ вопросамъ австрийской внутренней политики, главнымъ образомъ, вопросу національному. Отдавая должное выгодамъ системы дуализма и восхищаясь проявленной мадьярами во время войны преданностью общеимперскимъ интересамъ, авторъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ, что въ будущемъ взаимоотношенія обоихъ королевствъ нуждаются во многихъ измѣненіяхъ, причѣмъ слѣдуетъ идти по пути взаимныхъ уступокъ, особенно въ области торговой, таможенной и транспортной политики, гдѣ должны произойти большія перемѣны въ связи съ предстоящимъ тѣснымъ союзомъ съ Германіей. Авторъ объявляетъ себя сторонникомъ полного равноправія населяющихъ Австрію народностей, широкой свободы употребленія родного языка въ управленіи и въ школахъ (не исключая и высшей ея ступени), предостерегаетъ отъ репрессій, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что Австріей нельзя управлять по общему конституціонному шаблону другихъ государствъ: она нуждается въ большей правительственной опекѣ, всѣ, какъ національныя такъ и классовыя партіи должны находиться подъ контролемъ правительства, которое не должно допускать преслѣдованія ими узко-национальныхъ или узко-классовыхъ интересовъ; строгому надзору должна подвергаться также „обще-австрийская“ благонадежность учителей и духовенства. Какимъ образомъ согласовать эту опеку со свободой отдѣльныхъ національностей, авторъ не объясняетъ.

Въ области внѣшней политики, Ваннишъ стоитъ за скрытыя аннексіи: Сербія, Албанія, Черногорія—эти очаги антиавстрийской интриги—должны находиться подъ строгимъ военнымъ контролемъ со стороны Австріи, послѣдствіемъ котораго, по нѣкоторымъ намекамъ автора, явится послѣдующее сліяніе этихъ странъ съ Австріей. Границы съ Италіей онъ желалъ бы видѣть исправленной, особенно въ области Шлудербаха, Ампеццо и озера Гарды, такимъ образомъ, чтобы навѣки были парализованы всѣ попытки къ наступленію со стороны предательской бывшей союзницы. Что касается Румыніи, авторъ предполагаетъ, что

послѣ отнятія у нея Добруджи, изъ остальныхъ ея областей должны быть образованы два небольшихъ государства, которыя всецѣло находились бы подъ вліяніемъ Австріи.

Россію авторъ этой книги, написанной въ началѣ 1917 года, считаетъ очень сильнымъ врагомъ и всѣ свои надежды возлагаетъ на возможное внутреннее разложенеіе ея, въ случаѣ котораго, при помощи русскихъ украинцевъ, можно было бы отодвинуть ее за Днѣпръ. Какъ о весьма отдаленной возможности, авторъ мечтаетъ также объ отпаденіи Финляндіи и о присоединеніи къ Германіи нашихъ балтійскихъ провинцій. Такимъ образомъ панрусизмъ былъ бы парализованъ навѣки, а за нимъ пришла бы очередь ненавистой автору Англии. Срединная же Европа будетъ продолжать свой путь на Востокъ, черпая постоянный источникъ новыхъ силъ въ согласіи и свободѣ населяющихъ ее народовъ.

А. Спѣжинская.

Friedrich Naumann. Was wird aus Polen? Berlin. Reimer, 1917, стр. 57.

Написанная во время путешествія по Польшѣ весной 1917 года и изданная въ маѣ того же года, книга Науманна до сихъ поръ не утратила своей злобы, дневности и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Со свойственной проповѣднику ид-и созданія „Срединной Европы“ прямою, авторъ съ первыхъ же строкъ заявляетъ, что центральныя державы освободили Польшу отнюдь не изъ стремленія къ освобожденію угнетенныхъ (подобнаго рода заявленія въ области международной политики онъ считаетъ сплошнымъ лицемеріемъ), а единственно изъ сознанія собственной выгоды, которая, къ счастью, совпадаетъ съ интересами самой Польши. Сильная, цвѣтущая Польша, тѣсно связанная со Срединной Европой, необходима послѣдней для борьбы съ Восточной Европой, борьбы, которая, по мнѣнію автора, будетъ длиться очень долго, съ короткими перерывами въ видѣ всякаго рода мирныхъ договоровъ и соглашеній.

Являясь жизненной потребностью центральныхъ державъ, тѣсное объединеніе со Срединной Европой не менѣе важно для самой Польши, что, по наблюденіямъ Науманна, пока не сознается въ Польшѣ; это непониманіе особенно ясно сказалось въ дни русской революціи, когда почти всѣ поляки мечтали о побѣдѣ русскихъ либераловъ, между тѣмъ, какъ всякій нѣмецъ съ радостью привѣтствовалъ растущій въ Россіи хаосъ. Но руссофильскія тенденціи, равно какъ и націоналистическій романтизмъ и нѣкоторая революціонность должны быстро исчезнуть при соприкосновеніи съ дѣйствительностью, и поляки, отказавшись отъ несбыточныхъ мечтаній о Познани и Галиціи, поймутъ, что тѣсный союзъ со Срединной Европой диктуется ихъ реальными интересами и сулитъ имъ пышный экономическій расцвѣтъ.

Науманнъ опровергаетъ мнѣніе, будто Польша станетъ чѣмъ то вроде колоніи для Германіи: она недостаточно богата избыткомъ сырья, густо заселена и обладаетъ собственной развитой индустріей; послѣдняя не пострадаетъ отъ прекращенія связи съ Россіей, т. к. съ небывалымъ подъемомъ сельскаго хозяйства повысится покупательная способность самой Польши.

Требую немедленнаго созданія сильной союзной Польши, Науманнъ не закрываетъ глазъ на всѣ трудности, связанныя съ превращеніемъ оккупированной страны въ союзное государство: въ самомъ понятіи „оккупированнаго союзника“ кроется противорѣчіе, служащее источникомъ взаимнаго непониманія и подо-

зрительности; но именно эта сложность положенія требует особенно прямыхъ, быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій со стороны центральныхъ державъ.

Науманнъ настаиваетъ на немедленномъ созданіи боеспособной польской арміи, учрежденіи сильной конституціонной монархіи, уничтоженіи демаркаціонной линіи между двумя зонами оккупаци, установленіи, хотя бы временно, восточной границы Польши (причемъ совѣтуетъ ни въ коемъ случаѣ не оставлять ее въ рукахъ молодой польской арміи) и на заключеніи прочной военной конвенціи съ новымъ государствомъ; послѣ „широкаго жеста“ 5-го ноября нужно было продолжать политику широкую и смѣлую, не торгуясь „съ кислосладкой миной“ за всякій дальнѣйшій шагъ и внося ясность въ создавшееся положеніе. Необходимой предпосылкой для установленія этой ясности Науманнъ считаетъ заключеніе окончательнаго договора и между самими центральными державами, т. к., для объединенія Польши со Срединной Европой необходимо подлинное существованіе послѣдней.

Во всей книгѣ Науманна звучитъ недовольство австро-германской политикой въ Польшѣ, ея мелочностью и близорукостью. Авторъ видимо, находитъ, что гражданскіе дѣятели этихъ странъ уступаютъ военнымъ въ широтѣ и размахѣ, и нѣсколько сомнѣвается въ томъ, окажется ли имъ по плечу осуществленіе намѣченныхъ имъ великихъ проблемъ. „Я не буду предаваться этимъ тяжелымъ мыслямъ,—пишетъ объ этомъ Науманнъ въ заключительныхъ строкахъ своей книги,—т. к. война еще не кончена, и долгъ всякаго изъ насъ быть пока оптимистомъ“.

А. Спльжинская.

Редакторы-издатели: { М. Л. Гошиллеръ.
Прив.-доц. С. О. Загорскій.

СЪ ФЕВРАЛЯ ВЫХОДИТЬ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ
ДВУХНЕДѢЛЬНЫИ НАУЧНЫИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИ-
ТИЧЕСКІИ ЖУРНАЛЪ

„МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И МІРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ:

Книга первая. Отъ редакціи. — Что даютъ центральнымъ державамъ Брестскіе переговоры. *Макса Гошиллера*. — Чѣмъ грозитъ Россіи „германскій“ миръ. *Прив.-доц. С. О. Загорскаго*. — Лига народовъ. *Проф. бар. Б. Э. Нольде*. — Секретныя дипломатическія документы. *В. В. Водовозова*. — Хроника.

Книга вторая, специально посвященная Брестскому миру. Политическая карта Брестскихъ договоровъ. *Проф. бар. Б. Э. Нольде*. — Русско-германскій миръ, какъ этапъ въ міровой войнѣ. *А. М. Кулишера*. — Экономическія условія „германскаго“ мира. *Прив.-доц. С. О. Загорскаго* — Контрибуція. *Проф. М. И. Боголѣпова*. — Проблемы международной торговой политики (статья первая). *Проф. Г. М. Кулишера*. — Секретныя дипломатическія документы. *В. В. Водовозова*. — Хроника.

Книга третья. Отъ редакціи. — Международныя задачи демократіи. *А. Потресова*. — Батумъ и Карсъ. *З. Авалова*. — Бѣлоруссія и Брестскій мирный договоръ. *Акад. Е. Карскаго*. — Вопросы денежнаго обращенія. *Проф. М. Бернацкаго*. — Россія, Японія и Америка на Дальнемъ Востоку. *Г. А. Казакова*. — Секретныя дипломатическія документы. *В. В. Водовозова*. — Хроника.

Предполагаемое содержаніе книгъ 5 и 6: *Проф. М. И. Боголѣповъ*. Иностранныя капиталы и русское народное хозяйство. — *В. В. Водовозовъ*. Румынія въ міровой войнѣ. — *М. Л. Гошиллеръ*. Международныя интересы Франціи. — *Прив.-доц. С. О. Загорскій*. Лига народовъ — *И. О. Левинъ*. Германія на пути къ демократизму. — *Проф. бар. Б. Э. Нольде*. Независимая Финляндія. — *Проф. М. А. Полиевктовъ*. Европейскій рубежъ Россіи въ его историческомъ развитіи. — *Л. М. Пумпянскій*. Международное рабочее законодательство. — *А. Ю. Финнъ-Енотаевскій*. Украина и Великороссія. — *Прив.-доц. Е. А. Флейшицъ*. Возстановленіе частно-правовыхъ отношеній по Брестскому договору.

Съ 5-й книги въ журналѣ вводится Соціально-политическое Обозрѣніе.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, 3-я Рождественская, 26,
Акц. О-во «МУРАВЕИ» (тел. 168-39).